ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ (ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ)

1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

*

ОТПЕЧАТАНО
В 1-Й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГР. ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Пятницкая, 71.
Главл. А-36253. П.12. Гиз 31767.
Заказ 1006. * Тираж 1800.

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг.

I.

Чешский вопрос, а следовательно, и вопрос чехо-словацкий, получил для царского дипломатического ведомства значение самодовлеющей политической проблемы лишь в эпоху империалистической войны. До того времени вопросы о чехах в практике царского правительства ассоциировались преимущественно или с вопросами иммиграции австрийских подданных, или — с вопросами, связанными с деятельностью различных славянских благотворительных обществ в пределах Российской империи. Чешский вопрос, как вопрос национальный, для русской дипломатической агентуры, аккредитованной при венском дворе, являлся лишь предметом наблюдения и изучения и трактовался последнею в порядке вопросов, относящихся к внутренней политической жизни двуединой империи. Само собою понятно, что рост австро-русских антагонизмов на Балканах содействовал своеобразному «революционизированию» точки зрения русского правительства на вопросы развертывавшейся в Австрии ожесточенной национальной борьбы [1]).

Еще задолго до войны русское дипломатическое ведомство с удовлетворением констатировало [2]) происходившее в чешской общественности нарастание националистических и одновременно оппозиционных настроений, выражавшееся в последовательном образовании ряда новых партийных группировок с тенденциями все возрастающего политического радикализма: если победа младочехов на выборах 1879 г. рассматривалась русским правительством в положительном смысле, то отмечаемое у них впоследствии усиление оппортунистических тенденций заставляет царскую дипломатию смотреть благожелательно на выдвинувшуюся на политическую арену и составлявшую серьезную конкуренцию младочехам «радикальную» партию с Клофачем во главе, мысль

---

[1]) Напомним, что представляла собой Австрия как государственный конгломерат национальностей; согласно данным официальной австрийской статистики, в ней насчитывалось: немцев — 12 млн., венгров — 10 млн., чехов и словаков — 8,5 млн., поляков — 5 млн., русинов — 3,5 млн., словенцев — 1 млн., сербо-хорватов — 6 млн., итальянцев — 1 млн., румын — 3 млн.

[2]) См. депешу Свербеева из Вены от 20/I 1910 г. № 6. (Датировка здесь, как и ниже, дается по старому стилю.) Цитируемые здесь документы хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве.

о пользе чешского радикализма заставляет царскую дипломатию закрывать глаза на различия в социальном составе соперничающих групп, мало того — она готова даже приветствовать рост удельного веса чешской социал-демократии, поскольку явление это должно было, по ее мнению, сдерживать австро-славистские тенденции младочехов. Таков был общий подход царской дипломатии к чешскому национальному вопросу до войны, подход, основанный скорее на присущих ей австрофобских настроениях и не выливавшийся в какую-либо, построенную хотя бы в самых общих и грубых чертах, тактическую схему.

К моменту возникновения войны царское правительство подходило к чешскому вопросу приблизительно с теми же субъективными предпосылками. Стратегические операции, развивавшиеся на русско-австрийском фронте, разумеется, должны были повысить интерес русского правительства к чешской проблеме. Используя традиционную концепцию исторической миссии России в судьбах угнетенных балканских народов, верховный главнокомандующий в своем воззвании, выпущенном в августе 1914 г., обращался к «народам Австро-Венгрии» с заверением, что Россия, вступая в пределы Австро-Венгрии, «несет теперь свободу и осуществление (их) народных вожделений»...

«Призываю вас, — возглашал великий князь, — встречать русские войска, как верных друзей и борцов за ваши лучшие идеалы». Дальше этих общих заверений и призывов дело однако не шло, и какой-либо конкретизации традиционной общей концепции в отношении отдельных славянских национальностей у русского правительства мы первоначально не наблюдаем [1]). Правда, по мнению некоторых чешских политиков, еще до войны, во время приезда Крамаржа в Петроград, между ним и министром иностранных дел все уже было «условлено официально», однако никаких документальных данных об этих беседах в материалах делопроизводства б. министерства иностранных дел не сохранилось [2]). Не сохранилось также никаких следов переговоров, которые вел с министром ин. д. приезжавший в январе 1914 г. депутат Клофач и позднее, весной того же года, вождь сокольской организации Шейнер. В своих «Воспоминаниях» [3]) Масарик сообщает, что Сазонов и тому и другому советовал не рассчитывать на русскую помощь. По свидетельству Бенеша [4]), Шейнер, в русских правящих кругах всюду встречавший непонимание и холодное отношение, от Сазонова услышал такую реплику: «Вы — интересный народ, но вы не представляете интереса для нас, вы не играете никакой роли в плане нашей кампании...»

Программа предполагавшегося в Петербурге в мае 1914 г. славянского совещания — созыв 3-го славянского съезда представлялся в ту пору затруднительным — ограничивалась следующими вопросами: 1) об устройстве славянского банка, 2) о преподавании

---

[1]) С значительно большим интересом относилось царское правительство к судьбам угро-руссов, и Галиция, как известно, была постоянным предметом забот ряда депутатов правого сектора Государственной Думы.

[2]) См. ниже стр. 17.

[3]) См. Т. Г. Масарик. «Мировая революция. Воспоминания», т. I. Прага. 1926, стр. 21.

[4]) См. «Le Monde Slave», № 3. Mars, 1926, стр. 331. Ст. E. Benes.

славяноведения в школах, 3) об участии славян во всероссийской выставке, 4) о железнодорожном сообщении между славянскими странами [1]).

Отметим еще один факт из дипломатической переписки этого периода. При донесении русского консула в Праге Жуковского от 12/IV 1914 г. за № 12 в министерство препровождалась составленная Клофачем записка, проектировавшая организацию «кадров преданных нам людей в тех районах, где необходимо развить симпатии к России и облегчить нам разведочную деятельность». Клофач мыслил себе эту организацию в виде системы «районных секретариатов» (числом около 10), причем содержание каждого такого секретариата должно было бы обходиться русскому правительству приблизительно в 1000 руб. в год. О своих организационных планах Клофач беседовал и с Сазоновым и с ген. Жилинским. Равнодушие, проявленное Сазоновым при свидании с Клофачем к чешскому вопросу, нами уже отмечено выше. «Что же касается до того или иного отношения к этому вопросу консульства в Праге,— сообщал Жуковский,— то я обращал внимание Клофача на то обстоятельство, что я не могу поощрять его намерения без особого на то предписания вашего превосходительства, хотя признаю его предложения заслуживающими внимания...» Ближе знакомый с генеральной линией петербургского министерства русский посол в Вене предупреждает Жуковского о необходимости «соблюдать крайнюю осторожность при своих сношениях с местными политическими деятелями и членами оппозиционных партий и воздерживаться от всего того, что могло бы компрометировать наше консульское представительство в Австро-Венгрии» [2]). В связи с преподанным ему уроком Жуковский оправдывался [3]): «По приезде в Прагу мне с первых же шагов пришлось весьма осмотрительно отнестись к совершенно бестактным стараниям чехов завлечь меня в оппозиционное отношение к австрийскому правительству... Несмотря на попытки некоторых политических деятелей направить консульство в русло односторонее, германофобское, я завязал сношения с чисто австрийскими кругами и тщательно поддерживал их...» С «Общенародным Чешским Советом» Жуковский, по его словам, не поддерживал «никаких официальных сношений», с политическими же деятелями Чехии «придерживался осторожного образа действий» и, в частности, «лидерам народно-социальной партии советовал обращаться непосредственно в Петербург по интересующим их делам...» Правда, по позднейшему свидетельству того же Жуковского [4]), — еще задолго до войны, «под покровом полного затишья», чешский народ подготовлялся к «грядущим событиям». Императорский консул в Праге обращается к чешским политическим деятелям с призывом «сплотиться и определить их отношение к назревающим в Европе событиям», он вдохновляет их на выработку манифеста, намечающего ориентировку чехов на страны Антанты. В то же время, — по словам того же консула, — ведется «усиленная пропаганда одним из преданных нам лидеров партий в рабочих

[1]) Донесение консула в Праге Жуковского от 12/IV 1914 г. № 11.

[2]) Весьма доверительное письмо посла в Вене от 23/IV 1914 г.

[3]) Донесение Жуковского от 5/V 1914 г. № 17.

[4]) Записка русского консула в Праге Жуковского от 10/X 1914 г., пересланная в м-во и. д. на имя бар. Шиллинга, с заголовком «Восстановление самостоятельного Чешского королевства».

слоях населения и в сокольстве». Происходят секретные совещания Чешского Национального Совета, одобряющие «ту перспективу для Чехии при разделе австро-венгерских владений, которая вполне отвечает русским интересам и достоинству России». Жуковский с удовлетворением отмечал в этом же своем донесении, что австро-славистская программа, выдвигавшаяся Крамаржем и младочехами со времени славянского съезда в Праге 1908 г., теперь, не встречая сочувствия в Вене, утратила всякую почву под ногами: «на ближайшую очередь ставится проблема об окончательном освобождении славянской народности в двуединой империи и государственном устройстве и упрочении их в будущем возможном всеславянском союзе под протекторатом России...» «При конечном военном успехе России, — пишет Жуковский, — партий чешских временно уже не будет, а выступит на первый план народ, объединенный достигнутым идеалом свободы и окончательного возрождения. Те политические деятели, которые еще недавно враждовали друг с другом на почве внутренней австро-венгерской неурядицы, теперь, объединенные благом народа, явятся наилучшими помощниками России в государственном переустройстве Чехии...» Хотя австрийское правительство и готово, повидимому, завоевать симпатии чехов рядом уступок вплоть до коронования австрийского наследника престола чешской короной, однако: «как только появятся наши войска в Словачине, Моравии и Чехии — все изменится, и следовало бы иметь в виду своевременное опубликование специального манифеста для Чехии...»

Чрезмерный оптимизм российского экс-консула в Праге центральным дипломатическим ведомством, повидимому, не разделялся. По крайней мере, строки записки, посвященные развитию мысли о том, что «появление русского войска в пределах Чехии с девизом освобождения от немцев и возрождения Чешского королевства... всколыхнет весь чешский народ», вызвали читателя на реплику, зафиксированную пометой на полях: «Это еще вопрос». Обоснование автором своей веры в успех чешского освобождения ссылкою на «полную неспособность Карла-Франца-Иосифа к государственным задачам» вызывает у того же читателя замечание: «Она еще не выяснилась, особенно в 1914 г.» На утверждение автора записки, что многие из чехов военно-пленных «пожелают перейти в православие и, возвратясь на родину, окажут России значительные услуги», читатель откликается пометою на полях: «Сомнительно». Наконец, строки записки, где говорится об экономических выгодах для России от образования самостоятельного чешского государства, могущего заменить потребляемые русским рынком продукты германской промышленности продуктами чешского производства, вызывают на полях скептическое замечание: «От немецкого засилья к чешскому».

Нет никаких указаний на авторство перечисленных помет на цитированной записке по чешскому вопросу, составленной в энтузиастических тонах. Можно только сказать, что, несмотря на возросший, повидимому, у министерства интерес к чешской проблеме, проблема эта к рассматриваемому времени новой специальной проработке не подвергалась. Нужно заметить, что когда в августе прибывший из Вены в Рим корреспондент «Нового времени», Сватковский, человек весьма близкий к министерству иностранных дел, подал проект организации в Италии русской агентуры по австрийским делам, проект этот первоначально в министерстве не встретил сочувствия.

Будирующим началом оказываются чехи, проживающие в России в качестве членов чешской колонии.

Мотивы поисков заработка и уклонения от военной службы были в свое время главными двигателями, обусловившими создание этой чешской колонии, довольно значительной по размерам, но страдавшей разобщенностью составлявших ее мелких групп и в известных частях своих легко поддававшейся ассимиляции [1]).

В первых числах августа в газете «Русское слово» [2]) появляется письмо в редакцию двух чешских деятелей, Л. Тучека (представителя Московского чешского комитета) и С. Коничека. Письмо это имеет заголовок «Чешский вопрос», в нем отмечаются те природные богатства, которыми обладает Чехия, и высокое развитие ее производительных сил, указывается на значение Чехии, как крайнего западного оплота славянства против германизма, подчеркиваются надежды чехов на Россию в деле освобождения от германского ига, и, наконец, вспоминается афоризм Бисмарка: «Кто владеет Чехией, в руках того находится ключ ко всей Европе». К началу сентября того же года относится первое официальное выступление русских чехов, подающих на высочайшее имя ходатайство о приеме делегатов от четырех окружных комитетов — Чешского вспомогательного общества в Петербурге, Чешского комитета в Москве, Чешско-словенского общества в Варшаве и Чешского комитета в Киеве. Под ходатайством, преследующим конкретную цель — добиться права организации чешской дружины добровольцев, — мы встречаем подписи Пауло, Коничека, Клеканды, Дедины, Чермака. Политическая разношерстность [3]) состава просителей не помешала им однако сойтись на едином тексте приложенной к ходатайству записки, составленной в духе петербургского славянофильства. «Чудом уцелевший сын всеславянской матери, тысячелетний страж на западе, — читаем в этой записке, — чешский народ взирает на вас, великий государь, с пламенной надеждой и просьбой: возобновить самостоятельное чешское королевство, дав воссиять блеску короны св. Вячеслава под лучами великой и могущественной династии Романовых...» Чешские представители царем были приняты. Организация дружины была разрешена. Но на какие-либо другие обещания правительство было скупо. Более горячий отклик чехи находят в действующей армии.

В начале ноября, когда русские войска совершали продвижение вглубь австрийской территории, и это создавало почву, благоприятную для созревания у чехов различных политических планов, начальнику штаба юго-западного фронта передается записка за подписями упоминавшегося ранее Л. Тучека и председателя Киевского чешского комитета В. Вондрака [4]).

---

[1]) Об оценке политического значения чешской колонии в России см. книгу T. G. Masaryk. «Die Welt-Revolution. Errinnerungen und Betrachtungen 1914—1918». Berlin 1925. S. 78.

[2]) См. газ. «Русское слово», № 183, от 10/VIII 1914 г.

[3]) Пауло, Клеканда и Чермак были на плохом счету у русского правительства, чего отнюдь нельзя сказать относительно Коничека и Дедины. По социальному положению своему перечисленные лица близки друг к другу, являясь все, кроме Клеканды, представителями промышленного капитала и владельцами разных предприятий.

[4]) На записке помета: «Холм. 19/XI 1914 г.».

«Мы нисколько не сомневаемся,— значилось в этой записке,— что русские воины будут встречены нашим народом, как братья, что с момента вступления русской армии на нашу территорию роли противников переменятся — австрийская армия очутится среди враждебного населения, тогда как русские будут чувствовать себя среди родных, дома, где, по русской пословице, и углы помогают...» Переходя к практическим предложениям, авторы намечали следующие мероприятия: «Считаем, весьма существенным организацию политического брожения в Чехии. Для этой цели необходимо распространить возможно шире воззвание верховного главнокомандующего, обращенное к чешскому населению Чехии, Моравии, Словакии и Силезии и организовать пассивное сопротивление в тех же областях (порча телеграфов, железных дорог, машин в оружейных заводах, угольных копях и т. п.). Для превращения этих пассивных сопротивлений в открытое восстание чешского народа мы считаем необходимым при занятии русскими войсками чешской территории издание такого государственного акта, коим устанавливалась бы полная независимость и самостоятельность Чехии, основанная на историческом государственном праве, и низложение королевской династии Габсбургов. Находящаяся ныне в рядах русской армии чешская дружина должна, по нашему мнению, составить после объявления самостоятельности и независимости чешского государства первую чешскую военную единицу, ядро военной мощи возрождающейся Чехии. Для усиления дружины мы считаем полезным производить в занятых областях набор. Для осуществления намеченных целей мы предполагаем воспользоваться помощью чешской дружины и наладить местную фуражировку армии. Главная же роль дружины выразится во всесторонней, исчерпывающей разведке...»

Рассматривая предложение чехов с точки зрения военно-технической полезности его, начальник юго-западного фронта ген. Алексеев отнесся к нему сочувственно. В своем письме на имя начальника штаба верховного главнокомандующего от 16/XI 1914 г. он писал:

«Приближение наших войск к границам Моравии и Чехии, возможность вступления их в пределы этих провинций ставит на очередь вопрос об использовании к нашей выгоде настроения чешского народа, его нерасположения к государственному строю и внутренней политике империи Габсбургов. Поставив на правильные начала наши отношения к чехам, мы можем создать крупные затруднения для нашего врага путем революционной деятельности народа, уклонения его от поставки солдат, путем возбуждения беспорядков в тех войсковых частях VIII и IX корпусов, преобладающим элементом в которых являются чехи. В то же время мы можем облегчить вопрос продовольственный наших войск.

Для этого необходимо: 1) создать орган, при помощи которого наше правительство могло бы войти в сношение с чешским народом, а войско, при вступлении в пределы Чехии, имело бы дело с населением. Ячейки такого органа уже имеются в виде Чешских комитетов Москвы, Киева и других городов. Эти комитеты составлены из идейных работников чехов и словаков — русских подданных. Отдельные усилия этих, ныне разрозненных комитетов нужно объединить, придать им известный авторитет, значение всенародного движения. Необходимо ускорить разрешение вопроса об образовании общего «Чешского комитета».

Необходимо разрешить приезд в ставку верховного главнокомандующего представителей провинциальных комитетов, выслушать их доклад, оказать содействие достижению их пожеланий.

2) Выработать воззвание верховного главнокомандующего к чешскому народу. Проект такого воззвания имеется в министерстве иностранных дел у г-на Шиллинга. Составлено это воззвание горячо, с подъемом, хотя несколько распространенно. В последнем вреда нет: народ культурен, поймет и обширное воззвание.

3) Ясно и определенно указать те пределы выгод, на которые может рассчитывать чешский народ за свое активное выступление в борьбе с Австрией и за содействие нам в той или другой форме. Недомолвок в этом отношении быть не должно: чехов пугают обращением в «чешскую губернию».

4) Выработать меры к подготовке общественного мнения к распространению воззвания. Необходима посылка эмиссаров. Как на одного из крайне убежденных работников, указывают на пленного доктора 3-й дивизии XIV корпуса Зденека Фоустка. Доктор этот содержится в Киеве.

5) Установить определенный взгляд на возможность формирования из желающих военно-пленных чехов и из населения Чехии особых национальных полков, которые должны принять участие в боевых действиях совместно с нашими войсками. При определенном решении этого вопроса нужно выработать общие основания: денежные средства, отпуск вооружения, одежды, снаряжения, на кого возложить обязанности по выбору людей, выпускаемых в полки или батальоны. (Не каждая политическая партия пригодна для этого).

Прилагая докладную записку представителей Московского и Киевского чешских комитетов Тучека и Вондрака, я прошу разрешения прибыть им в ставку для личного доклада.

А л е к с е е в».

Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Янушкевич не возражал против приезда депутации в ставку, но предупреждал, что обсуждение вопросов, возбужденных чехами, он полагает преждевременным [1]). Между тем чешские организации отнюдь не считали учреждение чешской дружины достаточным разрешением вопроса и продолжали настаивать на необходимости постановки дела на более широкой основе, на необходимости планомерной организации чешских полков, проводимой под руководством специально для этих целей создаваемого центрального органа — «Союза чешских обществ в России». Об этом писал Вондрак директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего в декабре 1914 года [2]). При этом Вондрак делал отсюда еще один шаг и развивал мысль о необходимости формулировать перед лицом 15—20 тысяч чехов, которые будут собраны под знамена, те основные цели, за какие они будут сражаться. Иными словами, со стороны русского правительства, — по мысли Вондрака, — должно было последовать «признание заветных чешских надежд», и акт этот должен был быть облечен им в форму царского манифеста или воззвания верховного главнокомандующего.

Дипломатическая канцелярия при ставке уклоняется от прямого ответа на поставленные вопросы. Ходатайство чехов поддерживается чиновником по гражданским делам завоеванных областей кам.-юнкером Базаровым, беседующим в начале января 1915 г. на эту тему со ставкой по прямому проводу [3]).

---

[1]) Отношение ген. Янушкевича на имя ген. Алексеева от 22/XI 1914 г. за № 180.

[2]) Письмо Вондрака Базили в ставку от 22/XII 1914 г.

[3]) Запись разговора по прямому проводу от 5/I 1915 г. между камер-юнкером Базаровым и директором дипломатической канцелярии.

В ставке, наконец, соглашаются принять депутацию, оговариваясь, что на прием у великого князя ей рассчитывать не приходится.

В середине декабря верховным главнокомандующим был подписан заготовленный в министерстве иностранных дел проект воззвания к «чешскому народу». Воззвание было средактировано в общих торжественных выражениях; много места уделялось теме о гнете германизма, прокламировалась задача — «свержение ига немецкого и основание могучего славянского государства»; вместе с тем подавалась надежда — «ныне же чешскому народу приходит помощь с Востока славянского, из св. Руси, неоднократно помогавшей балканским славянам в их тяжелой борьбе против угнетателей».

Русский военный агент в Берне, имевший в Праге свою агентуру и организовавший распространение воззвания среди австрийских чехов, сообщал, что воззвание «было принято чехами с истинной радостью» [1]).

Из сказанного можно прежде всего сделать тот вывод, что русское правительство и в рассматриваемое время старалось соблюдать в чешском вопросе крайнюю осторожность, неохотно шло на обсуждение принципиальных вопросов и воздерживалось от каких-либо конкретных обещаний.

II.

Обратимся теперь к рассмотрению той информации о внутреннем положении в Чехии, которую получало русское дипломатическое ведомство от органов своей агентуры и которая не могла не содействовать активизации позиции, занятой русским правительством в чешском вопросе.

Еще в первые дни войны из Австрии приходили известия о том, что мобилизация среди чехов проходит далеко не гладко.

В ноябре 1914 г. один из пражских осведомителей в качестве примера, иллюстрирующего чешские настроения, приводил тот факт [2]), что в городе магазины обычно декорируются не в момент поступления известий об австрийских победах, а с опозданием ровно на столько, сколько нужно, чтобы поступили известия о ликвидации этих успехов. Устроивший свою разведывательную базу в Цюрихе Сватковский в своем донесении от 26/XII писал, что Австро-Венгрия держится почти исключительно цементом германской военной опеки и продержится лишь до нового сильного удара со стороны русской военной силы. В войсках констатируются частые переходы на сторону неприятеля и военные бунты; на вагонах отправляемых на фронт воинских поездов нередко можно встретить надписи: «Вывоз дешевого чешского мяса». Наместнику Туну, по свидетельству Сватковского, приписываются слова: «Чехи — все руссофилы, разница только в том, что одни — руссофилы явные, а другие — тайные». Русский манифест был встречен чешским населением сочувственно; однако не приходится строить иллюзий, и революционные перспективы являются лишь «бредом молодежи и пугалом зрелых

[1]) Секр. тел. помощника военного агента в Берне Голованя от 15/XII 1914 г. за № 583 в отдел квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего.

[2]) Копия телеграммы из Праги от 11/XI 1914 г. без подписи, переданная Клецандой Петряеву. Автор телеграммы — осведомитель, австрийский подданный.

политиков». На руссофильские настроения чешского населения правительство отвечает репрессиями; приостанавливается выход младочешских «Народных листов». Тун признается недостаточно твердым, и ставится вопрос о замене его. Кары на печать за «умолчание», объявление о смертной казни за распространение русского манифеста и агитационные речи. Такова картина чешской политической жизни, которая вырисовывалась из заграничной информации в ноябре — декабре 1914 г. и могла питать известный оптимизм, если не в русских дипломатических кругах, то, по крайней мере, в русских кругах военных. В одном из донесений, относящихся к середине января 1915 г. [1]), тем же Сватковским политическая атмосфера, царившая в Чехии, характеризовалась следующим образом: «все ходят на цыпочках и говорят шопотом»; при соблюдении крайней «осторожности» в публичных местах и выявлении показного минимума «австрийского патриотизма», чехи «дома и в интимных кругах только и говорят о том торжественном моменте, когда придут русские братья — освободители». Цитируя слова, сказанные депутатом Рашиным, близким к Крамаржу, Сватковский пишет: «Как настроен народ, вы сами могли убедиться. От последнего рабочего до высшего чиновника и от радикала-националиста до жандармов и полицейских комиссаров включительно все желают, чтобы русские скорее были бы в Праге... только бы не стреляли». Ссылаясь на того же Рашина, Сватковский сообщает далее, что «Чешский Народный Совет» не собирается, что депутаты избегают всяких собраний из боязни, чтобы чешских политиков не вынудили к официальным заявлениям, противоречащим их стремлениям к независимости Чехии.

Все приведенные выше сообщения говорят преимущественно об обывательских настроениях. О каких-либо политических планах, программах действий мы до сих пор не слыхали. Останавливаясь на руссофильских настроениях чехов, которые он называет «только настроениями», Масарик говорит в своих «Воспоминаниях» [2]), что чешские политики имели очень обширную, но неясную программу: большое славянское государство — Россия и входящие в него в качестве сочленов мелкие славянские народы составляли как бы планетарную систему славянских государств с Россией, играющей роль солнца: в пределах этой русской федерации для мелких государств определялась автономия, с великим князем в качестве наместника [3]). Предпосылкою такой программы являлась уверенность в победе России, в чем сам Масарик далеко не был уверен, предвидя для нее повторение японской войны. Скептический взгляд Масарика на успехи русского оружия заставлял его ориентироваться не на Россию, а ждать поддержки со стороны Англии и Франции.

Несомненным представляется то, что в рассматриваемый период преобладающей среди чехов являлась вдохновлявшаяся Крамаржем русская ориентация, не отличавшаяся достаточной политической ясностью и конкретностью. Этот несколько обывательский и туманный характер ориентировки на Россию и сосуществование наряду

[1]) Донесение Сватковского из Цюриха от 19/I 1915 г.

[2]) См. Masaryk, стр. 15.

[3]) В качестве возможного наместника назывался великий князь Константин Константинович.

с этим другой, хотя и не пользовавшейся такою широкою популярностью, западнической ориентации содействовали тому, что складывавшаяся вокруг чешского вопроса дипломатическая обстановка не могла отличаться ясностью и простотой. В упоминавшемся уже ранее донесении из Праги от 11/XI 1914 г., между прочим, сообщалось:

«Передайте куда следует, что все политические партии, наконец, помирились, и достигнуто абсолютное единство во всех вопросах, вами затрагиваемых... В первый удобный момент будет провозглашено низложение Франца-Иосифа с престола чешского королевства: правда, это будет только низложение теоретическое, но все же с ним можно считаться... достигнуто соглашение с вождями словаков, и выработано прямое обращение чехо-словацких политических деятелей к е. и. величеству и русскому правительству с оригиналами подписей и с просьбой удовлетворительного решения династического вопроса в смысле, высказанном чешской делегацией».

В секретной телеграмме посланника в Берне от 5/XII 1914 г., заключающей в себе первое сообщение Сватковского, читаем:

«При решительном решении [1]) чехи будут довольны и счастливы образованием из чешских и словацких земель королевства или вице-королевства под державой государя-императора с полной внутренней автономией, но при единстве армии, дипломатии и таможенной территории. Подробности изложены в проекте «Устава славянской империи», представленном Крамаржем в июне сего года. Границу Чешского королевства желательно распространить на юг Верхней и Нижней Австрии до Дуная, не включая однако Вену. Венгерские и словацкие земли должны отойти к королевству до Дуная и от поворота его прямой линией на восток...»

Возлагая определенные надежды на помощь России, группировка Крамаржа полагала однако необходимым, чтобы помощь эта была рациональна. В «продолжении» к только что цитированной телеграмме (от того же числа) значится:

«В заключение Крамарж с товарищами просит, чтобы, если окажется необходимым, вступили на чешскую землю лишь для стратегических целей, а не для диверсии, иначе чешское население, которое радостно встретит русских, подвергнется возмездию, и богатая страна ..... в ближайшем будущем ... будет разорена, может быть, без пользы для русского оружия. Это Крамарж просит довести до сведения высшей русской власти».

Донесение Сватковского из Цюриха от 19/I 1915 г. подтверждает приводившиеся выше сведения:

«Вся политическая деятельность, — писал он со слов младочешского депутата Рашина, — находится в настоящее время в руках избранного партиями (неясно, состоит ли тайный комитет из представителей всех или большинства партий или же из младочехов, сторонников Крамаржа и близких ему лиц из других партий государственников, — последнее вернее) исполнительного тайного комитета. Этот комитет занимался обсуждением вопроса о желательной будущности чешских земель и пришел к заключению, что, хотя полная самостоятельность была бы весьма трудным решением, и чешский народ сумел бы устроить сам свою судьбу, тем не менее желательно, чтобы самостоятельное королевство чешское находилось под державой русскою и чтобы Чехией управлял не король, а вице-король».

[1]) Так в подлиннике.

Главный довод в пользу этого пожелания сводился, — по словам Сватковского, — к указанию на те крупные расходы и, прежде всего, расходы на оборону страны, перед которыми станет Чехия в случае приобретения ею полной самостоятельности, и на те выгоды, которые она получит при государственно-таможенном объединении с Россией, выгоды, которые могут быть закреплены благоприятным торговым договором и будут распространяться одинаково и на чешские торгово-промышленные слои и на чешских аграриев. Что касается онемеченных чешских окраин, то, согласно той же концепции, они должны были войти в состав Чешского королевства, причем предполагалось произвести национализацию всех частных железных дорог, угольных копей, рудников и лечебных мест.

Господствующий в ту пору в настроениях чешской общественности руссофильский лейтмотив заглушает, повидимому, все иные оттенки чешской политической мысли, и даже такой убежденный противник русской государственности, как известный по своим выступлениям довоенного времени [1]) проф. Масарик, отдает дань этой преобладающей тенденции. Правда, в своих «Вспоминаниях» он утверждает, что скептицизм в вопросе об ориентации на Россию и тогда не покинул его: он был убежден в том, что официальная Россия преследует прежде всего проливы, что в этом прежде всего значение ее славянской проблемы, что малые балканские народы лишь средство в ее борьбе с Австрией за влияние на Балканах [2]). Однако, как сейчас будет видно, в своих выступлениях, относящихся к первым месяцам войны, он далеко не чувствовал себя свободным в своих суждениях. Разделяя вместе с другими уверенность в конечной победе стран Согласия, но делая отсюда тот вывод, что чехам рассчитывать при этом нужно не столько на Россию, сколько на Англию и Францию, он приходит в декабре 1914 г. к твердому решению о необходимости активизации чешской политики и о перенесении этой активности за границу. В середине декабря он оказывается уже в Риме, где начинает работу по завязыванию связей и выяснению общего положения. В телеграмме от 13/XII 1914 г. за № 200 русский посол в Риме Крупенский передает:

«Второе сообщение Сватковского: в Рим прибыл для беседы с ним и с делегатами хорватов и словенцев профессор Масарик, наиболее деятельно занявшийся выяснением настроений, намерений и планов будущего народов Австро-Венгрии. При первом свидании с писателем Ватсоном, присланным Стэдом [3]) из Лондона в Роттердам, Масарик сообщил ему для передачи правительствам Тройственного Согласия свои впечатления в качестве политического наблюдателя. Ныне он делает сообщение по соглашению с представителями чешских партий: реалистов, народных социалистов, государственников — и имел беседы с социал-демократами, аграристами и младочехом Шеллером, имеющим сношения с Крамаржем. Ему известно, что группа последнего желает чешского вице-королевства под державой государя императора. Признавая выгоды такового решения для чешских интересов, особенно в смысле таможенного объединения с Россией, Масарик полагает, что это — вопрос,

[1]) См. его книгу T. G. Masaryk. «Russland und Europa. Studien über geistigen Stromungen in Russland». Jena. 1913.

[2]) См. его же «Errinnerungen...», стр. 15—19.

[3]) Стэд — редактор иностранного отдела газ. «Times».

зависящий от политического и военного могущества России в момент окончания войны. Общее желание чехов — иметь короля русского и, во всяком случае, не немца или способного обратиться в немца. Желательно, чтобы, по крайней мере, сначала дипломатия была общей с русской; военная сила должна быть также в распоряжении освободителей. Чехо-словаки должны представлять сильную военную организацию и быть в военном союзе с таковою же южно-славянскою. Общее желание чехов и югославян иметь территориальное соединение в полосе хорватских островов между Австрией и Венгрией. Желательно тесное таможенное соглашение, особенно с Россией. Цель и условия чешской независимости — ослабить, сколько возможно, Германию. Поэтому, при определении границ Чешского королевства, чехи руководятся не исключительно этнографией, но требуют исторических и, одновременно, стратегических границ. Это дало бы, между прочим, возможность спасти лужичан и грозить Берлину из Лужицы. На юге чехо-словаки должны граничить с Венгрией по Дунаю и от поворота его, по водоразделу на восток. Самостоятельность и сила Чехо-словацкого королевства может быть обеспечена только прочной, без перерывов, оккупацией Россией чешских и словацких земель. Временное появление русских и возвращение австрийцев вызовет разгром страны и истребление политических вождей и организаций. Обширные списки опасных деятелей уже готовы. Террор уже надвигается, особенно в восточно-чешских землях. Оккупация должна быть также планомерная и должна с самого начала иметь не только военный, но и ясно выраженный политический характер, как в Галиции. Согласно цели образования Чехо-словацкого королевства в определенных заранее пределах должны быть приняты немедленно соответствующие созидательные административные меры; сокольские дружины привлечены к организации полицейской и затем военной службы. На окраинах будущего королевства с славяно-мадьярским населением должны быть приняты немедленно меры к выселению всех наиболее вредных мадьярских элементов, подобно тому, как мадьяры ныне совсем выселили в Венгрию и Хорватию сербов из (Сирмийской) области от Землина до Нового Сада. По занятии русскими войсками Праги желательно, чтобы военная власть образовала для сношений с населением национальный комитет из главнейших вождей: младочеха Крамаржа, старочеха Матуша, народного социалиста Клофача..., государственника Хваина, агрария Швеглы, реалиста Масарика. Из словаков наиболее компетентны — редактор Штефанек и доктор Шробар. В выборе словаков для сношений и ознакомления с настроениями вообще необходима крайняя осторожность. Подробности и объяснения письменно».

В своем письме Сазонову от 27/XII 1914 г. тот же Крупенский сообщал дополнительно:

«На этих днях меня посетил профессор Масарик, пробывший здесь некоторое время и ныне уезжающий в Женеву. В пространной беседе он подробно ознакомил меня с предположениями чешских политических деятелей разных, — как он заявил, — партий относительно территории будущего Чешского королевства, каким оно ими намечается по окончании войны. Так как данные эти вашему высокопревосходительству уже известны из телеграмм Сватковского, я позволю себе ограничиться передачею вам лишь впечатлений, вынесенных мною от всего слышанного мною от моего собеседника.

Не договаривал ли Масарик всего, что он думал о политическом устройстве Чешского государства под скипетром Российской державы, или же соответствующие предположения чехов не воплотились еще в совершенно ясные и конкретные формы, но для меня вопрос этот остался не вполне выясненным.

Я не счел удобным расспрашивать его на эту тему, предоставив ему высказаться по ней без принуждения с моей стороны. Я не мог однако не подметить некоторых сомнений самого Масарика в осуществлении такого дела, когда он начал исчислять количество католиков, которые вошли бы в состав населения России (17 миллионов поляков и около 12 миллионов чехов со словаками и немцами), и упомянул о присущей католическому духовенству склонности к некоторой фронде по отношению к правительственной власти страны, которой оно принадлежит, если в ней католическое исповедание не господствующее. Такое замечание, как мне думается, менее всего можно было бы ожидать услышать от представителя чешского народа как раз в ту пору, когда этот народ стремится войти в лоно Российской державы.

Что касается отношения Чешского королевства к будущему юго-славянскому государству и соединения их обоих территориальным коридором приблизительно вдоль нынешней западной границы между Австрией и Венгрией, то Масарик высказал лишь несколько общих соображений. При этом он обнаружил весьма ограниченный интерес к судьбе словенцев, которых он считает народом экономически слабым и низшим по культуре.

На мой вопрос, может ли он вернуться в Прагу, или же он находится на положении эмигранта, Масарик дал ответ довольно неопределенный, ответ, который я не мог не сопоставить с дошедшими до меня сведениями — за верность которых я, впрочем, ручаться не могу — о том, что личное положение Масарика не вполне ясное как по отношению к австрийским властям, так и к разным политическим партиям его соотечественников.

В общем, какого-либо определенного вывода из всего слышанного мною от Масарика я сделать пока не могу; считаю тем не менее своим долгом представить на ваше воззрение эти отрывочные данные ради большего выяснения сложного вопроса о судьбе такой крупной по своему значению славянской области Австрии, как Чехия с Моравиею и словацкими землями».

Если, подобно Крамаржу, в рассматриваемое время Масарик также рассчитывал на содействие, которое могут оказать осуществлению чешских планов русские оккупационные войска, то он и подавно не всякую оккупацию мог считать желательной:

«Оккупация русскими войсками чешских земель, — передавал его мысль Сватковский [1]), — должна совершаться согласно строго выработанному политическому плану и быть прочной, чтобы сразу было положено начало перемены в администрации государственной и земской применительно к предначертанному будущему Чешскому королевству».

Подводя итоги планам чешских политиков в части их, посвященной непосредственной русской помощи, Сватковский передавал следующие конкретные пожелания чехов:

«План чешских политиков заключается в том, чтобы все не занятые русскими части чешской территории оставались вполне спокойными и корректными по отношению к Вене до занятия их русскими войсками или до заключения мира. В занимаемых русскими войсками областях население, во главе с сокольской организацией, будет оказывать русским полное содействие; оставшиеся непризванными около 50 000 соколов должны заняться постепенной мобилизацией чешского народного ополчения; при помощи этой военной организации русские будут чувствовать себя в заня-

[1]) Донесение Сватковского из Цюриха от 26/XII 1914 г.

тых ими местностях, как дома, и их движение вперед будет всячески облегчено; исполнению этого плана угрожают две опасности: первая — если русские войска, вместо постепенного и прочного занятия чешских земель, совершат лишь временные военные диверсии в их пределы, австрийцы разгромят чешские народные организации и обрушатся репрессиями и террором на чехов повсеместно». «Вот почему, — добавляет Сватковский, — как Крамарж, так и Масарик, оба лица, занявшиеся в настоящее время систематизацией чешского национального плана, усиленно настаивают и умоляют Россию не итти вразрез с чешским планом...»

Вторая опасность, — по словам того же информатора, — заключена в самой Чехии: это — необузданное руссофильство, которое грозит повлечь за собою террор австрийского правительства, отсюда же и неизбежное следствие — сугубая осторожность вождей, граничащая с оппортунизмом.

III.

Донесения Сватковского в марте 1915 года свидетельствуют о том, что, при наличии некоторых шатаний и колебаний, оппозиционные течения среди чехов продолжают расти, что руссофильская линия Крамаржа все еще оказывается среди них преобладающей, но что и точка зрения Масарика начинает останавливать на себе внимание чешской общественности. В донесении Сватковского из Берна от 24/III 1915 года, озаглавленном: «Чешский вопрос. Крамарж, Масарик, партии и эмиграция», дается небезынтересная картина состояния чешской политической мысли к рассматриваемому времени:

«В середине марта Крамарж сообщил посланному к нему в Прагу доверенному лицу для передачи в Петроград: он, Крамарж, относится попрежнему скептически ко взглядам Масарика, допускающего, в случае невозможности объединения Чехии с Россией, призвание на чешский трон английского, датского или иного принца. Крамарж против полной самостоятельности Чехии, но за славянскую федерацию, включительно с южным славянством, в рамках России. Он полагает, что англичанам и французам, противникам излишнего усиления влияния России в Европе, следовало бы указать, что именно те круги, которым в Англии не доверяют (реакционные и ультраправые), высказываются против вовлечения России в Среднюю Европу и уже пишут против чехов; что поэтому присоединение чехов к упомянутой славянской федерации не означало бы усиления русской реакции.

Что касается главной задачи чехов в настоящее время, то она будет поставлена с момента вступления русских войск на чешскую территорию. Крамарж апеллирует к русским военным властям, дабы они с этою целью образовали из чешских пленных особый корпус (в русских мундирах), который принял бы участие в дальнейшем движении. Крамарж просит не обращать внимания на международное право и тому подобные помехи; весь народ чешский, не имевший возможности протестовать против войны, единогласно одобрит действия России. Вообще в чешских землях повсюду высказывается сожаление, что чехам не дана возможность сражаться рядом с русскими...[1]). Единомышленники Крамаржа советуют ему ехать для пропаганды чешских

[1]) Желание сражаться в русских рядах высказывается, между прочим, в многочисленных письмах чешских пленных чешским обществам в России. (Примечание в подлиннике.)

интересов за границу, прежде всего в Россию. Однако он полагает, что его присутствие необходимо ныне в Чехии, во-первых, для того, чтобы помешать всяким могущим быть вредными впоследствии заявлениям чешской лойяльности к Австрии, чего усиленно добиваются власти, а во-вторых, для того, чтобы быть на месте к приходу русских и принять руководство делами в этот момент. Его живейшее желание, чтобы ход операций ускорил вступление русских на чешскую территорию. Он убежден, что чехи покажут, как они способны биться против немцев. Крамарж остается поэтому пока в Чехии и просит уверить Петроград в его преданности славянскому делу, а также в том, что он не допустит никаких заявлений лойяльности или переговоров с Веной.

Ввиду создающейся тяжелой атмосферы друзья Крамаржа продолжают настаивать на его выезде за границу для агитации в пользу чешских интересов. Крамарж все время твердит им о том, что поездка его излишня, ибо у него все условлено в России. Друзья и сторонники понимают эти неопределенные намеки в том смысле, что условлено все официально, т. е. с министром ин. дел, однако полагают, что со времени бесед, которые могли иметь место в Петрограде, утекло много воды, обстоятельства могли измениться, и молчание чешского народа может оказаться гибельным, слепое бездеятельное доверие к России[1]— роковым. Особенно озабочивает всех вопрос о том, как отнесутся к чешским требованиям и интересам западные державы, если их общественное мнение и политический мир не будут своевременно подготовлены.

Вот почему чешские политики с большей симпатией относятся к деятельности Масарика, работающего за границей и собирающегося издавать в Париже журнал для поддержания чешских интересов. С другой стороны, друзья Крамаржа продолжают убеждать его ехать за границу. И Крамарж, повидимому, колеблется. Во всяком случае, он уже совещался с адвокатами о способе перевода имущества. Как сообщалось в телеграмме из Рима от 21 марта (3 апр.), Крамарж послал к Масарику в Женеву доверенное лицо с целью просить его «не преюдиковать» своею деятельностью осуществлению его идеи славянской империи под главенством России. Масарик ответил, что не имеет ровно ничего против этого плана, напротив, ему весьма сочувствует. Однако он, во-первых, боится препятствий со стороны западных союзниц России, а, главное, совершенно не знает о том, разделяет ли Россия план Крамаржа о будущем Чехии и вообще имеет ли Россия какой-либо план. Если имеет, то пора, чтобы она осведомила о нем заслуживающих доверия людей в Чехии. Коничек (Горский) и К⁰ не могут, конечно, в глазах чехов служить сколько-нибудь серьезными посредниками. Массой бестактностей, постоянными заявлениями от имени целой чешской эмиграции без ведома ее главнейших органов и грубой похвальбой отношениями к высочайшим ступеням власти эта компания повсюду вносит недоумение и убеждение в ее самозванстве...

От своей первоначальной мысли о призвании в случае необходимости в Чехию неславянской династии Масарик ныне готов вполне отказаться. Ей не сочувствуют вовсе в Чехии. Напротив, предположение, что, в случае невозможности единения с Россией или ее императорским домом, следовало бы подумать о королевиче Александре сербском ранее, чем о всяком ином чужеземном принце, встречается в чешских кругах с симпатиями. В таком случае северное и южное славянство соединились бы не только коридором на австро-венгерской границе, но и личной, а, может быть, и реальной унией или комбинированной между ними формулой. Такое решение не препятствовало бы более тесному, органическому сплочению славянства с Россией в виде славянской империи или союза в будущем, если осуществление этого идеала оказалось бы невозможным в настоящем. Англия же и Франция должны будут допустить ныне целесообразность единой сильной славянской военной единицы в средней

Европе в противовес германскому и мадьярскому миру, за которым долго придется зорко следить.

Надо отметить, что идея эта не приняла еще в умах чешских и иных славянских политиков окончательной конкретной формы и не получила значения программы. Но, как пробный шар, она имеет повсюду теоретический успех и встречается с симпатиями».

17/III 1915 г. Крамарж прислал в Швейцарию доверенное лицо с просьбой передать русскому правительству его пожелания. В передаче Сватковского обращение Крамаржа гласило так:

«Настаивайте всеми силами на славянской империи: русский великий князь — в Польше, русский великий князь — в Чехии, общее войско, общее представительство за границей — словом, империя!

Предварительным условием, конечно, должно быть полное соглашение об Азии, Индии, колониях и т. д. Боюсь затяжек и осложнений, которые могли бы быть при избрании западного принца; боюсь возникновения отдельных интересов новых малых династов, как на Балканах, что принесло бы славянству новые беды.

Славянский вопрос должен быть решен Россией в целости.

Масарик имеет особые взгляды, однако ныне готов действовать вместе. Можете, вообще, уверить Петроград, что во всех руководящих кругах согласие полное. Чехи ждут. Активно выступить они не могли, но их пассивное сопротивление весьма чувствительно Вене.

Чехи боятся однако, чтобы их не выбросили за борт. Не заслуживали бы они этого, ибо, как вы знаете, и при активной политике они работали против немцев за славянство».

План Крамаржа об образовании построенной на коридорной системе славянской империи под русской державой затрагивал целый ряд крупнейшего значения дипломатических проблем. Связанный с усилением влияния России в серединной Европе, он, разумеется, при самом своем зарождении не мог не встретить противодействия в дипломатических кругах Англии и Франции. О тех чувствах, какими были проникнуты английские правительственные круги к России как члену Тройственного Согласия, можно судить по телеграмме Бахерахта Сазонову от 14/V 1915 г. за № 192, передававшей очередную, не лишенную пикантности информацию Сватковского:

«16-е сообщение Сватковского: профессор Масарик, приехавший в Женеву из Лондона, представил Грэю меморандум по чешскому вопросу в русском духе. Из бесед по этому поводу с английскими и французскими политиками и журналистами он убедился в растущем в последнее время охлаждении союзников к России. После взятия Перемышля в этом преобладала нотка страха перед Россией, которая однако сменилась недовольством по поводу хода военных действий на востоке. Ныне недоброжелательство сказывается особенно по поводу нашей галицийской политики; в старых либеральных кругах Масарику пришлось слышать о ней самые резкие суждения. Ему указывалось, что для западных парламентарных держав, принужденных допускать в состав правительств радикальные и социалистические элементы, станет невозможным поддерживать тесные отношения с державой, в которой преобладают настроения, ведущие к галицийской политике. Один из влиятельных политиков Англии, имени которого Масарик не хочет назвать, не желая участвовать в порче англо-русских отношений, сказал ему, что, к его сожалению, ближайшей войной будет, вероятно, война Англии и Германии с Россией. Участие в нынешней войне

Италии, по сведениям Масарика, связано с обеспечением Англии теперь планом позднейшего тесного единения Италии с Англией и, вероятно, Францией, причем сближение первых будет намеренно или в силу вещей направлено против России, и Франция, вероятно, будет втянута в эту комбинацию».

Достаточно одного беглого напоминания об англо-русских отношениях того времени, чтобы можно было смело сказать, что план Крамаржа был обречен, в конечном счете, на неудачу. Но весьма скоро осуществлению этого плана был нанесен и сильнейший удар извне.

Весенние месяцы 1915 г. характеризуются усилением среди чехов противоправительственных настроений и вместе с тем ростом правительственных репрессий. Процесс разложения чешских воинских частей идет быстрым ходом. В марте происходит увольнение соглашательски настроенного Туна и замещение его ставленником немецкой военной партии [1]). Когда объявляется подписка на заем, чешские кредитные учреждения оказывают прямое противодействие его реализации, правительство же грозит им карами [2]). В своем обращении к военным властям эрцгерцог Фридрих заявляет, что весь чешский народ, включая и чиновничество, «пропитан руссофильством» [3]). И тогда же, в мае 1915 г., по приказу главнокомандующего, арестовывается издатель газеты «Народни листи», вдохновитель идеи славянской империи и главный организатор борьбы за нее. Крамаржу предъявляется обвинение в государственной измене, ему грозит наказание — от тюремного пожизненного заключения до смертной казни [4]). Собирающийся ехать в Россию вождь сокольской организации Шейнер также подвергается аресту. Заместитель Крамаржа по руководству младочешской партией арестуется также за дружбу с последним. Его преемник Тоболка насаждает оппортунизм и сервилизм в «Народных листах». В Чехии воцаряется безраздельное господство австрийской военной партии, подчиненной Берлину; у чешских политических деятелей вынуждаются заявления лойяльности, русским осведомителем констатируется «подавленное настроение чешского политического мира» [5]). Русская информация не дает достаточных данных для суждения о тех решениях, какие были приняты чешскими политическими центрами в рассматриваемое время. Так как чешская проблема приобретала характер проблемы международной, особенное значение получала деятельность тех чешских политиков, которые перенесли свою работу за границу. Оказавшийся за границею Масарик продолжал свою работу с большой настойчивостью и после выбытия Крамаржа, т. е. обезглавления движения внутри Чехии, в его лице концентрируется вся сила авторитета и руководства борьбою за независимость Чехии. Находясь в Швейцарии, Масарик завязывает связи с союзною заграницею, а через итальянское посольство общается с Веной. Вместе с тем он ведет деятельные переговоры с юго-славянами, в частности, с прибывающим из России Супило, стараясь примирить разногласия, возникающие между сербами, хорватами

[1]) Секр. тел. Бахерахта от 21/III 1915 г. № 132.
[2]) Его же тел. от 7/VI 1915 г. № 229.
[3]) Секр. тел. Бахерахта от 4/VI 1915 г. № 228.
[4]) Исх. тел. м-ра ин. д. от 10/VI 1915 г. № 2393.
[5]) Донесение Сватковского из Берна от 30/VIII 1915 г.

и словенцами [1]). С Россией он поддерживал связь, по его собственным словам, через Сватковского и отчасти через российское посольство в Берне, переписываясь с руководящими элементами чешской колонии в России. Еще в начале февраля 1915 г. он встречается с приезжающим из Петербурга Коничеком, членом первой чешской депутации к царю. Масарик квалифицирует Коничека и его единомышленника Штепанека, ведшего агитационную работу в Женеве, как грубейшей марки «черносотенцев», их панславизм считает реакционным, с основываемою Коничеком в Париже газетою «Indèpendence Tchèque» начинает ожесточенную борьбу. Наладив достаточные связи с Италией и Швейцарией, Масарик едет в Париж и далее в Лондон. Предпочитая Лондон как дипломатический центр, теснее притом связанный с Италией, Парижу, как центру военному, он основывается здесь окончательно. Это относится лишь к концу 1915 г., и лишь к этому времени Масарику удается сконструировать влиятельный заграничный центр, который, основывая свою работу на тесном контакте с интересами англо-французского империализма, берет в свои руки дальнейшее руководство чешским национальным движением. Но, прежде чем чешская проблема получит свое логическое завершение в намеченных для нее Антантою рамках, она переживет ряд перипетий, связанных со стремлением определенных чешских политических кругов продолжить первоначальную чешскую ориентацию на Восточную Европу и с запоздалыми попытками царского правительства использовать эти тенденции.

IV.

Чешская колония в России, как уже отмечалось выше, страдала расщепленностью составлявших ее частей, и в них единомыслие наблюдалось далеко не всегда. Совершенно естественно в то же время, что среди русских чехов — представителей торгово-промышленной буржуазии и представителей мелко-буржуазной интеллигенции — русская ориентация находила свое наиболее яркое и наиболее крайнее выражение.

Еще в декабре 1914 г. Чешским вспомогательным обществом в Петербурге «на правах рукописи» была издана брошюра с заголовком: «Докладная записка о чешско-словацком вопросе» [2]). В ней давалось историческое объяснение той линии чешской политики в прошлом, которая характеризовалась словом «австрофильская», и определялась «заветная мечта чешского народа» — «самостоятельность чешского государства, достижимая только при помощи российского государя императора». В январе 1915 г. «подготовительным чешско-русским панславистическим комитетом» в Москве издается листовка, в которой пропагандируется проект устава общества «Славянский круг» (Cercle Slave) с главным советом в Москве и со сферою деятельности, распространяемою на все славянские страны; согласно проекту задачею общества должна была явиться работа по укреплению среди западных славян веры в то, что «свет» придет к ним «с востока»; предполагалось также, что мировым славянским

[1]) См. Masaryk. «Errinnerungen...», стр. 52.

[2]) Автор записки не указан. На хранящемся в Архиве Внешней Политики экземпляре имеется надпись: «Глубокоуважаемому А. М. Петряеву Юр. Клецанда. Петроград. 14/XII 1914 г.»

языком должен стать литературный русский язык. В качестве организатора общества выступал небезызвестный уже нам С. О. Коничек, собиравшийся выпускать в Москве новый славянский журнал «Славянское слово».

В феврале 1915 г. один из лидеров чешской колонии в Петрограде представил в министерство иностранных дел записку [1]), в которой затрагивает вопрос о формах правления будущей Чехии. Наиболее подходящею формою правления он считает конституционную монархию, ибо при монархии, по его мнению, в большей мере, чем при республике, будет обеспечена «нужная устойчивость и прочная линия внутренней и, в особенности, внешней политики». Касаясь вопроса о наиболее подходящей для будущего королевства династии, автор записки высказывал предположение, что «единственно возможной и действительно популярной была бы династия из дома Романовых». Автор советует русскому правительству начать, в соответствии с этим, необходимую подготовку как путем обнародования манифеста, так и путем агитации, которую должно развить русское временное управление занятых местностей. Автор указывает, наконец, на Крамаржа, как на лицо, на которое русскому правительству следует опираться и который способен привлечь лидеров партий. В двадцатых числах февраля 1915 г. (с 22 по 26) в Москве происходит съезд чехо-словацких организаций в России, и тогда же кладется основание «Союзу чехо-словацких обществ в России». Одним из первых шагов правления нового союза было возбуждение перед правительством вопроса о формировании полков из военнопленных чехов и словаков, а также о прокламировании русским правительством будущей чешской независимости.

В вопросе о формировании чешской военной силы русское правительство не идет дальше приказа верх. главнокомандующего от 29/I 1915 г. об учреждении запасной добровольческой дружины и только к декабрю того же года переименовывает дружину в чехо-словацкий стрелковый полк. В вопросе о признании будущей чешской независимости правительство также отнюдь не склонно итти навстречу союзу. В проекте письма министра ин. дел на имя Горемыкина от 4/V 1915 г. (за № 393) читаем [2]):

«Прежде всего считаю долгом отметить, что удовлетворение ходатайства Союза чешских обществ находилось бы в противоречии с действующим международным правом. Статья 6-я Гаагской конвенции о законах и обычаях войны 1907 г. запрещает привлекать военнопленных к работам, имеющим отношение к военным действиям. Ст. 23-я той же конвенции устанавливает, что воюющему запрещено принуждать подданных противных сторон к участию в военных действиях, направленных против их стран. Далее, самые пленные, в случае участия их в военных действиях против наших врагов, не будут признаваться ими за комбатантов и, если окажутся в их руках, будут подвергаться всем строгостям кар за государственную измену.

Едва ли желательно, чтобы правительство наше введением в состав нашей армии таких неполноправных, с точки зрения законов войны, элементов взяло на себя ответственность за могущие пасть на них тяжкие последствия.

---

[1]) Записка имеет заголовок: «Несколько заметок политического характера по чешскому вопросу». Датирована 9/II 1915 г. Автор ее — Ю. Клеканда.

[2]) Проект письма составлен бар. Нольде; он должен был явиться ответом на письмо Горемыкина от 9/IV 1915 г. по поводу докладной записки правления Союза чехо-словацких обществ в России от 31/III 1915 г.

Ввиду сего я признавал бы нежелательным организацию частей из военнопленных и, особенно, с приданием им русских офицеров. В крайнем случае, по моему мнению, возможно было бы допустить образование самими чехами и словаками, без прямого участия наших властей, отрядов, в состав которых разрешено было бы поступать военнопленным исключительно за собственный риск и страх. Я, естественно, не берусь судить, представляют ли подобные отряды военную ценность и возможно ли их использование.

Что же касается предложения Союза чешских обществ, чтобы императорское правительство ныне же заявило о признании им будущей чешской независимости, то освободительные задачи, исторически преследуемые Россией в отношении славянских народов, в достаточной мере всем известны. В виды нашего правительства не может однако входить связать себя какими-либо формальными заявлениями в отношении национальных вожделений чехов, так как никакие политические интересы наши не дают основания нам стеснить подобными заявлениями нашу свободу действий в будущем».

Что русское правительство, несмотря на отмечавшиеся дипломатической агентурой и наблюдавшиеся в заявлениях русских чехов благоприятные симптомы, остерегалось обращаться к активной политике в чешском вопросе, явствует из следующего обмена телеграммами между посланником в Берне и министром ин. дел. В телеграмме от 4/V 1915 г. за № 182 Бахерахт писал:

«14-е сообщение Сватковского: тайный комитет чешских партий — младочехов, старочехов, реалистов, государственников и аграриев уполномочил видного члена последней партии Иосифа Дюриха ехать в Петроград в качестве официозного представителя чешского политического мира... [1]) сообщает о роли профессора Масарика в Лондоне и Париже. Дюрих, давно и хорошо мне известный, заслуживает полного доверия, был в России, председательствовал в Комиссии о славянском банке. О его миссии я осведомлен из авторитетного источника».

Телеграммой от 8/V 1915 г. за № 2344 Сазонов отвечал:

«Считаю приезд сюда Дюриха в настоящую минуту преждевременным. Он мог бы пока изложить свои соображения письменно и передать вам для пересылки мне верным случаем. Когда приблизится время разрешения чешского вопроса, можно будет выписать Дюриха».

В течение всего 1915 г. чехо-словацким вопросом занимаются в России только сами чехи. В августе 1915 г. председатель правления Союза чехо-словацких обществ в России Чермак хлопочет [2]) перед правительством об улучшении правового положения чехов военнопленных (имея в виду снятие запрещения отпущенным дружинникам работать на заводах и ограничения для военнопленных свободы передвижения). Заметим, что никаких следов того, что обращению этому было дано в министерстве какое-либо движение, не сохранилось. Обращает на себя внимание посылка правлением Союза в октябре 1915 г. редактора чехо-словацкого органа в России Богдана Павлу в Австрию

[1]) Пропуск в подлиннике.

[2]) Отношение председателя правления Союза чехо-словацких обществ на имя Сазонова от 18/VIII 1915 г. за № 754.

в качестве делегата. Цели этой конспиративной поездки сводились к следующему: делегат должен был: а) информировать австрийских чехов о благожелательном отношении русского правительства к чешским политическим чаяниям и, в частности, популяризовать воззвание верх. главнокомандующего, б) вызвать кого-либо из чешских вождей в Россию, в) «обусловить начало пассивной революции в Чехии... начиная забастовками в районе выделки орудий и патронов... а также в почтово-телеграфных и транспортных учреждениях», г) подготовить провозглашение чешской независимости, д) подготовить вооруженное восстание, которое должно вспыхнуть при вступлении чешской дружины в Чехию. В записке, сохранившейся среди посвященной данному вопросу переписки и озаглавленной: «Проект поднятия и организации движения (в первом фазисе так называемой «пассивной революции») в королевстве Чешском», намечался такой план действий: провозглашение при первой возможности государственной самостоятельности земель чешской короны, одновременно с тем — образование чешского временного правительства по образцу совета министров; далее — чешское временное правительство «обратится к русскому правительству с просьбой о военной помощи, за что, в свою очередь, русское правительство продиктует свои условия». Все государственные учреждения остаются и будут действовать от имени новой власти; избрание и назначение короля будут произведены впоследствии. Мы не останавливаемся на деталях этого плана; в качестве иллюстрации приведем текст одного из «примечаний», посвященного стратегической стороне дела: «Первой военно-революционной деятельностью будет забастовка на фабриках Витковицких и Шкоды, выделывающих снаряды и оружие, с такою же забастовкой в почтово-телеграфных и транспортных учреждениях. На место, указанное правительством, должна собраться вся чешская молодежь, способная носить оружие, и ей таковое будет выдано чешским правительством». У нас нет никаких данных для суждения о том, каково было отношение русского правительства к этому плану, а тем более и о том — принимало ли оно какое-либо участие в его разработке. На последний вопрос приходится, повидимому, ответить отрицательно. Участие русского правительства в данном случае явственно выразилось только в том, что, поставленное в известность о целях предпринимаемой Павлу поездки, оно выдало ему визу на выезд через Англию и Францию в Швейцарию.

Активный интерес к чехо-словацкому вопросу пробуждается у царского дипломатического ведомства лишь к началу 1916 г. Еще в мае 1915 г. русский посол в Лондоне препроводил в министерство изданную отдельной брошюрой записку проф. Масарика, озаглавленную: «Независимая Чехия», заключавшую в себе программу реорганизации Чехии в независимое государство [1]).

Независимое чешское государство с 12-миллионным населением, с пространством около 50 тыс. английских кв. миль, включающее в себя, кроме собственно чешских областей — Богемии, Моравии и Силезии, также и словацкие земли к северу от Вен-

[1]) При депеше от 26/V 1915 г. за № 267. Записка составлена на английском языке.

грии, должно было быть создано, по мысли автора брошюры, в полном соответствии с интересами всех держав Антанты, с их общего согласия и их общею помощью. Та помощь, которую могла оказать чехам Россия в деле завоевания ими своей независимости, автором записки учитывалась, но отнюдь не полагалась в основу разрешения чешского вопроса, мало того — предусматривалась даже известная опасность возрождения политики Бисмарка в русской редакции. Вопрос о форме правления будущей Чехии решался проектом в пользу конституционной монархии. Разрешение вопроса о династии предусматривалось двоякое: или союзники дадут одного из своих принцев, или, в случае образования сербо-чешского коридора, будет личная уния между Сербией и Чехией. Препровождая записку Масарика, Бенкендорф сообщал, что изложенная в ней программа объединила все чешские партии, кроме клерикалов. Это выступление Масарика являлось, во всяком случае, симптоматичным, отмечая новую фазу, в какую вступал чехословацкий вопрос, и ту роль, какую теперь приобретал в этом деле Масарик. В своих «Воспоминаниях» последний рассказывает, что, достигнув согласования своих взглядов с югославскими политиками в Италии и Швейцарии и продвинув там дело своей организации, он закрепил затем (в сентябре 1915 г.) свои позиции в Париже, где проф. Denis тем временем предпринял издание журнала «La Nation Tchèque», и окончательно обосновался в Лондоне. «Без больших затруднений, — пишет он [1]), — всюду скоро был признан мой авторитет». Здесь мы видим Масарика стоящим во главе «Comité d'action Tchèque a l'ètranger», руководству которого подчиняются все политические организаций чешских эмигрантов и который, в частности, завоевывает себе признание и со стороны чешских организаций в России. В конфиденциальной записке, представленной французскому правительству в феврале 1916 г., Масарик обнаруживает дальнейшую эволюцию и в главе о возможных формах правления будущего чешского государства развивает мысль о преимуществах для Чехии республиканского образа правления и о той роли, какую должна сыграть Франция в деле возрождения чешской независимости.

Один из информаторов русского дипломатического ведомства по чешским делам в феврале 1916 г. между прочим писал [2]):

«Подавляющее большинство чешских политических деятелей и всего чешского народа стоит за Россию. Но сцепление различных случайных обстоятельств, немедленно и умело использованных недругами России, сознательная, стремящаяся к заранее намеченной цели работа англичан и некоторых французских кругов довели до того, что в настоящее время руководительство всеми чешскими организациями находится в руках чешского меньшинства, с проф. Масариком во главе, относящегося отрицательно к России... Масарик поступает теперь весьма сдержанно и осторожно, так что приходится судить о его теперешней программе по более откровенной деятельности его приверженцев. В этом отношении необходимо обратить внимание... на отстаивание полной независимости будущего чешского государства от России (с присоединением к Чехии словаков и западной половины Угорской земли)...»

---

[1]) См. Masaryk, стр. 51.

[2]) Записка Геровского от 1/II 1916 г. Братья Геровские, обвинявшиеся некогда австрийским правительством в государственной измене, еще в мае 1914 г. бежали из Черновецкой тюрьмы и скрылись на территории России.

Позиции сторонников русской ориентации среди чехов в рассматриваемое время действительно слабеют. Особенно сильные удары наносятся этим позициям в столице Франции, которая становится резиденцией конституирующегося к этому времени чехо-словацкого политического центра — Чехо-Словацкого Национального Совета. В своем письме от 10 февраля 1916 г. [1]) редактор руссофильского журнала «Indépendence Thèque» Вилуш Церкал горько жалуется на то, что Масарик, «не оправдавший доверия», «не согласившийся с откровенным руссофильством и царефильством», понудил его, Церкала, приостановить редактировавшийся им орган и даже составить от имени парижских чехов адрес, заявляющий о подчинении авторитету Масарика. В отсутствие Масарика секретарь совета Бенеш, по свидетельству того же Церкала, ведет деятельную работу, направленную против руссофильских тенденций. К весне 1916 г. относится ряд публичных выступлений французского историка, специалиста по вопросам австрославизма, Шерадама. Последний развивает план образования Соединенных Штатов Средней Европы из частей Австрии, которые не отойдут к России, Румынии и Италии [2]). Аргументация Шерадама основывалась, между прочим, на соображениях о необходимости создать в районе Средней Европы силу, способную противостоять чрезмерному развитию русского влияния. Но не только на Западе отмечается сдвиг в чешской ориентации. Аналогичная эволюция заметна также и среди русских чехов — она проявляется на страницах издающегося в Петрограде «Чехо-Словака», она проявляется в той внутренней борьбе, которая завязывается в руководящих кругах чешских организаций в России. Особенно ярко сказалось это на постановлениях состоявшегося в апреле 1916 г. III чехо-словацкого съезда в Киеве. В представленной в министерство ин. дел записке [3]) один из чешских «руссофилов» и «царефилов» протестует против резолюций Киевского съезда, против новой терминологии, введшей в обиход выражение «Чешско-словацкое государство» вместо старого «Чешское королевство», против новых тенденций «международного либерализма», подтачивающих основы старой чешской «патриархальности», и, наконец, против главного виновника этой «разрушительной» работы, «разъединителя славянства и международного гуманиста», Масарика.

Одна из составленных в министерстве записок по чешским делам [4]) намечает даже возможность вполне определенных трений между Россией и Англией в связи с проблемой создания чехо-словацкого государства; трения эти, по мнению автора записки, могут возникнуть:

«1) При организации Средней Европы на новых после войны началах. Здесь может быть проявлена уже упомянутая в записках тенденция противопоставить федерацию небольших среднеевропейских государств, созданных на развалинах Австро-

[1]) На имя Дюриха.

[2]) План этот развит был им в книге «La Plan Pangermaniste démasqué». Paris. Librairie Plon. 1916.

[3]) Записка без даты. Время ее написания — середина 1916 г., после III съезда.

[4]) Записка от 17/X 1916: «Россия и Англия в вопросе о чехо-словацком государстве». Текст ее был опубликован в журнале «Le Monde Slave», XI, 1924. № 1. (См. также публикацию M. Papousek в журн. «Narodni Osvobozeni», 1924/25.)

Венгрии, слишком большому усилению России после удачной войны. В этом отношении как со стороны самой федерации, которая в силу этнических условий, вероятно, была бы составлена главным образом из славянских элементов, так и со стороны Англии, а весьма возможно и Франции, не исключены попытки к созданию в Средней Европе самостоятельного и соперничающего с Россией центра славянского объединения, — так сказать, Западной Славии. Такая федерация, конечно, представила бы для нас в будущем немало затруднений, в особенности в том случае, если бы в состав ее вошли части Польши, освобожденные из-под владычества Пруссии и Австрии, а тем более (если не сразу, то, быть-может, впоследствии) и вся объединенная Польша, независимость которой, как ныне выясняется, составляет предмет мечтаний решительно всех польских политических партий и у нас и за границей.

2) При устроении наших отношений к балканским государствам, а равно и к союзным великим державам, в особенности в случае получения нами Царьграда, ввиду весьма возможного, хотя бы и не открыто враждебного, объединения против нас усилий этих держав, имеющих там серьезные политические и экономические интересы. Следует, впрочем, заметить, что в этом отношении мы по всей вероятности встретились бы в области нашей политики на Ближнем Востоке скорее с глухим противодействием французов, чем англичан, которые ныне, после окончательного закрепления за собою Египта и Суэцкого канала, достаточно обеспечили свои интересы в восточной части Средиземного моря и, повидимому, искренно готовы предоставить союзной России владение Константинополем и проливами...

3) В области, быть-может, еще не окончательно размежеванных интересов России и Австрии на Среднем и Дальнем Востоке...»

При таких обстоятельствах очевидна, — заключает автор записки, — «невыгодность предоставления нами Англии — тем более без крайней необходимости и без каких-либо компенсаций — возможности достигнуть преобладающего влияния в чешско-словацком государстве... Влияние это могло бы тем более осложнить в будущем наши политические задачи, что свободная Чехо-Славия, ввиду ее центрального положения, по всей вероятности, явилась бы ядром той, уже неоднократно упоминавшейся в записках по чешско-словацкому вопросу, федерации средне-европейских государств, к созданию которой, по всем признакам, будут стремиться наши союзники в случае удачного для держав нашей группы исхода войны».

«Ввиду такого положения, — пишет цитированный нами выше информатор министерства по чешским дела Геровский, — следовало бы организовать в России центр чешского движения. Одного лишь изучения течений среди чехов, которое, конечно, важно для надлежащей постановки дела, — мало, необходимо активное вмешательство. Иначе может случиться, что при ликвидации войны чешский вопрос будет решен против интересов России, что будет создана новая Болгария, что при этом недоброжелатели России будут опираться на препарированную ими волю чешского народа». Вывод, который делал отсюда автор записки, был следующий: «организовать чешский центр в России, который защищал бы русские интересы и одновременно был бы выразителем громадного большинства чешского народа».

Дело это представлялось Геровскому весьма простым, залогом же успеха его должны были явиться голоса 100 000 чешских военнопленных и факт существования чешской дружины, — факторы, которые сулили этому русскому центру престиж, несравненно больший, чем тот, каким располагал парижско-лондонский комитет. Из рассуждений автора записки следовало, что необходимо для успеха дела еще одно обстоятельство: найти лицо, которое возглавило бы проектируемую организацию и авторитет

которого можно было бы противопоставить авторитету Масарика. В записке на этот вопрос дается вполне определенный ответ:

«Во главе организации мог бы быть поставлен И. Дюрих, член австрийского парламента, единственный, которому, после Масарика, удалось уехать из Австрии за границу... Дюрих не так известен, как Масарик..., но он один из лидеров самой сильной чешской партии (аграрной) [1]) и, как таковой, он, стоя во главе чешской политической организации в России, был бы сейчас столь же известен, как и Масарик, и авторитет его был бы не менее авторитета Масарика. Если Дюрих неизвестен, его следует сделать известным, если он, — как утверждают масариковцы, — не авторитет, его следует сделать авторитетом. Этого требуют интересы России и славянства... Как чешский националист, он России несравненно ближе по своим стремлениям, чем Масарик... Независимая от Лондона чешская организация в России, с депутатом Дюрихом во главе, имела бы большое значение также в том смысле, что Масарику пришлось бы волей-неволей считаться с нею... Привлечь Дюриха легко. Он сам хочет приехать в Россию. Его хочет «послать» в Россию Масарик. Но Дюрих должен приехать в Россию не как представитель Масарика, а самостоятельно, как представитель чешского народа, с программой и на условиях, выработанных с ним заранее».

Необходимо отдать должное автору цитированной записки: он сумел не только отметить вступление чехо-словацкого вопроса в новую фазу, не только сигнализировать русскому правительству о необходимости заменить политику пассивной благожелательности политикою активного содействия, он сумел во многом предвосхитить те конкретные мероприятия, на какие царское правительство в связи с изменившейся коньюнктурой нашло в скором времени необходимым пойти. Об этой изменившейся коньюнктуре несколько позже писал и постоянный официальный осведомитель министерства Сватковский. В донесении его от 1/IV 1916 г. из Парижа читаем:

«Популярности чешского, южно-славянского, польского и других вопросов помогли сами немцы своею кампанией в пользу образования единой в хозяйственном и военном смысле Средоевропы. Вопрос этот сделал все малые национальности Средней Европы практически и наглядно важными... Чешский, южно-славянский, польский вопросы крепко стали на Западе на свои ноги... Более преданные нам чехи выражают опасение, что при западной инициативе в средне-европейских национальных вопросах потерпят не только чешское народное дело, ищущее теснейшего сближения с Россией, — особенно в династическом смысле, — но и интересы самой России: ибо в беседах исключительно с западными политическими факторами чехи, естественно, лишены возможности слишком подчеркивать свои руссофильские чувства и настаивать на руссофильских формулах своего будущего. То же приблизительно высказывают и наиболее близкие к нам элементы в польских и южно-славянских кругах: решение средне-европейских национальных вопросов может состояться не столь благоприятно для России, как в том случае, если бы она проявила своевременный к ним интерес...»

«Общее впечатление таково, — продолжает далее Сватковский, — что, пожалуй, до сих пор молчание и кажущееся равнодушие России приносили пользу делу, так как оно окрепло на Западе самостоятельно, не вызвав у союзников подозрения в русской интриге, но теперь, как будто, наступает момент, когда русская незаинте-

[1]) 108 чешских депутатов, входивших в австрийский парламент, распределялись по партиям следующим образом: 28 — аграрной партии, 25 — социалистов, 15 — младочехов, 15 — национальных социалистов, 10 — народовцев, 10 — клерикалов, 4 — радикала, 1 реалист (Масарик).

ресованность перестает быть полезной. Может-быть, поэтому поездка в Петроград чешских и сербских политиков вполне своевременна».

Еще в 1915 г., при Крамарже, в качестве депутата, который должен ехать в Россию, намечался владевший русским языком член парламента Дюрих. Принадлежавший к землевладельческой партии и находившийся в сношениях с А. А. Столыпиным, он характеризуется Масариком, как типичный представитель правых помещичьих кругов: «он был за царя и даже за православие, как и столь многие из наших руссофилов, которые ожидали от России всяческих благ». «Политически в условиях момента слабый», он именно в силу своей слабости получил перед другими деятелями преимущественное право беспрепятственного выезда из Австрии [1]). По совершенно понятным причинам Дюрих не получил от Чешского комитета никаких письменных полномочий и инструкций. В течение целого года прожил он в Швейцарии, и его первоначальная попытка проникнуть в Россию натолкнулась на отказ русского правительства. Теперь русское правительство иными глазами взглянуло на предложение скромного чешского помещика, практического работника по кооперации и специалиста в области стенографии [2]).

В своем письме на имя ген. Алексеева от 13/II 1916 г. Сазонов запрашивал об отношении ставки к вопросу о приезде Дюриха. Он напоминал, что речь идет об «известном чешском деятеле и главе аграрной партии», который еще в прошлом году ходатайствовал перед российским министерством иностр. дел о разрешении ему въезда в Россию и тогда этого разрешения не добился, ибо это было признано несвоевременным. Сгущая краски в рисуемой им картине чешской политической действительности, Сазонов сообщал: «ныне... руководители главнейших чешских партий (младочехи, старочехи, реалисты, аграрии и соц.-демократы) пришли к соглашению об образовании одной национальной чешской партии и выработке общей политической программы...» Отмечая ту видную, по его мнению, роль, какую сыграл Дюрих в этом деле, чем он должен был еще более упрочить свое влиятельное положение среди чехов, и останавливаясь на его повторной просьбе о допущении его в Россию, Сазонов писал:

«Принимая во внимание популярность и влияние г. Дюриха в Чехии, его горячие симпатии к России, а также важность обнаружившегося среди чехов нового политического движения, я считал бы приезд теперь в Россию г-на Дюриха не только своевременным, но и желательным, так как в наших интересах — не порывать связи с политическими деятелями Чехии и по возможности быть осведомленными из первоисточников об истинном положении дел в этой стране. К сему считаю долгом прибавить, что в союзных нам странах отнеслись с большим вниманием к новой группировке чешских партий, и политические круги Англии и Франции уже не замедлили вступить в сношения с их вожаками».

Ставка не встречает препятствий к приезду Дюриха: «Лично я с самого начала войны придавал важное значение установлению связи с чехами и известного влияния на их умы» — писал Алексеев в своем ответе [3]).

---

[1]) Masaryk, стр. 52.

[2]) Дюрих известен как автор книги: «Опыт общей всеславянской стенографии».

[3]) Письмо Алексеева Сазонову от 16/II 1916 г. № 1052.

К характеристике политической физиономии едущего депутата приведем несколько строк из письма знакомого нам Церкала, приветствовавшего проезжавшего через Париж Дюриха следующими словами: «Наконец, мы дождались вас так же сердечно, как нетерпеливо мы вас ожидали. Может быть, что еще не поздно... Мы, чехи-руссофилы, давшие первый толчок к противоавстрийской акции в Париже, без оглядки на личные интересы... видим в вашем лице единственного уполномоченного представителя нашего народа...» Переходя далее к манифесту великого князя, Церкал говорит: «На этом манифесте построили мы свою новую политическую программу и просим вас быть вождем столь презираемых на Западе чешских руссофилов, которые всегда верили в объединение славян под скипетром Романовых».

В своем письме к Сазонову посланник в Берне передавал следующие свои впечатления от встречи с Дюрихом, посетившим его для получения разрешения на въезд в Россию [1]):

«Он желал бы в Петрограде вступить в сношения исключительно с членами нашего правительства, а не с какими-либо организациями или отдельными лицами из проживающих в России чехов. Миссия его заключается, главным образом, в выяснении нашему правительству положения, в котором находится чешский народ, изложении ему желаний чехов и обсуждении с нашими государственными людьми вопроса об исполнимости и целесообразности этих желаний с русской точки зрения».

О характере миссии Дюриха Масарик писал Сазонову, приспособляясь к языку своего корреспондента [2]):

«... Мой коллега депутат Дюрих приедет в Петроград попросить вас позволить образование чешского корпуса из наших военнопленных. Я занят работой в Англии, во Франции и Италии, тут очень нужна информационная деятельность по делам славянским, но я надеюсь в скором времени быть в Петрограде и иметь честь высказать вашему высокопревосходительству устно желания и надежды чешских вождей и политических деятелей: мы все, как и наш народ, просто руссофилы, мы это в войне показали, за это мы все и терпим...»

Этого-то Дюриха русское правительство избирает своим орудием, когда оно решает перейти к активной политике в чешском вопросе.

Обоснование новой политической линии мы находим в особой пространной записке, датированной 19/V 1916 г. Автором записки является чиновник министерства иностр. дел, бывший генеральный консул в Будапеште, Приклонский. Записка Приклонского, построенная на противопоставлении чехам словаков и носившая ярко выраженный античешский характер, гласила:

«Новейшие планы чешской организации в России, особенно наглядно проявившиеся со времени перенесения ее в Киев, очевидно, преследуют двойную цель, которую чехи стремятся осуществить именем и средствами русского правительства. Прежде всего они стремятся таким путем всю массу чехов, находящихся в России, подчинить

[1]) Конфиденциальное письмо Бахерахта Сазонову от 4/V 1915 г.
[2]) Письмо Масарика Сазонову из Лондона от 17/VI 1916 г.

абсолютно и бесконтрольно дискреционной власти Киевского комитета, а через его посредство Лондонскому комитету Масарика, узурпировавшего представительство интересов всей Чехии пред лицом России и даже всего мира. Они хотят при этом заранее снабдить это революционное правительство будущей Чехии — уже организованным на средства России — войском и денежными средствами, которые имеют в виду принудительно, пользуясь также силами русского правительства и путем узаконенного шантажа — собрать со всех чехов и словаков, проживающих в России в качестве пленных или переселенцев, не исключая и тех, которые уже приняли русское подданство. Дань эта будет, кажется, равняться десятине чистого дохода каждого чеха. Второю целью чехов является подчинение, тоже силами русского правительства, всех словаков, в России находящихся, той же чешской организации, а в будущем окончательное поглощение Чехией всего словенского (словакского) народа. Эту цель они стремятся выставить как бы уже совершившимся и общепризнанным фактом. Между тем это поглощение, составляющее мечту чехов и отчасти достигаемое ими, далеко не соответствует идеям словаков (наиболее, кстати сказать, нам близких по языку и духу), в особенности тех 600 000 словаков, которые живут в Америке и имеют, а, в особенности, будут иметь огромное политическое значение для словаков, живущих на славянской прародине. Лишь часть словацкой интеллигенции, либо чехизованной, либо привлеченной в орбиту чешских вожделений материальным давлением, сочувствует этому поглощению словаков чехами. Могущественным средством достижения этих целей явится проектируемое освобождение чехов и словаков для поступления в чешские дружины, по рекомендации и под поручительством Киевского комитета (кстати сказать, при полной иллюзорности его ответственности), и учреждение в местах водворения пленных особых, назначаемых комитетом инспекторов для надзора за пленными и для выбора из них «надежных» (невольно вспоминается Comité du Salut Public!). Последняя мера, в частности, и будет служить орудием упомянутого выше шантажа: пленным будет предлагаться на выбор: либо освобождение из плена ценою кабальной записи комитету, либо — репрессии до ссылки в Сибирь в качестве «заподозренных» (suspects) в австрофильстве и даже шпионстве. Таковы последствия проектированной меры в отношении собственно чешско-русского вопроса. Она имеет большое значение для России и в области ее внутренней политики и экономического положения [1])... Принимая во внимание: 1) что Лондонский комитет, узурпировавший представительство всех чехов и словаков и явно принявший характер революционного правительства будущей Чехии, совершенно ускользает или во всякое время может ускользнуть от всякого влияния русской власти; 2) что предоставление в его руки организованного войска и финансов противоречит интересам России, против которой всегда может быть обращена его деятельность; 3) что масса словенского народа (словаков) вовсе не желает поглощения его Чехией; 4) что во главе Лондонского комитета стоит Масарик, антирусское направление которого известно, а иноземное материальное влияние на которого более чем вероятно; 5) что антирусское и антимонархическое направление стоящего во главе русских чешско-словацких обществ Вондрака (русск. подд.) тоже вполне известно и что Киевский комитет является слепым орудием в руках Лондонского; 6) что усиление влияния этих обоих комитетов не желательно для России с точки зрения как внешней, так и внутренней политики; 7) что проектируемые Киевским комитетом меры противоречат и интересам России в области внешней политики (пре-

[1]) Приклонский имел здесь в виду то обстоятельство, что значительная часть пленных чехов была занята на сельских работах и что освобождение их должно было нанести ущерб интересам помещичьего землевладения.

ждевременное и насильственное объединение чехов и словаков), быть-может, ее военным интересам (в случае разногласия с Лондонским комитетом), а также в области внутренней политики и сельского хозяйства представляется желательным: 1) буде возможно, отменить освобождение пленных славян по рекомендациям национальных комитетов, 2) по крайней мере, отложить обнародование этой меры до поздней осени или зимы (напр., 6 декабря), 3) т е л е г р а ф н о предложить министерству внутренних дел утвердить новую киевскую чешскую организацию л и ш ь п о с л е сношения с министерством ин. дел, 4) организовать в Петрограде, под негласным наблюдением м-ва ин. д., комитеты: чешский и словацкий (а также, буде возможно: галицко-русский, словенский, сербский и хорватский) из деятелей, сочувствующих России.

Для этой цели: а) немедленно вызвать по телеграфу из-за границы депутата Дюриха, снабдив его достаточными средствами для проезда и прожития в России, а также, если это окажется нужным, для возвращения Лондонскому комитету тех сумм, которые, вероятно, были им ссужены Дюриху, ввиду его бедственного положения и для приобретения его содействия, б) вызвать из Москвы Коничека и снабдить его средствами для прожития в Петрограде, в) снабдить достаточными средствами для прожития в Петрограде проф. Штепанека (здесь находящегося), г) впоследствии вызвать из Москвы, Одессы, Киева и лагерей военнопленных других славянских деятелей, которые могут оказаться полезными для той же цели, д) для осуществления этих мер открыть министерству иностр. дел кредит в 100 000 рублей. Если бы это оказалось затруднительным, то н а п е р в о е в р е м я, для снабжения средствами Дюриха, Штепанека и Коничека, открыть кредит в 10 000 руб., 5) командировать i n c o g n i t o, в случае надобности, в Москву, Одессу и Киев представителя мин. иностр. дел для переговоров с местными славянскими деятелями, 6) путем переговоров с деятелями, упомянутыми в п. 4. и п. 5, а также с представителями русской науки, по выбору и приглашению мин. иностр. дел, и, наконец, с гр. Бобринским и Геровским, по возвращении их из командировки, выработать план действий для направления чешского и словацкого вопросов (а, может-быть, и других славянских вопросов), 7) по выработке этих мер... представить проект... на высочайшее благоусмотрение».

После приезда Дюриха в Петроград Приклонский стремится укрепить его авторитет в глазах правительства. В докладной записке на имя министра от 24/VI 1916 г. он сообщал:

«Дюрих приехал в Россию после совещания с Масариком, который дал ему для действий в России carte blanche. Дюриха уже приглашал к себе французский посол. Но Дюрих ответил, что считает своим долгом по приезде в Петроград прежде всего представиться русскому министру иностранных дел. Поэтому было бы особенно желательно, если бы Сергею Дмитриевичу было угодно его принять».

Представив Дюриха министру, Приклонский хлопочет далее о предоставлении ему аудиенции в ставке. В докладной записке от 26/VI 1916 г. Приклонский доказывал:

«Ввиду соображений прилагаемой записки [1]) и ввиду высочайшего приема, коего был удостоен Вондрак, представлялось бы желательным, если бы государю императору благоугодно было соизволить принять также маститого и влиятельного чешского деятеля Дюриха, являющегося наиболее авторитетным выразителем стре-

[1]) См. ниже, стр. 32.

млений всего чешского народа. Было бы желательно также, в видах устранения недоразумений среди чешско-словацких организаций, производить все сношения с ними, в том числе и по вопросу об устройстве чешско-словацкого войска, через посредство Дюриха, и сообщить об этом ген. Алексееву».

О том, что точка зрения Приклонского получила официальное признание, свидетельствует телеграмма тов. министра иностранных дел Нератова директору дипканцелярии ставки от 30/VII 1916 г. Ссылаясь на выяснившиеся злоупотребления Союза чешских обществ, стремящегося вынести за пределы России центр тяжести чехословацкого дела, Нератов указывал на необходимость обеспечить в деле этом главенствующую роль Дюриху под наблюдением и направляющим воздействием русского правительства. Отметим попутно, что хлопоты Приклонского о высочайшем приеме Дюриха увенчались успехом, и 3/VIII 1916 г. последний выехал в ставку к царю. Приведем, наконец, проект всеподданнейшей записки [1]), о которой упоминалось выше и которая была составлена тем же Приклонским на предмет обработки Николая II и заключала в себе популяризацию целей и задач прибывшего в Россию чешского депутата. В записке этой читаем:

«Прибывший ныне в Петроград чешский политический деятель и глава аграрной партии — самой многочисленной из чешских групп в австрийском парламенте — Иосиф Дюрих является уполномоченным пражского тайного комитета. Комитет этот, существование которого доселе остается неизвестным австро-венгерскому правительству, состоит из глав всех чешских партий и является выразителем политических стремлений всего чешского народа. В комитете в числе прочих принимали участие Крамарж и Масарик. Г. Дюрих по частному вопросу о назначении образуемых чешских дружин имеет также полномочия от французского военного министерства, прикомандировавшего к нему в качестве адъютанта офицера французской армии чеха Штафля. Дюрих известен, как убежденный сторонник России, на деле доказавший свои симпатии к ее духовной, национальной и государственной культуре. Он называет себя не только руссофилом, но и «царефилом».

Наряду с г. Дюрихом уполномоченным комитета состоит пр. Масарик, командированный во Францию и в Англию для ознакомления с пожеланиями чехов правительственных и общественных кругов у наших западных союзников. Первым прибыв в Англию, Масарик образовал в Лондоне Чешско-словацкий комитет, которого ныне является председателем. Дюрих состоит членом этого комитета и имеет также от него безусловные полномочия (carte blanche) для России.

Хотя миссия Масарика и явилась весьма полезною, пробудив в Париже и Лондоне интерес к делу освобождения чехов, однако наблюдавшаяся до начала войны несомненно враждебная России ориентация этого чешского деятеля и его активное украинофильство приводят к мысли о желательности воспользоваться пребыванием у нас Дюриха, дабы закрепить выказываемое ныне Масариком и Лондонским комитетом тяготение к России и таким образом обеспечить дальнейшее развитие чешского дела в направлении, отвечающем нашим общим задачам в славянском вопросе и довлеющей России роли верховной руководительницы в деле освобождения славянства.

Практически содействие г. Дюриха могло бы выразиться, с одной стороны, в снабжении его министерством иностранных дел соответственными общими указаниями, а, с другой, — в постоянном сообщении им министерству об общем ходе и направлении деятельности чешских организаций как в самой Австрии, так и в России

[1]) Записка датирована 26/VI 1916 г.

и у западных ее союзников: это дало бы нам возможность установить некоторый контроль над деятельностью означенных организаций, до сего времени у нас не существующий и становящийся при нынешних обстоятельствах все более и более необходимым.

Что касается, в общих чертах, программы, проводимой Дюрихом и его единомышленниками, то основным пожеланием ее является освобождение Чехии от власти Габсбургов. Государственная форма будущей свободной Чехии предоставляется решению России и прочих держав Согласия. При этом, — по словам Дюриха, — широкие слои чешского народа склоняются к образованию из Чехии автономной русской провинции, между тем как большая часть интеллигенции желала бы видеть свою страну самостоятельным государством, граничащим с Россией, которая образовала бы с ней одно военное и экономическое целое, объединенное таможенным союзом. Во главе отдельного чешского государства чехи желали бы в таком случае иметь короля из славянской династии».

А. Попов.

(Окончание следует.)

Апрельские дни 1917 года в Петрограде.

Публикуемые материалы следственного дела об апрельских событиях 1917 г. являются весьма своеобразным историческим документом. Петроградского судебного следователя по важнейшим делам В. Н. Середу мало интересовал вопрос о социальном содержании и классовом характере апрельского движения; даже беглое знакомство с «делом» показывает, что основной целью следствия была попытка создать криминал для обвинения «ленинцев» в «устройстве антиправительственной демонстрации» и «причинении ранений и смерти нескольким лицам». В этом отношении характерно самое построение заключения Середы по делу. Старательно обходя все непригодные для его цели показания и доказывая их «необоснованность», он подробно излагает, как бесспорный факт, «показания» таких свидетелей, как сестра милосердия Шеляховская, о раздаче ленинцами десятирублевых бумажек всем, кто будет кричать: «долой Милюкова», или о возгласах об устройстве Варфоломеевской ночи и «да здравствует Германия» из среды рабочих демонстрантов. Таким образом «следственное дело» бесспорно доказывает факт попытки политической провокации против большевиков, предпринятой слугами закона еще в мае 1917 г. Не случайно, — после июльских событий, когда делу об этой провокации был дан ход, — показания Шеляховской были вытащены из архива и фигурировали как одно из крупнейших доказательств вины большевиков.

Полной картины движения «дело» не дает, потому что участвовавшие в манифестациях 21 апреля рабочие, по признанию самого Середы, «заметно не желали распространяться на тему об инициаторах и причинах вооруженных выступлений рабочих масс»; с другой стороны, следствие даже не поставило вопроса об организации буржуазных контр-демонстраций вечером 21 апреля, удовлетворившись показаниями «свидетелей», что это были стихийные выступления сторонников Временного Правительства, возмущенных «антиправительственными и анархическими действиями ленинцев».

Несмотря на это отдельные свидетельские показания и заключение Середы (в его описательной части) дают много не лишенных интереса деталей и иллюстрируют отдельные стороны движения.

Так, характерна описываемая всеми свидетелями и признаваемая Середой классовая сущность движения. «Демонстрирующие колонны состояли почти исключительно

из рабочих», — единодушно показывают все свидетели, описывая их «утомленный вид, закопченные угольной пылью лица, грязные руки, костюм»; «панельная же публика» состояла из интеллигентов, офицеров, юнкеров и «людей в шляпах и котелках».

«Дело» далее показывает характерную черту апрельских демонстраций. Вынужденный признать, что «демонстранты не имели партийного руководства и часто сами заявляли: «мы не ленинцы», Середа вслед за свидетелями в то же время подчеркивает высокую организованность рабочих.

«Участвовавшие в уличных демонстрациях днем и вечером 21 апреля партии заводских рабочих были, несомненно, организованы заранее, — пишет он, — многочисленные их знамена и плакаты (с печатными надписями и порой художественными рисунками) были заготовлены заблаговременно, а сопровождение каждой заводской партии манифестантов против Временного Правительства отрядом хорошо вооруженных рабочих из числа заводской милиции [Красной гвардии. *В. Р.*] было явно продумано и планомерно разработано». Такую же высокую организованность рабочих демонстраций констатируют и все свидетели, подчеркивая, что демонстранты не поддавались на провокацию «сторонников Временного Правительства».

И сам Середа, усиленно желавший доказать, что выстрелы исходили со стороны рабочих и что на последних лежит ответственность за понесенные жертвы, принужден в конце своего заключения по делу признать недоказанность этого факта, констатируя невозможность привлечения кого-либо из демонстрантов к ответственности.

Мало того, в другом месте он же пишет: «поводом к открытию ими [рабочими. *В. Р.*] стрельбы как в дневном, так и в вечернем столкновениях, явились попытки отдельных солдат и лиц из публики отнять и уничтожить некоторые из плакатов манифестантов». Таким образом, ответственность за кровавый исход,—даже если признать правильность утверждений, что стреляли рабочие, а не «панельная публика», — все же ложится на буржуазию.

В. Рахметов.

Подлинники печатаемых ниже документов хранятся в составе фонда б. Петроградского окружного суда в Ленинградском Областном Архивном Бюро (Секция культуры и быта Исторического Архива ЛОАБ). В подстрочных примечаниях даны точные обозначения заголовков, номеров и дат «дел», из которых извлечены печатаемые документы.

Текст публикуемых материалов подготовил к печати П. Стулов.

Редакция.

Протокол [1]).

1917 года апреля 28 дня судебный следователь по важнейшим делам Середа допрашивал, с соблюдением 307 и 443 ст. уст. угол. суд., нижепоименованного свидетеля, который и показал:

Георгий Павлович Толстой, 27 лет, православный, студент института инж. путей сообщения, живу по Бронницкой, д. 3, кв. 12.

Около 3 ч. дня 21 апреля [2]) я находился на углу Невского пр. и Садовой ул. около витрины редакции «Вечернего времени». В окне висело объявление, что резолюция Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов на ноту Временного Правительства от 18 апреля выйдет в 6 час. вечера. По этому поводу здесь у витрины образовалась небольшая кучка людей, оживленно споривших о текущем моменте. Мое внимание обратил на себя пожилой военный врач, который стоял в центре группы беседующих людей и убедительно проповедывал о всемерной поддержке Временного Правительства; здесь же рядом горячо спорила другая группа людей около солдата, проповедывавшего те же взгляды. Не успел я как следует присоединиться к той или другой группе беседующих, как вдруг мое внимание было отвлечено показавшейся вдали Садовой улицы, со стороны Инженерного замка, многолюдной манифестацией с красными плакатами и знаменами с какими-то надписями; замеченная толпа двигалась по направлению к Невскому довольно медленно, как бы колеблясь и иногда останавливаясь. С этого момента внимание всех столпившихся и проходивших мимо граждан было отвлечено ожиданием надвигавшейся толпы. Мы с волнением стали смотреть в ту сторону. Многие, ранее стоявшие со мной, поспешили скорей разойтись; другие же с тем же вопрошающим взглядом следили за приближением толпы манифестантов; следует отметить, что более нарядная публика стремилась на панели, серые же шинели вольноопределяющихся, солдат и офицеров, главным образом, заполняли улицы по середине и также с подъемом ожидали подхода толпы. Толпа была очень далеко; все наши взоры были устремлены на плакаты; впереди толпы шла

---

[1]) «Дело судебного следователя В. Н. Середы № 13 1917 г. о стрельбе во время уличных демонстраций 21 апреля 1917 г. Началось 21 апреля 1917 г. Окончилось 30 июля 1917 г.», том I (на 128 листах); то же, том II, № 13 1917 г. Началось 22 апреля 1917 года (на 200 листах). Оба тома заключены в обложку с надписью: «Производство прокурора Петрогр. окр. суда по делу о стрельбе во время уличных демонстраций 21/IV 1917 г., №№ 2557, 2611. Началось 21/IV 1917 г.» Данный протокол извлечен из т. I., лл. 60—79; написан на машинке.

[2]) По старому стилю.

вооруженная масса людей, несшая большой плакат с надписью: «Долой Временное Правительство», позади было множество других плакатов, среди которых обращал внимание один с фигурами двух людей-рабочих, подавших друг другу руки, и с надписью: «Да здравствует Интернационал». Толпа вооруженных достигала численностью 200—300 человек; за ними шел рабочий оркестр, который наигрывал совершенно неизвестные мотивы. Я обратил особенное внимание на рабочего, который изо всех сил ударял медными тарелками; другие музыканты издавали на инструментах нечто совершенно несуразное. Оркестр состоял из 15—20 человек. Как первая вооруженная толпа, так и оркестр были по бокам защищены цепями рабочих с оружием, которые устраняли стоявшую публику, причем для большего эффекта дико размахивали оружием (обнаженными саблями, винтовками, пистолетами); за этим авангардом, почти вплотную, двигалась стройными рядами под руку многолюдная толпа рабочего люда, численность которых была не менее нескольких тысяч человек. Шествие замыкалось женщинами в платочках. Когда эта толпа была в нескольких десятках саженей от угла Невского пр. и Садовой ул., я со многими зрителями стоял на середине улицы. Трамвайное движение остановилось, и кучки любопытных все больше и больше заполняли панели.

Вид этой вооруженной толпы, размахивающей оружием, звуки оркестра, оглашающие воздух дикими мотивами, возбужденные лица идущего впереди авангарда, шум и негодование толпы граждан, стоявших на панелях, все это создало сразу чрезвычайную обстановку. Про себя лично могу сказать, что в тот момент я решил, что эта воинственно настроенная и вооруженная толпа идет ниспровергать Временное Правительство. Мои мысли были, очевидно, общи всем, так как, когда всей смотрящей публике стала видна толпа, ее действия и ее плакаты, то не успела толпа рабочих подойти к углу Невского проспекта и Садовой улицы, как нашлись добровольцы из публики, которые решили противодействовать такого рода выступлению. Я увидел одного военного врача, который громко и отчетливо закричал со слезами на глазах: «Товарищи, товарищи-солдаты! Те, кому дорога наша родина и ее спасение от позора и срама, вперед, не допустим их, давайте образуемте цепь!» Этот призыв и подобные возгласы других лиц, — например, один вольноопределяющийся «георгиевский кавалер» (судя по погонам — кавалерист — синий кирасир), — возымели свое действие. Штатская публика стала утекать на панели или в сторону, или же смотреть безучастно; солдаты, офицеры и вольноопределяющиеся сразу откликнулись. Кроме тех 20—30 лиц, стоявших ранее поперек процессии, к ним быстро присоедини-

лось еще человек 40—50 солдат и офицеров. Образовали нечто вроде цепи и преградили путь.

В этот момент толпа уже подошла. Впереди шли охраняющие ряды, которые тщетно вступали в переговоры с образовавшейся цепью серых шинелей, чтобы они посторонились; их не слушали, и солдаты с поднятыми кверху руками (махали, чтобы толпа остановилась) кинулись с криками навстречу вооруженной толпе, несущей плакат «Долой Временное Правительство». Произошло столкновение: за диким ревом толпы и оркестра разобрать отдельные возгласы не было никакой возможности. В этот момент я находился от кучки столкнувшихся в шагах 50—70 в стороне. С одной стороны — море голов, манифестирующих против Временного Правительства и подбадривающих свой вооруженный авангард криками и маханием шапок: «Долой Временное Правительство», а с другой стороны — толпа любопытствующих граждан, запрудивших панели и осыпавших бранью идущих манифестантов и другая небольшая толпа активных противников манифестантов, пытавшихся ее остановить.

Прошло несколько мгновений; переговоры активных сторонников задержания враждебной манифестации перешли в горячую перебранку; видно было, как наиболее деятельные участники кинулись к плакату «Долой Временное Правительство», и древко заколебалось. Завязалась рукопашная борьба за знамя. В этот момент страсти той и другой враждующих групп разгорелись, рев толпы превратился в сплошной вой, около плаката засверкали обнаженные сабли, револьверы и ружья; древко вновь поднялось, и вооруженная толпа, смяв серые шинели, двинулась дальше. В этот критический момент чувствовалось, что еще один момент упорства активных противников манифестации повлечет стрельбу вооруженных людей, видимо [sic!] подействовал панически на толпу любопытных, заполняющих тротуары, и они стали быстро растекаться в сторону.

Пока шла переделка у плаката, в это время стража, охранявшая боковыми шеренгами голову процессии, приняла все меры, чтобы терроризовать толпу и удержать ее от активного выступления против манифестантов. Она кинулась вперед и, потрясая оружием, пробивалась среди нас, мирно стоявших, и расталкивая, чтобы расчистить путь процессии. Мимо меня пробежал молодой мальчик-рабочий с диким искаженным лицом, размахивая браунингом, причем для пущего эффекта он его подносил к лицу тех лиц, мимо которых он проходил. Против такого очевидного аргумента вооруженной силы ничего не оставалось, как только посторониться. В этот момент, где-то вдали Садовой ул., в районе, примерно, Pavillion de Paris, грянул одиночный выстрел. Все это, в связи с увеличивающейся яростью вооруженной

толпы, быстро ликвидировало попытку остановить безоружной силою манифестантов. Серые шинели, видимо, также почувствовали свое бессилие перед размахами под самым носом оружия; кто отошел сам, кто был силою отброшен. Вооруженный авангард победил своим видом и решительностью перейти от слова к делу, — активные противники были смяты, и процессия под дикие завывания оркестра двинулась дальше.

В этот момент мне и пришлось пропускать всю эту толпу перед своими глазами, причем порядок шествия и был таков, как я ранее указал. Вооруженный авангард прошел мимо и, повернув на Невский проспект, двинулся по направлению Адмиралтейства. Перед нами шла сама процессия. Толпа, стоявшая на панелях и на улице шпалерами с той и другой стороны, враждебно встречала демонстрантов: свистели, грозили кулаками, ругались, слышались возгласы: «Изменники, провокаторы, ленинцы»; стоял какой-то рев. Оттуда доносились не менее лестные эпитеты: «Буржуи, дармоеды, собаки» и т. д. Однако, наряду с этими возгласами, я видел, как многие, очень многие, рабочие махали шапками или кричали «ура» толпе, стоявшей шпалерами.

Большинство из лиц манифестирующих были, бесспорно, рабочие; их утомленный вид, закопченные угольной пылью лица, грязные руки, костюм, все это показывало, что это действительно рабочие. Сумрачные лица и махание рук, старавшихся привлечь симпатию публики, стоявшей по бокам, вполне искренне показывали их настроение. Только единодушно враждебная настроенность смотрящей публики вызывала их на отпор. Я могу безусловно констатировать, что средняя часть процессии была миролюбиво настроена и старалась войти в соглашение с враждебной публикой. Здесь я считаю необходимым указать на один факт: когда в эту среднюю часть процессии были кинуты стоявшим рядом со мною господином слова: «Провокаторы, ленинцы», то проходивший рабочий крикнул: «Мы не ленинцы, мы рабочие завода «Лесснера» с Выборгской стороны». На мой вопрос, кто еще идет, он ответил: «Все заводы и рабочие стали и также идут за нами, мы все заодно, и вы нас, буржуи, не остановите». Процессия проходила. Хвост ее опять имел сильно воинственный вид. Эту воинственность главным образом придавали женщины, идущие с возбужденными лицами и что-то исступленно кричащие. Брань сыпалась с той и другой стороны, в долгу друг у друга не оставались. Я считаю долгом отметить, что здесь больше всего было диких возгласов, визга: «Долой Временное Правительство, долой негодяя Милюкова, долой Гучкова, вы кровопийцы-буржуи, долой» и т. д. К этой толпе неистовых женщин примешивался какой-то темный сброд

оборванцев, совершенно ничего общего с рабочими не имеющий; здесь кое-где были и солдатские шинели. Атмосфера напряженности опять усиливалась, и брань переходила в вольное рукоприкладство по физиономиям тех или других враждующих граждан.

Негодующий рев шпалерной толпы произвел все-таки действие на хвост процессии, и он, становясь плотнее и ускоряя шаг, догонял впереди идущих, и вскоре и эта толпа завернула на Невский и пошла дальше. Все вышеизложенное произошло в 20—25 мин. Здесь характерно отметить один эпизод — разговор среди публики, который имел место во время прохождения процессии, и чему я был очевидец. Какой-то человек в зеленой шляпе и в высоких сапогах, на вид напоминающий рабочего, вступил в спор с «котелком», довольно толстым. Диалог был очень краток. Зеленая шляпа говорила: «Я сам два года был на войне, сидел в окопах и знаю, что такое война; пусть, если буржуи ее хотят, сами туда идут; нам же довольно, хватит проливать кровь за них; вот вы с таким пузом (соответствующий жест) попробуйте пойти, а потом и кричите: «Да здравствует война!...» «Котелок» косо посмотрел и, не имея, видимо, никаких аргументов против, отошел в сторону.

Процессия прошла. Толпа, стоявшая на панели и улице, смешалась и образовала небольшие кучки жарко беседовавших лиц, всюду возмущенные и негодующие серые шинели и, главным образом, вольноопределяющийся — георгиевский кавалер — пытаются организовать манифестацию за Временное Правительство, чтобы противодействовать прошедшей толпе. В это время мимо Пассажа проходила средняя часть манифестантов, и тут кричали «ура» как те, которые были в толпе, так и те, которые стояли на панели и улице. Видны были также махания платков и шапок. Между тем пропаганда активных сторонников за манифестацию в честь Временного Правительства усилилась и стала привлекать симпатии сторонней публики, хотя большинство оставалось инертными зрителями, выражающими негодование словами и жестами. Но вот нашелся смельчак из публики, который решил добыть полотно для плаката, и храбро полез доставать красное знамя, висевшее на здании Пассажа. Как только добыли знамя, кучка лиц за манифестацию сразу увеличилась. Я также присоединился. В это время добытое знамя распластали на панели и куском кем-то добытого мела стали писать: «Да здравствует Временное Правительство», «Доверие Временному Правительству». Мел плохо держался, и надпись была еле-еле видна. Однако все-таки плакат подняли и двинулись вперед, вслед за далеко ушедшей первой манифестацией; около плаката, главным образом, серые шинели: солдаты, офицеры, вольноопределяющиеся, юнкера и немного штатской публики.

Таким образом, ядро новорожденной манифестации не было более 40—50 человек. Штатская публика старалась итти несколько поодаль. Громадное большинство приветливо улыбалось и махало платочками и шапками, но никто, видимо, не решался присоединиться к малочисленной кучке демонстрантов. О стройности и порядке ничего нельзя было говорить. Все действия были чрезвычайно разрознены, и каждый действовал по своему личному разумению.

Я присоединился к ядру и громко призывал к любопытным зрителям; однако, видя полную инертность и неподвижность, не мог удержаться и не закричать: «Эй, вы, остолопы, что стоите, присоединяйтесь к нам за Временное Правительство, чего боитесь, не бойтесь, идите же скорее!» Но кроме улыбок и кивков головами и изумленно-испуганных лиц ничего не видел. Часть присоединилась, пугливо озираясь, и тотчас же обращалась вспять. В эту минуту колебания и тревоги за судьбу нашей манифестации в процессию вступило еще несколько лиц: какой-то господин в мягкой серой шляпе и раненый офицер, которые, надрываясь, изо всех сил зазывали публику присоединяться. Штатский уже обливался потом и был красный, как мак, и почти из кожи лез; особенно бросилась мне в глаза его тросточка, которой он усиленно размахивал. Бурная агитация подействовала, и публика стала понемногу прибывать. Какой-то офицер крикнул: «Товарищи-солдаты и офицеры, пойдемте вперед. Впереди должны быть военные, гражданские сзади». Таким образом, когда первая процессия была уже очень далеко, наша активная процессия только-только начинала жить. Наконец, после долгих споров и пререканий, процессия, числом не более 200—300 человек, нестройно, в куче различной плотности, двинулась вперед, причем ежеминутно останавливались и кричали: «Присоединяйтесь к нам, кто за Временное Правительство». Двигаясь таким образом и не привлекая сочувствующих нам платками граждан в большем количестве, стали приближаться к мосту, ведущему через Екатерининский канал. От ядра процессии я отстал шагов на 200—300. В этот момент стала создаваться новая процессия за Временное Правительство. Во главе откуда-то добытого красного полотнища находились: сестра милосердия и раненый офицер. На этом плакате быстро стали писать мелом: «Доверие Временному Правительству», и около него стало образовываться новое ядро манифестантов.

Между тем шедшая впереди партия с первым плакатом достигла середины моста. В это время я и многие другие лица, видя малочисленность первой партии и создание нового ядра, кинулись догонять первое, прося их остановиться и подождать, дабы оба ядра соединились и пошли вместе. Число демонстрантов в это время было не более 500 человек в обеих партиях.

В тот момент, когда первая партия и мы все повернули фронт обратно в ожидании второй группы, мы были поражены зрелищем движения вдали на Невском, в районе дома Елисеева, большой манифестации с красными плакатами и флагами, впереди которой был большой плакат с надписью белыми буквами. За дальностью расстояния трудно было определить, что это за манифестация. Среди нас раздались возгласы о необходимости подождать эту манифестацию, так как, быть может, и она за Временное Правительство. Большинство говорило обратно, что она — против. Возбуждение и шум усилились. Второе ядро нашей процессии, видимо, также обратило внимание на идущую процессию, и видно было, как несколько лиц отделились и побежали навстречу процессии, дабы узнать характер манифестации. Напряженное состояние росло, и все пока притихло. Издали уже неслись опять те же крики и рев толпы, которые мы раньше уже слышали на углу Садовой и Невского. Вскоре вернулись посланные и сообщили, что манифестация — рабочих, враждебная Временному Правительству. Среди нас произошло смятение, часть публики бросилась врассыпную. Серые шинели кинулись бегом навстречу демонстрантам. Плакат за Временное Правительство был брошен, мы присоединились ко второму ядру и стали ожидать.

Толпа приближалась; теперь уже ясно можно было различить белую надпись на красном полотнище первого плаката: «Долой Временное Правительство». Толпа шла так же стройно и многолюдно, как и первая процессия, описанная выше. Впереди — вооруженные с ног до головы, а потом остальные. Их было не менее 2 000 человек. Публика опять образовала по бокам процессии шпалеры, и оттуда неслись те же свистки и ругань, что и раньше по отношению к первой процессии. Наши два ядра слились в одно — исключительно серые шинели: солдаты и 2—3 офицера, остальная, навербованная нашим прежним зовом, публика испарилась, кто куда мог. Я также, хорошо помня угрозы оружием на углу Невского и Садовой, решил не вмешиваться в задержание этой толпы и отошел в сторону шагов на 200, стоя приблизительно по середине Невского пр., против магазина Жоржа Бормана. Таким образом, активные сопротивленцы демонстрации насчитывали не более 40—30 человек. Когда процессия была уже близко к магазину Жоржа Бормана, серые шинели кинулись без всякого оружия, с поднятыми руками вверх и крича, чтобы процессия остановилась. Вид решительно бегущих вперед солдат и крики: «Остановитесь, изменники», видимо, произвели свое действие: ход процессии замедлился. В этот момент расстояние между враждебными группами дошло до минимума; началась перебранка, крики, потом

рукоприкладство и, наконец, рукопашная схватка около плаката «Долой Временное Правительство».

Мы с замиранием сердца стояли как вкопанные и испуганно думали: «сейчас начнется стрельба»; многие уже бежали; в эту минуту отчетливо было видно, как толпа серых шинелей стала колебать древко плаката; оно повалилось, и знамя стало добычей активных противников манифестации. При виде победы кучки малочисленных манифестантов публика, инертно стоявшая на панелях, стала быстро присоединяться. Драка усилилась не только за рвущимся на куски знаменем, но и около вооруженных людей. В этот момент толпа манифестантов, увидев падение флага, заколебалась и бросилась бежать; вооруженный авангард отбежал назад и взял ружья на изготовку; часть же побежала с оружием к панелям, причем некоторые легли на панели с ружьями. Вид этого зрелища сразу показал, что в победивших у знамени будут стрелять. Началась настоящая паника, все бежали, кто куда мог; дамы, барышни, офицеры, солдаты, почти вся публика, за исключением 20—30 серых шинелей, упорно борющихся с враждебными демонстрантами.

Я сорвался с середины улицы и побежал в сторону к углу Невского пр. и Екатерининского канала, чтобы успеть скрыться за выступом дома; туда же бежало и большинство. Не успел я добежать до угла, как со стороны панели, куда ранее побежало несколько вооруженных людей, раздались 3—4 выстрела; бегство превратилось в паническое: бежали без оглядки и только, попав за угол дома, останавливались. Вскоре сюда же прибежали солдаты и офицеры, бывшие в свалке, с отобранным оружием и лентами патронов. Я видел одного хромого офицера, который усиленно старался зарядить ружье, также и солдат. Все присутствующие просили их только не стрелять вслед убежавшим, ибо это повлечет много жертв. Удержать эти лица от действий было очень трудно: так были они возмущены подлым расстрелом и говорили: «Мы с голыми руками отобрали у них винтовки и знамя, а они в нас стреляли, ах, мерзавцы, подлецы» и т. п. Мы все, спрятавшиеся за угол магазина Шаскольского, сочувственно отнеслись к возмущению серых шинелей и, видя их храброе настроение, двинулись опять на Невский. Толпа убежавших демонстрантов остановилась вдали около угла Михайловской улицы и Невского пр.; впереди еще шли столкновения между преследующими солдатами и отступавшими рабочими. Около места расстрела стояли отдельными кучками оживленно беседовавшие лица. На улице ни убитых, ни раненых я уже не видел. Около дверей какого-то магазина стояла толпа, видимо туда снесли раненых. На нашей стороне, около магазина Шаскольского, стоял санитарный автомобиль, около него стояли два санитара, судя по облику и костюму — рабочие.

Не успели мы оглядеться, как снова раздались вдали выстрелы, началась новая паника, но быстро улеглась, кто-то крикнул: «Не бойтесь, это стреляют в воздух». В этот момент мимо меня из подъезда ближайшего дома вынесли раненого человека; у него была забинтована конечность левой ноги, его бережно усадили в автомобиль и увезли. По виду он принадлежал не то к рабочему классу, не то к полуинтеллигентному, скорее похож был на мастера.

Тем временем толпа публики негодовала и бурлила против рабочих, ругая их всевозможными именами. Появился вновь плакат: «Да здравствует Временное Правительство». Вновь образовалось ядро демонстрантов, и, в связи с растущими толками о расстреле, число участников стало заметно расти. Лиц военных, которые отобрали оружие, было не более 10—12 человек; возбужденные, красные от волнения, они нервирующе действовали на толпу. В сторону вдали остановившейся демонстрации неслись проклятия и угрозы кулаками. В это самое время, около 3 ч. 40 м. дня, мимо меня быстро проехал таксомотор с открытым верхом, — в нем стояло четыре возбужденных фабричных женщины, которые поддерживали пятую, повидимому, раненую или убитую: она сидела на задней скамейке, и голова ее безжизненно болталась то в одну, то в другую сторону. Одна из женщин, поддерживая качающуюся голову, возбужденно кричала: «Долой убийц, долой кровопийцев, долой мерзавца Милюкова». Вид этого автомобиля и дикие выкрики произвели гнетущее впечатление, толпа молча смотрела. Потом я направился к вновь собравшимся манифестантам. Здесь уже успели соорудить новые плакаты, и толпа манифестантов, стремящихся выразить доверие Временному Правительству, увеличивалась. Тех, кто теперь были вооружены отобранным оружием, просили отдать его милиции. Однако уговоры действовали плохо. «Мы не начинали первые, мы были безоружны. Пускай они отдадут оружие, тогда и мы вернем, иначе нет». Таким образом часть отдала оружие, но большинство осталось с ним. В это время, пока наша демонстрация вновь начинала принимать организованный вид, толпа бежавших ранее рабочих вновь двинулась вперед, но уже без плаката «Долой Временное Правительство», который был, как указано выше, разорван кучкой враждебных демонстрантов. Так как число участников нашей демонстрации было свыше 500 и преимущественно военные, причем огнестрельное оружие очутилось и у нас, в виде [1]) отобранного от рабочих, настроение противодействия усилилось, и толпа вновь устремилась навстречу идущей рабочей демонстрации. Однако здесь благоразумие одержало верх: принесенные ли жертвы, опасение

[1]) Так в подлиннике.

ли более ужасного кровопролития заставили активных демонстрантов за Временное Правительство принять меры для пропуска идущей вновь рабочей манифестации, особенно ввиду исчезновения разорванного плаката. Стоявшие во главе вольноопределяющиеся и солдаты кричали: «Расступитесь, товарищи, дайте пройти этим хулиганам. Пусть пройдут» и т. д. Толпа, стоявшая на улице, расступилась и пропустила манифестантов под дикие свистки и брань. Препирательства и ругань были сильны, но происшедшие перед тем события охладили страсти, и толпа прошла без каких-либо бурных эксцессов.

После ее ухода создалась обстановка полного единения всех граждан улицы и тротуаров. Число манифестантов быстро стало расти, и движение дальше по Невскому в сторону Адмиралтейства было сплошной овацией встречаемой процессией публики; не только присоединялись, но изо всех окон домов махали платками, шапками, люди выходили на балконы, высовывались из дверей, аплодировали. Напряженное настроение сменилось веселым, радостным. Поддержка общественного мнения нашей манифестации была всюду; к зданию генерального штаба, вплоть до решетки Александровского сада, мы подошли, имея в своих рядах более 1 000 чел. Состав толпы, праздничнo настроенной, был больше всего интеллигентный, много военных. Повернув за угол, манифестация остановилась, видимо не зная, куда итти; в разных местах ораторы стали произносить речи, прося толпу не расходиться. В этот момент, около 4 часов, появился первый грузовой автомобиль, который битком был набит военными лицами. Центральное место занимал наш первый плакат «Да здравствует Временное Правительство», написанный мелом, рядом с георгиевским кавалером — вольноопределяющимся одного из кавалерийских полков, — который был одним из первых инициаторов нашей манифестации. Остальные пассажиры грузовика были солдаты, всего более 40 человек; штатских не было, их просили не лезть, на автомобилях должны быть только военные. Какой-то солдат-моряк, — высокого роста, произнес горячую речь за поддержку Временного Правительства, кончив ее словами: «Да здравствует Временное Правительство! Ура!» Аудитория слушавших подхватила, и площадь перед зданием штаба огласилась раскатистым, громогласным «ура»...

Автомобиль с первыми руководителями движения тронулся, толпа осталась без руководителя и стала расходиться; раздались крики: «Товарищи, не разбегайтесь, идемте к Мариинскому дворцу!» Вновь достали плакат, стали кричать: «Стройтесь в ряды по 8 человек». Толпа стала возрастать и медленно двинулась обратно по Невскому.

Не стану описывать дальнейшего развертывания событий: триумфальное шествие к Мариинскому дворцу, речи проф. Гримма,

тов. министра юстиции — Зарудного, сообщившего, что назначено следствие по расстрелу, тов. военного министра — Новицкого и множества других лиц. Особенно были сильны речи о безобразном расстреле гвардейского моряка и молодого раненого солдата, участников схватки у знамени враждебной процессии. К Мариинской площади все время подходили одна за другой кучки с плакатами за Временное Правительство. Появились плакаты воинственного содержания: «Ленина и компанию обратно в Германию», «Арестовать Ленина», «Арестовать шпиона Ленина». Появилось множество плакатов с надписями: «Доверие Временному Правительству». Число грузовых автомобилей со сторонниками за Временное Правительство увеличивалось и было более 5—6 штук. Количество демонстрантов в это время уже достигало более 1 000 человек. Большинство были интеллигентные лица. Солдаты были в меньшинстве, рабочих почти не было.

Среди Мариинской площади стоял раненый солдат. На происходившие манифестации он смотрел весьма строго: «Они хотят арестовать Ленина, разве это хорошо? Нет, мы не позволим. Ленин — наш друг. Разве это солдаты (кивнул он в сторону толпы, сосредоточенной перед балконом Мариинского дворца). Посмотрите на затылки, все черные или синие фуражки». Я обернулся. Действительно, товарищ был прав: синий и черный цвета преобладали. В этот момент присоединился к разговору студент-универсант, который соглашался, что Ленина не нужно арестовывать и что он вообще против подобных выступлений воинственного характера. Когда я раненому солдату заметил, что стрельба по мирным жителям и послужила почвой для этих протестов, то получил в ответ: «Нет, зачем стрелять, стрелять не надо, а Ленина оставьте, мы не позволим тронуть...»

Около 6 часов вечера направились мы с группой манифестантов по Морской и Невскому к Казанскому собору: площадь Казанского собора представляла море голов, — кое-как пробрались мы в середину. Вскоре сюда приехал грузовой автомобиль с офицерами и солдатами. Многие из них держали в руках живые цветы. Под бурные восторги толпы и аплодисменты, прерываемые громкими криками «ура», говорили с этого автомобиля по очереди 3—4 офицера и солдаты. Поддержка всеми силами Временного Правительства составляла суть их речей. Наиболее сильные места: «победить врага», «долой Ленина» — встречались бурными криками «ура». После оваций и рукоплесканий автомобиль протискался через толпу и стал удаляться. Манифестанты с плакатами стали вновь расходиться.

В этот момент радостного настроения опять с Невского пр. раздались негодующие крики и вопли: шла новая рабочая манифестация, которая весьма недружелюбно держалась по отношению к демон-

странтам за Временное Правительство. Шли без оружия, впереди большой плакат: «Вся власть Совету Рабочих и Солдатских Депутатов». Участниками были не только рабочие, но и много солдат технических родов оружия (автомобилисты, судя по шапкам). Однако их встречали враждебными свистками и криками «долой»; плакаты против Ленина встречали со стороны этой толпы не менее негодующие возгласы: «Провокаторы-буржуи» и т. д. Атмосфера опять сгущалась, спорящие группы подходили близко к драке. Я видел, как прилично одетого господина в спортсменской фуражке, в пенсне, за обидное, очевидно, слово, брошенное по адресу рабочих, ударили по лицу и хотели, видимо, учинить более сильную расправу. Солдаты и женщины его отстояли; конец процессии замыкал всякий сброд и неистовые радетели права и свободы — женщины в платках; с последними вступали в жаркую полемику. Какой-то сухопарый англичанин, военный, прихрамывая на ногу и опираясь на палку, шел быстро за одной женщиной и возмущенно кричал: «Провокаторы и изменники» и т. д. Помню также комический эпизод: одна неистовая баба была сильно сконфужена тем, что когда ее спросили, чего она добивается, заявила [1]), что хочет «уничтожить старое правительство и Николая II», на что получила ответ, что, если она не в своем уме и не знает, что старого правительства давно уже нет, то не следует итти и кричать: «долой» и т. п.

В этот момент, когда процессия рабочих втянулась на Полицейский мост, выехал навстречу автомобиль с представителями рабочих и солдатских депутатов, которые обратились с речью. Один из ораторов был Скобелев: «Товарищи, верьте только Исполнительному Комитету Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, он один может вынести правильное решение. Если вы останетесь недовольны им, то назначьте перевыборы. Не нужно применять самостоятельных решений, насильственных мер в ту или другую сторону. Прежнее время прошло и не вернется никогда. Только старая власть могла опираться на силу штыков, — этого больше не будет. Новая власть будет только действовать силой слова и убеждений. Помните, товарищи, что вся вооруженная власть находится только и исключительно в руках Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, и только с его разрешения могут войска выйти с оружием. Всякое другое выступление без санкции Исполнительного Комитета есть самовольное выступление и только ведет к столкновениям. Товарищи. — закончил свою речь Скобелев, — не мешайте нам спокойно работать...»

---

[1]) Слово «заявила» вписано над строкой чернилами рукою следователя Середы.

После этой речи страсти стали утихать. Я вновь направился к Мариинскому дворцу; по дороге беседовал с рабочими. Выстрелы они объясняли гнусной провокацией сторонников старого режима. Антиленинскую демонстрацию тоже считали провокаторской и недопустимой. Один рабочий говорил, что он думает, что стрельба велась из окон, и что он за этим усиленно следил.

Придя к Мариинскому дворцу, я застал там еще больше народу. Оттуда пошли к Мойке, 67, к дому военного министра Гучкова. Гучков выходил и произнес речь. Ему отвечали. Я не дождался конца и около $8^1/_2$ час. вечера был опять на Невском. В это время настроение на Невском было скверное. От последней рабочей манифестации откололось много народу, который вел деятельную агитацию против буржуазии. Я лично слышал, как некоторые лица злобно говорили: «Ишь, какие, чего обрадовались, ведь в первомайский праздник все в своих норах сидели, а теперь повылезли, провокаторы. Мы вас...» и т. д. Подходя к углу Невского и Садовой, я слышал человека, одетого в солдатскую форму, который говорил: «Вот бы следовало всем этим господам буржуям показать, чего зря шляются и тревожат народ. Взять бы их и перестрелять». Я заверяю, что такая агитация велась почти повсюду, где я проходил по Невскому, от угла Морской ул. до Садовой. Здесь, подходя к трамвайной остановке, я увидел большую толпу солдат электротехнического батальона, которые просили всех граждан от имени Исполнительного Комитета спокойно расходиться и не брать плакатов и итти по домам. Слышанные мною ранее разговоры и доводы солдат подействовали, и я отправился домой. Через полчаса спустя произошел, как известно, второй расстрел. Все, что здесь описано, могу подтвердить присягой [1]).

На вопросы ваши дополнительно отвечаю: солдаты были без оружия, вольноопределяющиеся были при холодном оружии (не все) —, офицеры, большинство без оружия. Офицеров, рубивших шашкой плакат «Долой Временное Правительство», категорически утверждаю, что не видел. Плакат был разорван исключительно руками. Каким заводам принадлежала вторая манифестация, из рядов которой стреляли, не знаю. Раненого в руку молодого солдата видел; гвардейского же моряка, который говорил потом речь у Мариинского дворца, — я не видел. Больше показать ничего не имею. Писал показания собственноручно.

Георгий Толстой.

Судебный следователь В. Середа.

---

[1]) Далее текст протокола до конца написан чернилами рукою свидетеля.

Протокол [1]).

1917 года мая 26 дня, гор. Петроград. Судебный следователь по важнейшим делам округа Петроградского окружного суда В. Н. Середа в камере своей допрашивал, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., нижепоименованных свидетелей, которые и показали:

Василий Александрович Соловьев, 34 л., православный, грамотный, под судом не был, милиционер 2-го Выборгского подрайона (знак № 34977), проживаю по Б. Сампсоньевскому пр., д. № 59, кв. 13.

Я состою рабочим в новоснарядной мастерской минного завода Русского общества (б. Парвиайнен) в Выборгском районе. Одновременно я служу в общегородской милиции, во 2-м подрайоне. Мне присвоена белая повязка с красными буквами «М. Г.» и штемпелем управы. С утра 21 или с вечера накануне 20 апреля стали говорить на заводе, что на завтра, т. е. 21 апреля, будут манифестации завода в честь Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Утром, 21 апреля, работа на нашем заводе шла как обычно, до обеда, а затем, часов около 2, стали собираться уходить на манифестацию. Я и несколько человек нашего завода, в том числе и рабочий закалочной мастерской Федор Дивеев, не дождались, пока соберется наш завод, и, по приказанию помощника комиссара [2]), присоединились к проходившим мимо заводам нашего района, т. е. к рабочим Пузырева, Струка и др. соседних заводов. Я и Дивеев, как имевшие оружие, пошли с вооруженными же милиционерами указанных заводов. Шел я однако не как милиционер, не надевая повязки, но имел при себе револьвер Смит и Вессон в кобуре (собственный) и винтовку австрийского образца, полученную мною как милиционером. Винтовка у меня была заряжена, как тогда, когда я на пост выхожу. Мы вооруженные шли колонной позади первого красного плаката наших манифестантов, на котором была печатная белая надпись: «Долой Временное Правительство. Да здравствует Совет Солдатских и Рабочих Депутатов». Сзади были и еще плакаты, но черного знамени я не видал. Среди вооруженных соседей моих по колонне я не заметил, чтобы у кого-либо были на рукаве повязки «Красной гвардии». Наше шествие благополучно вышло в четвертом часу дня на Невский пр., и тут мы были впервые встречены злобными выкриками со стороны многочисленной разношерст-

[1]) Т. I, лл. 119 об.—120; подлинник написан на машинке.

[2]) «По приказанию помощника комиссара» вписано на машинке над строкой вместо зачеркнутого: «по своей воле».

ной публики на обеих панелях Невского. Нас ругали «ленинцами», «изменниками», «провокаторами» и т. д. Мы продолжали итти вперед, не угрожая никому оружием и стараясь не отвечать на вызывающее поведение публики, которая не унималась. Когда наши передние ряды подошли к углу Невского и Екатерининского канала, я увидал, как у Казанского собора показалась какая-то встречная манифестация тоже с красным плакатом, на котором значилось: «Доверие Временному Правительству». Эта партия состояла тоже из разной публики: были офицеры, были в солдатских шинелях люди, вольноопределяющиеся и просто статские и студенты. Они подбежали к нашим рядам и стали обрывать наш передовой плакат с вышеописанной мною надписью. Некоторые из них стали отнимать у нас оружие. В это самое время раздались первые выстрелы, как мне казалось, из револьвера и данные «с их стороны», т. е. из группы, манифестировавшей за правительство. Я видел, как некоторые из наших после выстрелов упали на землю; были ли они ранены, не могу сказать. Тут же были и еще выстрелы, отдельные, из револьверов или ружей, сказать затрудняюсь. Возможно, что это и из наших кто-либо «отвечал» выстрелами, но лично я отдельных стрелявших людей ни у нас, ни «у них» не видел. В эту же минуту ко мне подскочил какой-то вольноопределяющийся с винтовкой в руках и ударил меня по голове прикладом, нанеся рану (допрашиваемый указывает на левой стороне волосистой части головы, у границы лобной и левой теменной кости, еще не вполне зажившый рубец (след) от раны, длиною в 2 см., шириною около 1 см.). Одновременно подскочил какой-то статский, схватил меня за грудь, и оба отобрали от меня и винтовку и револьвер. Я, обливаясь кровью, отскочил от них на панель, но еще видел, как в мою сторону бежал какой-то офицер с обнаженной шашкой в руке. Меня втолкнули в первый подъезд, и, что было дальше на улице, я уже не мог видеть, но сейчас же в этот подъезд ввели рабочего с рассеченной головой, из чего я вывел заключение, что его мог «зарубить» шашкой виденный мною офицер. Так ли это было, не могу сказать наверное, но это мое естественное предположение. Скоро приехала карета скорой помощи, мне сделали первую перевязку, а потом отправили в Обуховскую больницу, но везде к нам, рабочим, было в этот день такое враждебное отношение, что я не захотел оставаться лежать в больнице и, несмотря на рану, отпросился домой, а только ходил на перевязку, а лежать в больнице не лежал. В том же подъезде, где я был после поранения, я видел еще раненых: одного с огнестрельной раной сзади. Дивеев отделался только простреленным пальто и побоями, но винтовку и у него отобрали. № моей винтовки не помню. Какой части были тот вольноопределяющийся, что меня ранил, и офицер, который бегал с шашкой

наголо, я не успел рассмотреть. В то время, как группа сторонников правительства бросилась вырывать наш плакат, я винтовок у них не видал, но ведь револьверы могли быть и в кармане, а не в кобуре. Были ли в этом столкновении убитые, не знаю. Относительно обстоятельств манифестации завода Парвиайнен ничего сказать не могу, так как в ней участия не принимал.

Прочитано. Добавляю, что помощник комиссара «назначил» нам итти с манифестантами, как думаю, «для порядка». Исправляю неточность: Дивеев винтовку сохранил, а ее отобрали у другого рабочего. Прочитано. Зачеркнуто: «по своей воле», надписано: «по приказанию помощника комиссара».

В. Соловьев.

Судебный следователь В. Середа.

Протокол допроса.

1917 года 21 апреля в Петрограде судебный следователь по важнейшим делам округа Петроградского окружного суда В. Н. Середа допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., и они показали: [1]).

Константин Александрович Гилевич, 21 года, православный, вольноопределяющийся 1-й запасной автомобильной роты, 1 отдел, Семеновский плац.

Сегодня, 21 апреля, я по своим делам попал на Невский пр., где все время было много разного народа, обсуждавшего события в связи с опубликованной Временным Правительством нотой о целях и конце войны. Во 2-м часу пополудни, когда я уже не раз вмешался в прения и убеждал товарищей граждан не поддаваться пропаганде отдельных манифестационных групп, появлявшихся с знаменами-плакатами: «Долой Временное Правительство!», — причем даже лично порвал два таких плаката, отделавшись от манифестантов побоями, около меня собралась группа сочувствующих, и мы, соорудив самодельный плакат с надписью: «Да здравствует Временное Правительство», пошли контрманифестацией. У меня никакого оружия с собой абсолютно не было, личных знакомых моих в нашей группе никого не было: были солдаты, матросы, офицеры, «вольная публика», ранее мне незнакомая, причем и ни у кого из окружающих меня военных я оружия не видал. Мы ходили со своим плакатом, и я особенно агити-

[1]) Том I, л. 6—7. Протокольная часть написана рукою следователя Середы.

ровал за то, что теперь выступать против Временного Правительства «это — измена и провокация!» Однако манифестанты с плакатами «против правительства» появлялись не один раз. Наша группа, достигавшая численностью до 80—100 приблизительно человек, при появлении таких противоправительственных манифестаций, пыталась разбить их лозунги и доказать опасность и провокационность их выступлений. Никаких угроз со стороны нашей группы, а тем более угроз оружием (что «будем стрелять») не делалось абсолютно. Не догнав одну из прошедших по Невскому манифестаций противников, наша группа повернула и пошла по Невскому в сторону Садовой. Навстречу нам вновь попалась большая толпа с плакатами «Долой Временное Правительство!» Мы еще всей группой не сошлись с этой толпой, но некоторые из нас, я, г-н Беляев и еще несколько выбежали вперед, чтобы отнять плакат с «провокационной» надписью. Когда я был от передних рядов этих манифестантов шагах в 20—15, вдруг из их рядов раздался ружейный выстрел, и недалеко от меня упал незнакомый солдат из нашей группы. Был он убит или ранен, не знаю, но он остался лежать. Кто именно в него выстрелил, я не видал, но в эту минуту заметил, что какой-то мальчишка, по одежде рабочий, лет 15, бывший в первых рядах противоправительственных манифестантов, целится прямо в меня из винтовки. Я подскочил к нему, «дал» ему тумака и вырвал у него винтовку, так что он не успел произвести выстрела. Винтовку эту я сохранил, принес потом в Мариинский дворец и вам ныне ее представляю. (Представлена винтовка без штыка.) Я удостоверяю категорически, что в момент отобрания этой винтовки от рабочего она была заряжена, и я сам, осматривая ее позже, вынул из нее два патрона, чтобы «случайно не выстрелить»; куда я эти патроны затем девал, припомнить не могу: был взволнован. Пока я отнимал винтовку, раздались из той же группы и сбоку еще несколько выстрелов, — как мне казалось, только из ружей, но могло быть, что и из револьверов. Я ранен не был. Других стрелявших, кроме целившегося в меня незнакомого рабочего, я не успел заметить. Из нашей группы никто и ответить на выстрелы не мог ввиду безоружности.

Прочитано. — Всего я слышал лично 5—6 выстрелов, почти один за другим. Грузовика с вооруженными солдатами я в момент выстрелов не видал. Встреченная нами толпа была многочисленная. Стрельба произошла на Невском, в районе между Думой и Казанским собором. Прочитано.

Константин Гилевич.

Судебный следователь В. Середа.
Товарищ прокурора Нищенко.

Константин Александрович Гилевич. Дополнительно заявляю [1]):

В числе товарищей-солдат, о которых я показывал вам уже, что они заодно со мною и Беляевым бросились к вооруженным манифестантам, чтобы их разоружить и сорвать плакат, был, между прочим, один солдат, брюнет, интеллигентного вида, которого я в лицо запомнил, но имени его не знал. 26 же апреля я был на похоронах убитого товарища-автомобилиста Гаркуля, и там мне случилось встретиться с упоминаемым мною товарищем, с которым я разговорился и узнал, что фамилия его Трахтерев. Он, как и я, в первых рядах нашей группы бросился разоруживать «ленинцев» и подвергался одинаковой со мною опасности. Удалось ли и ему отнять от «ленинца» оружие, я лично не видал, так как сам в то время боролся с манифестантами. Больше ничего не могу добавить. — Я явился к вам сообщить об изложенном по просьбе самого же Трахтерева, который неоднократно меня просил [2]).

К. Гилевич.

Судебный следователь В. Середа.

Санитар управления Красного креста Северного района Николай Ульянович Быховский, православный, показал [3]):

Когда я пришел к гор. станции купить себе билет, то оказалось, что билеты уже все проданы. Тогда я пошел домой. Было это около 3—4 ч. дня, здесь [4]) я увидел, что по Невскому шла манифестация рабочих, вооруженных винтовками. Плакаты у них были враждебны правительству. Тогда я стал кричать рабочим: «Что вы делаете? Вы должны слушать Временное Правительство и Совет Солдатских и Рабочих Депутатов! Вы продаете Россию!..» Многие из женщин в публике плакали. Рабочие стали мне угрожать револьверами и говорили, что убьют, если я не пойду с ними вместе. Но я отвечал, что «лучше убейте, а с вами я не пойду». «Тогда ты нас узнаешь». Публика была возмущена и кричала им: «Предатели!» Многим из рабочих было совестно, и им хотелось видимо уйти, но их держали всех вместе за руки. Когда они прошли все, показалась новая толпа манифестантов с плакатами: «Долой Временное Правительство», «Война войне». Когда мы увидели эту толпу, то я, Гилевич и другие обратились к бывшим здесь солдатам и стали говорить: «Товарищи! Неужели мы их не остановим? По чьему

---

[1]) Том I, л. 85. Написано на машинке: «Допрошен 29 апреля 1917 года».

[2]) Слова: «который неоднократно меня просил» приписаны рукою свидетеля.

[3]) Том II, лл. 165 об.—166 об. Написано следователем Тарчевским: «Допрошен 24 апреля 1917 г.».

[4]) Далее зачеркнуто надписанное над строкой: «на Невском».

приказанию они идут? Давайте их остановим!» Тут собралась кучка солдат человек в 15 и стали клясться, что лучше умрут, а дальше их не пустят. Офицеры, бывшие тут, стали уговаривать солдат не ходить. «Мы лучше сами напишем плакат с доверием Временному Правительству». Но нас это не остановило, и мы пошли навстречу рабочим. Я подошел к рабочим и сказал: «Ребята, скажите нам, по какой причине вы идете? Почему не доверяете правительству? Может быть, тогда и мы пойдем с вами?» Тогда рабочие отвечали: «Это не вам знать, знают те, кто повыше вас.» — «Кого же вы хотите сменить?»— «Милюкова и Гучкова!» — «Кого же вы предлагаете вместо них?» — «Это не ваше дело. Узнаете потом.» — «А, значит, вы ленинцы, а не рабочие! Долой тогда ваше знамя!» закричал я им. Из толпы отвечали: «Скорее твоя голова слетит, чем у нас знамя!» Я тогда схватился за плакат, сломал древко, а товарищи мои изорвали полотнище. Тогда один из толпы рабочих направил на меня револьвер. Я ударил его по руке, раздался выстрел, и стоявший сзади меня солдат был ранен и упал. В это время раздалось еще 6—7 выстрелов. После этого началась общая свалка. Мы стали у рабочих отнимать винтовки, а они стали разбегаться. Захваченные винтовки офицеры приказывали сдавать милиции, чтобы не было обвинений в употреблении нами оружия. Часть винтовок сдана была в градоначальство, а две в Мариинском дворце. Никто из солдат у нас вооружен не был, и никаких офицеров среди нас не было, и никто нами не командовал. Больше добавить ничего не имею. Показание прочитано.

Николай Быховский.

Борис Абрамов Бреслав, 35 лет, вероисповедания иудейского, мещанин гор. Городка Витебской губ., проживаю в г. Петрограде, Широкая, д. 16, кв. 35, посторонний [1]).

21 апреля, около 4 часов дня, я был на Невском, где и произошло следующее столкновение. Я увидел шествие манифестантов —рабочих Выборгской стороны, с красными знаменами, с надписями: «Долой Временное Правительство», «Да здравствует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов», «Да здравствует мир и братство народов», «Земля и воля». Плакатов «Да здравствует Германия» и черных знамен не было. Впереди шла вооруженная боевая дружина Выборгской стороны. У некоторых из них я заметил на рукавах белые милиционерские повязки. Красных повязок не заметил. Шли мирно, не задевая окружающую публику. Навстречу манифестантам пошла небольшая группка лиц, состоявшая из офицеров, юнкеров, студентов, воспитанников кадетского корпуса и других лиц. У них было знамя на двух древках

[1]) Том I, лл. 118—119. Допрошен 25 мая 1917 года.

с неясной надписью: «Да здравствует Временное Правительство». Кроме того выделилась небольшая группа лиц в солдатской форме, и у двух из них я видел винтовки в руках. Всего их было человек до десяти. Эта последняя группка и бросилась на передние ряды рабочих манифестантов, они схватили первое знамя, изорвали его и сломали его древко. Потом один из них произвел выстрел в толпу манифестантов, на моих глазах был один раненый из рабочих. Он упал, но не знаю, куда он делся, кто он такой и как тяжело пострадал. Я не мог этого узнать подробно, так как я стал посередине и стал кричать обеим сторонам: «Что вы делаете?» Были и еще выстрелы, но с какой стороны, я не мог заметить, и других пострадавших я не видел. Человек, произведший при мне выстрел в рабочих, был в солдатской форме: в рубашке защитного цвета с гладкими погонами и солдатской фуражке. Никаких цифр и букв не было нигде. Был он молодой, лет 25, с небольшими усами. Раньше я его не видел и после того также. При предъявлении его мне теперь вряд ли мог бы его узнать. После выстрела рабочая дружина было взялась за винтовки и начала готовиться к ответным выстрелам, но благоразумие их удержало от этого. Я видел, как дружина схватила одного в солдатской форме и стала его задерживать: его схватили за руки и ноги. Куда его отвезли — не знаю. Манифестация в скором времени двинулась дальше по Невскому к Адмиралтейству. Я не знаю, что было написано на разорванном солдатами плакате, но он был первым. Он был разорван руками, а древко сломали ногами.

После выстрелов были попытки обезоружить манифестантов рабочих. Некоторые лица в солдатской форме схватились за винтовки рабочих, говоря: «Отдайте нам винтовки, а потом идите себе спокойно». Рабочие винтовок не отдавали, и это обошлось без стрельбы. Обо всем этом мною была написана заметка в газету «Правда», где постоянно сотрудничаю. Все написанное в этой заметке за моей подписью я подтверждаю и готов подтвердить на суде, если буду призван в качестве свидетеля. Показания писал собственноручно. Зачеркнуто мною: «также», «слабый», «слом», «Алм», «в», надписано: «не ясной».

Б. Бреслав.

Судебный следователь В. Середа.

Август Христианович Вимба, 30 лет, лютеранин, грамотный, под судом не был, кр-н Лифляндской губ., Валкского у., Алсвикской волости, проживаю по Надеждинской ул., дом № 20, кв. 11, посторонний [1]).

Письмо в редакцию газеты «Известия Исполнительного Комитета Совета Р. и С. Д.» № 49/1917 г. за моею подписью действительно было

[1]) Т. II, лл. 109—110. Допрошен 9 мая 1917 г. Написано на машинке. Фамилия «Вимбо» исправлена карандашом на «Вимба».

прислано мною, как очевидцем вечерней стрельбы на Невском 21-го апреля с/г. В развитие содержания этого письма на ваши вопросы объясняю следующее: я был в десятом часу вечера на Невском пр. близ Гостиного двора, «сам по себе», не принимая участия ни в одной из манифестаций этого вечера, за или против Временного Правительства.

Был я один, без товарищей. На Невском было очень много народу на панелях, рассуждавшего о событиях дня, и тут лишь я услыхал, что днем на Невском уже произошло столкновение рабочих с солдатами, закончившееся стрельбой и пораненіями, но подробностей о дневном происшествии мне не рассказывали. Немного спустя — время было после половины десятого уже — я увидел группу манифестантов-рабочих, двигавшихся по Невскому пр. со стороны Городской думы к углу Садовой и заворачивавших по Садовой в сторону Инженерной и Марсова поля. Впереди шло несколько рядов вооруженных рабочих, у которых я заметил на рукаве белые повязки, вроде милиционерских. Красных повязок я не видел, но, может быть, просто их не разглядел. За вооруженными винтовками «милиционерами» шли женщины и, наконец, группа невооруженных рабочих со знаменами и плакатами красного цвета (черных я не видел), на которых были белые надписи. Я разобрал только одну из них: «Да здравствует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов», — какие надписи были на других знаменах, не разглядел, но черного, по-моему, у этих манифестантов вовсе не было. Первые ряды, вооруженные, уже свернули на Садовую и подходили, по моему, к Инженерной приблизительно, когда знамя манифестантов (одно из знамен) подверглось на углу Невского и Садовой нападению со стороны «панельной публики», и ранее неодобрительно встречавшей манифестантов криками: «Долой ленинцев», как почему-то прозвали манифестантов. На эти возгласы с панелей рабочие, как я сам слышал, отвечали: «Мы не ленинцы... Долой буржуазную травлю...» и, наконец, как бы в виде протеста, раздались из их рядов возгласы: «Да здравствует товарищ Ленин!» Ничего вызывающего в криках и поведении рабочих манифестантов я не заметил. Те вооруженные, о которых я уже говорил, шли с винтовками, надетыми перевязью на плече, а не «в боевом порядке». Когда же некоторые из панельной толпы бросились к середине манифестантов вырывать одно из рабочих знамен (что было на этом знамени написано, не знаю), то произошло замешательство в среде манифестантов, и раздались крики: «Товарищи, на помощь, выручайте...». Криков: «К оружию» я лично не слыхал в это время, и тот «сигнал», о котором я упоминаю в моем письме в редакцию, были именно эти крики о помощи, а не револьверный выстрел для призыва товарищей. Я сам был, в момент начавшейся

схватки около знамени, уже на Садовой, недалеко от угла Невского, и видел, как на крики: «Товарищи, выручайте...» часть уже вышедших на Садовую манифестантов-рабочих побежала назад на Невский, к месту схватки, но могу удостоверить, что «милиционеры», т. е. вооруженные рабочие с повязками, в этот момент уже были «за Инженерной», и я не видал, чтобы они с винтовками в руках бежали выручать свое знамя. Тут же раздались первые выстрелы. Они мне показались слабее обычных ружейных, более похожи на револьверные, и, как мне казалось, раздались они с «панелей» Невского, со стороны Публичной библиотеки и со стороны Гостиного двора. Кто именно стрелял и по кому, я однако видеть не мог. Других групп манифестантов, шедших за первою по Невскому, к тому же перекрестку Садовой, я перед тем не заметил. По моему, в это время здесь были только те манифестанты, о которых я показывал, т. е. вооруженные уже ушли с Невского, а в конце их шествия вооруженных, по крайней мере, ружьями «на виду»,— не было. После первых выстрелов я не видел, чтобы кто-либо упал раненый или убитый близ меня, но публика стала сама бросаться на землю, чтобы избежать ранений. Я тоже залег, но слышал, как поднялась значительная стрельба — уже «как будто с разных сторон», причем были и громкие, точно ружейные залпы, выстрелы. Кто и в кого тут стреляли, я видеть уже не мог, но выстрелы производились беспорядочно, и сделано было, минут в пять — не более, — выстрелов не менее нескольких десятков. Я и здесь не берусь определить, кто стрелял, в воздух или в народ, но, как и отметил в моем письме в «Известия», мне казалось ясным лишь то, что в этой стрельбе не могла принять участие та группа вооруженных, которою открывалось шествие манифестантов, так как она была далеко от места перестрелки. Назвал я ее в моем письме «заводской милицией» потому, что еще до стрельбы я поинтересовался спросить у манифестантов, откуда они, и мне из рядов ответили, что они — рабочие из Колпина со своей милицией. С каких именно Колпинских заводов были они, мне неизвестно. По окончании перестрелки я поспешил уйти от места столкновения и больше происходившего на Невском не видал. Раненых и убитых тоже не видал. Перед стрельбою я прошел вслед за манифестантами от Невского на Садовую, но не заметил никакой цепи солдат, которая бы пыталась остановить шествие. Сам я был в этот вечер, как всегда, безоружен, и среди моих соседей по панели оружия в руках ни у кого не видал. Когда я, уходя после стрельбы, проходил по Итальянской, я заметил, как к одному рабочему, несшему винтовку, подошел какой-то инженер и спросил, почему он с оружием. Рабочий ответил на это, что он «милиционер». Инженер потребовал, чтобы тот предъявил ему удостоверение, и рабочий показал инженеру какую-то

бумагу, после чего его отпустили. Я этого «удостоверения» лично не читал и не знаю, к какой именно милиции принадлежал этот рабочий, если действительно он был милиционером.

Показание прочитано. Прошу оговорить, что я не уверен, был ли человек с винтовкой, у которого спрашивали удостоверение, «рабочим»: он был одет просто, но в шляпе, а не в рабочем кепи, и кто он такой — не знаю, — может быть, и не рабочий. Прочитано.

Август Вимба.

Судебный следователь В. Середа.

Исаак Николаевич Серебряков, он же Серебракянц, 26 лет, армяно-грегор. вероисповедания, юнкер 1-й роты Николаевского инженерного училища (Садовая, 2), посторонний [1]).

21 апреля с/г. вечером я, в числе солдат принимал все меры к тому, чтобы убедить публику не скопляться на панелях Невского пр. и расходиться, по возможности, по домам. Инициатива таких уговоров исходила, собственно говоря, от массы невооруженных солдат, вышедших из казарм и предлагавших народу прекратить всякие манифестации, происходившие в эти дни. Мне самому, участвовавшему в манифестации «за Временное Правительство» и шедшему впереди ее, встретилась подобная группа солдат и просила прекратить манифестировать, разойтись, свернув плакаты, так как, по слухам, к центру города идут вооруженные манифестанты против правительства. Поняв грозящую опасность, я принял сторону указанных солдат и сам примкнул к ним. Мы разбились на группы и стали ходить по Невскому пр., убеждая публику не устраивать никаких манифестаций, не толпиться и расходиться по домам. За время с 6 до 8 час. вечера Невский проспект нам удалось очистить, и на панелях осталось немного народу. Получив известие, что по Садовой к Невскому пр., со стороны Марсова поля, идет партия вооруженных манифестантов, наша группа солдат поспешила к Садовой, чтобы не допустить манифестантов на Невский пр., но оказалось, что эти манифестанты уже на Невском пр. и шли от Городской думы к Садовой. Тогда я повернул свою импровизованную команду на Невский, где мы и встретили манифестантов. Впереди их шла кучка солдат и рабочих, вооруженных винтовками, револьверами, саблями, — затем несколько рядов, вооруженных винтовками и револьверами рабочих (человек около 70—80), потом женщины в платках (около 150), и все шествие замыкалось опять-таки вооруженными рабочими. Манифестанты несли несколько плакатов

[1]) Том II, лл. 176—177. Допрошен 31 мая 1917 г. Написано на машинке.

(в рядах) в начале, в середине и в «хвосте» процессии. Надписи на этих плакатах были обычного характера этого дня, выражая недоверие Временному Правительству. Были ли на рукавах вооруженных манифестантов какие-либо повязки, я не обратил в то время внимания. Я остановил свою команду, и один из наших солдат обратился к манифестантам от имени Совета Солдатских и Рабочих Депутатов с просьбой сохранить порядок и спокойствие. Шедшие впереди нам сказали, что они с Невского пройдут по Садовой к себе домой. Какого завода были эти манифестанты, я не могу сказать, но слышал, как на вопрос из публики об этом рабочие ответили: «Тут от всех заводов — междурайонцы». Чтобы дать им возможность пройти к себе, мы, солдаты, устроили неподвижную цепь и пропустили процессию свернуть на Садовую и к Марсову полю. В это время на углу Садовой и Невского успела собраться вновь публика, часть которой и задержала на Невском пр. «хвост» процессии с целью отобрать последний плакат. Большая часть шествия была уже на Садовой, когда последние ряды его заметили, что «хвост» отстал, и закричали шедшим впереди, что надо остановиться. В образовавшемся пустом пространстве между «хвостом», окруженным публикой, и средней колонной манифестантов очутился я один, и, видя происходящее, подбежал к колонне, прося рабочих не возвращаться всем назад, а дать мне несколько товарищей, чтобы с ними и частью наших солдат успеть присоединить благополучно задержавшуюся последнюю колонну к главной процессии и тем восстановить нарушившийся ею порядок. Пока мы успели подойти к перекрестку Садовой и Невского, где стояли участники манифестации с плакатом и боролись с ними некоторые из солдат, бывших ранее среди публики на панелях (не из нашей цепи), некоторые вооруженные манифестанты добежали до главной процессии, убеждая итти «на выручку» своих. Призывов с их стороны: «К оружию» или выкриков: «Смерть буржуазии» я не слышал, но, действительно, манифестанты твердили одно: «Мы сохраним порядок, но, если нас тронут, то мы откроем огонь...» Так и произошло. Увидя, что рвут их плакат, дрогнувшие ряды главной части манифестантов двинулись по Садовой обратно к Невскому и открыли по Садовой, вдоль улицы, стрельбу на ходу, куда попало. Этими выстрелами толпа народа, дравшаяся из-за плаката, была отброшена с перекрестка к углу Публичной библиотеки. В эту группу попал и я и видел, что оттиснутые вместе со всей толпой вооруженные манифестанты, в свою очередь, открыли огонь по публике. Часть публики разбежалась, другая же залегла на панелях, чтобы избежать пуль. Выстрелы слышались также и с грузовика, бывшего в это время на Невском пр. близ угла Садовой, в самом конце описанной выше партии манифестантов. На грузовике я сам видел

красный плакат с надписью: «Гаваньская рабочая милиция» и несколько пассажиров: рабочих и солдат с оружием. Когда, наконец, вооруженные манифестанты поняли, что стреляют в разных местах о н и о д н и, а на панелях лежит безоружная публика, то, взяв оружие на перевес, рабочие медленно собрались вместе и двинулись по Садовой в ту же сторону, к Марсову полю. Вся стрельба продолжалась минут 10 или 12, но выстрелов за это время — ружейных и револьверных последовало несколько десятков. Я считаю возможным удостоверить, что стрельбу производили исключительно вооруженные люди из числа манифестантов против Временного Правительства, так как, кроме как у них, я оружия ни у кого не видал, сам его при себе не имел, да и солдаты, убеждавшие публику не манифестировать и расходиться, все были безоружные. Показание прочитано.

Юнкер роты Николаевского инженерного училища И с а а к Н и к о л а е в и ч С е р е б р я к о в (он же С е р е б р а к я н ц).

Судебный следователь В. С е р е д а.

Протокол [1]).

Евгения Ивановна Шеляховская, 37 лет, православная, сестра милосердия 109 передового отряда Красного креста, живу в поселке «Михайловка» (ст. Парголово), по Финскому пр., д. № 41, посторонняя.

Я до сих пор состою в передовом отряде, «проделала кампанию» с 1914 года, все время на фронте, а теперь до 20 мая в отпуску. Около 3 часов дня 21 апреля я, выходя из главного управления Красного креста, встретила идущую по Садовой к Невскому тысячную толпу манифестантов с знаменами и плакатами. На красных знаменах (плакатах) я прочла надписи: «Долой Милюкова», «Да сгинет капитализм» и т. п. надписи. Видела я и черное знамя, причем разобрала начало печатной надписи белыми буквами на нем: «Пулемет и булат...» Дальше я прочесть не могла, так как знамя развевалось, но среди

---

[1]) Том II, лл. 103—106 об. Печатается второе показание Шеляховской от 5 мая 1917 г., как более яркое и полное; первое ею дано в помещении прокурорского надзора судебной палаты тов. прок. Данчичу 24 апреля (т. II, лл. 58 — 59 об.) и представляет сжатое изложение тех же фактов.

Необходимо отметить, что данное показание с небольшими вариациями свидетельницей дано вторично следств. властям после и по поводу июльских дней (см. К. Шелавин, 1917 г. Очерки русской революции, ч. I, стр. 176—177. Петроград. «Прибой», 1923 г.).

Печатаемое показание написано рукою следов. Середы, на каждом листе подпись: «Е. И. Шеляховская». В т. I, л. 95 помещена выписка, касающаяся дневного столкновения.

окружающих говорили, что надпись гласила: «Пулемет и булат уничтожат капитализм». Впереди рядов манифестантов, — по общему виду, рабочих, шли люди, вооруженные винтовками и револьверами, причем револьверы держали в поднятых кверху руках, как бы угрожая публике на улице. Повязок на рукаве этих вооруженных рабочих я не заметила: ни белых, ни красных. Среди вооруженных рабочих я ни солдат, ни матросов не видела; я спросила мимо проходящего человека с винтовкой, молодого рабочего лет 18—19, откуда они (манифестанты) и куда идут. Он посмотрел на меня через плечо, точно с пренебрежением, но ответил мне, что они «с Трубочного завода», а идут «на соединение в группы для устройства Варфоломеевской ночи». Он так и сказал это выражение: «соединение в группы» и «Варфоломеевская ночь». Заинтересовавшись, я сделала вид, что не понимаю его, и спросила: «А что это такое «Варфоломеевская ночь»?» Он пояснил с большой решительностью и убеждением: «Значит резать направо и налево, забирать себе банки и капиталы. Довольно буржуазничать!» Шествие продолжало двигаться к Невскому. Публика, видя вооруженные ряды манифестантов, явно оробела. Я видела, как к голове шествия подходили безоружные, случившиеся в числе прохожих, солдаты и убеждали спрятать оружие, расходиться, напоминали, что «мы не для э т о г о сидели в окопах» и добывали себе свободу. Однако увещания не действовали, и я слышала, как из передних рядов рабочих раздалось: «Прочь! Или мы будем стрелять», — и некоторые взяли винтовки на изготовку. Их пропустили. Я находилась у здания Пассажа на Невском, а голова вооруженных манифестантов уже прошла Михайловскую, —и тут (это был 4-й час уже) послышались выстрелы. Я привыкла к звуку выстрелов и могу утвердительно заявить, что все выстрелы днем, 4—5 всего, были исключительно ружейные. Эта стрельба произошла впереди, в некотором отдалении от меня, так что непосредственной очевидицей я здесь не была. Что вызвало выстрелы, не знаю: лично не была там. Была ли на месте столкновения какая-либо сестра милосердия, не могу сказать. Я же ни к плакатам манифестантов с целью их сорвать не бросалась, ни после выстрелов пострадавшим помощи не оказывала. После 4-х часов дня я была на Петроградской стороне, «у ленинцев», т. е. близ дома Кшесинской, откуда, по разговорам публики, исходила агитация против Временного Правительства и Милюкова. Около дома Кшесинской я пробыла с час, причем за это время наблюдала, как к образовавшейся здесь разношерстной толпе из рабочих, женщин, мальчишек и попросту хулиганов выходили из дома Кшесинской — где, как известно, «штаб Ленина» — несколько человек, статских, полуинтеллигентного вида, в шляпах, и что-то раздавали толпе. Я видела протягивавшиеся из толпы руки,

протиснулась поближе и увидала, что «ленинцы» раздавали д е н ь г и [1]): десятирублевые бумажки, по одной на человека. Я слышала, как один из них говорил, что надо сорганизоваться, действовать вместе. Видела, как один мальчишка, лет 13—14, получив раз десятирублевку, спрятал ее в карман и подбежал вторично с другой стороны, с криком: «Дяденька, дай и мне, я тоже буду кричать: «Долой Милюкова». Раздача десятирублевок продолжалась довольно долго, и ввиду многочисленности желающих здесь при мне была роздана «ленинцами» значительная сумма денег, не одна тысяча. В это время у толпы еще никаких знамен не было, как не было и оружия. Могу даже категорически заявить, что здесь, в моем присутствии, раздачи толпе о р у ж и я [2]) никто не производил. Через некоторое время из виденной мною получавшей деньги толпы действительно образовалось ядро «манифестации», появились плакаты с надписями: «Долой Временное Правительство», «Долой Милюкова», «Да сгинет капитализм» и т. п. лозунгами. Я прошла с этими своеобразными протестантами до Невского, где, часу в 7 вечера, группа эта была около Городской думы остановлена несколькими юнкерами (8—10 человек), которые отобрали плакат у «оборванцев» и, прикрикнув на них, без всякого труда разогнали всю, пришедшую от дома Кшесинской, компанию. Никакого действия оружием или выстрелов в данном случае ни с чьей стороны допущено не было. Юнкера, разогнавшие «ленинцев», были, если не ошибаюсь, из Константиновского училища. После этого я присоединилась к большой толпе лиц (военных и статских), желавших выразить доверие Временному Правительству, и была в числе других — у Мариинского дворца и в других местах, где в этот вечер выступали с речами Милюков и другие министры. Пробыв в среде манифестантов «за правительство» до 9 слишком часов вечера, я — с другими же очутилась вновь на Невском, где наша группа стала уже расходиться. И я решила ехать на мой вокзал (Финляндской ж. д.) на трамвае № 1, для чего шла к углу Невского и Садовой. Здесь я заметила цепь безоружных солдат, взявшихся за руки и шедших навстречу новым вооруженным манифестантам, двигавшимся по Садовой к Невскому со стороны Марсова поля [3]). Я включилась в солдатскую цепь, и от стороны Публичной библиотеки мы почти побежали к манифестантам. Их было теперь менее, чем днем, — человек 50, не более, с знаменами, но в с е [4]) вооружены зато. Впереди шел статский, по-рабочему, но

[1]) Слово: «деньги» в подлиннике подчеркнуто чернилами.

[2]) Слово: «оружия» подчеркнуто чернилами.

[3]) Напомним читателю, что по показаниям всех других свидетелей вечерняя рабочая демонстрация шла как раз с Невского на Садовую.

[4]) Слово «все» подчеркнуто чернилами.

чисто одетый, лет около 30, с темными усами, в мягкой черной с полями шляпе, с довольно интеллигентным лицом. Солдаты как и днем, стали просить вооруженных манифестантов прекратить хождение с оружием и пытались «цепью» оттеснить их от Невского. Плакатов мы не трогали, оружия у манифестантов не отнимали. Но когда «распорядитель» (рабочий в шляпе) увидал, что мы не хотим пропустить их, он поднял руку и дал выстрел из револьвера, «точно сигнал», видимо, в воздух. Был он от меня всего в 6—10 шагах, не более — и его лицо врезалось мне в память. Сейчас за этим сигналом, со стороны этих манифестантов последовал ружейный залп уже «в нас». У меня над головой просвистела пуля, и в «цепи» было ранено несколько солдат. Из них один, в автомобильной форме (позже оказалось, Гаркуля), упал прямо мне на руки, пораженный пулею в правое плечо. По свойству раны и размерам входного отверстия я тут же определила, что Гаркуля ранен р а з р ы в н о й [1]) пулей. Он умер, не приходя в сознание. Другого раненого — легко в затылок — я, расспросив его и узнав, что он служит в Николаевском кавалерийском училище, отвезла сама на реквизированном мною автомобиле, предоставленном французскому министру Тома, в училище. Пришлось ехать кружными путями, причем, когда мы выбрались на Садовую, то здесь, уже около Екатерингофского, мне попалась группа тех же манифестантов, которые стреляли в нас на углу Невского. Я говорю, что это были именно т е ж е [2]) потому, что впереди их шел тот самый человек в черной шляпе, которого я запомнила в лицо. Я решилась окликнуть их и спросила, откуда они и куда. На это кто-то из задних рядов ответил мне: «Мы с завода «Парвиайнена». Гуляем...» Какие надписи были у них на плакатах и знаменах, я не могла прочесть, но и здесь, при второй встрече с манифестантами, у Екатерингофского, видела у этой вооруженной группы и плакаты, и знамя. После первого залпа, о котором я говорила, я слышала еще и еще выстрелы; шла беспорядочная стрельба в течение нескольких минут, но я, занятая ранеными, уже не знаю, кто в кого и на какой улице стрелял. Я хорошо заметила, что у «распорядителя» вооруженных рабочих, который дал сигнал к стрельбе, была на рукаве красная повязка; были ли на ней буквы или цифры, я не разглядела. У других вооруженных этой группы я таких повязок не видела. Прочитано. Вписано: «заявить».

Е в г е н и я И в а н о в н а Ш е л я х о в с к а я.

Судебный следователь В. С е р е д а.

---

[1]) Слово: «разрывной» подчеркнуто чернилами.

[2]) Слова: «те же» подчеркнуты чернилами.

Постановление [1]).

1917 г. июля 25—30 дня, гор. Петроград. Судебный следователь по важнейшим делам Петроградского окружного суда, В. Н. Середа, рассмотрев настоящее дело о причинениях ранений и смерти нескольким лицам на Невском пр. и Садовой улице в день уличных демонстраций 21 апреля 1917 г. в г. Петрограде, нашел, что установленные следствием обстоятельства сводятся к следующему.

С вечера 20 апреля, в связи с происходившими переговорами Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с представителями Временного Правительства по поводу опубликованной министром иностранных дел Милюковым ноты союзным державам о целях войны, на заводах Петрограда стали распространяться среди рабочих слухи, что завтра, 21 апреля, состоятся грандиозные манифестации протеста заводских рабочих столицы «в честь Совета Р. и С. Депутатов» для оказания ему поддержки в споре из-за ноты Милюкова с Временным Правительством (т. I, л. 119 об.).

Утром 21 числа, до 12-ти часов дня, т. е. до обеда, работы на большинстве заводов производились еще нормально; в обеденный же перерыв рабочие почти всех районов Петрограда стали сорганизовываться в колонны и, запасшись заранее изготовленными плакатами и знаменами с лозунгами враждебными Временному Правительству и наименее популярным министрам, почти в полном составе заводов, предшествуемые «своей» (заводскою) милицией, вооруженной огнестрельным и холодным оружием, двинулись стройными рядами с окраин к центру города и Невскому проспекту [2]).

Отдельные, еще немноголюдные группы манифестантов, желавших выразить Временному Правительству свое недоверие, появлялись на Невском пр. 21 апреля и ранее 2-х часов дня, но в составе их не было еще отрядов вооруженных людей; демонстрации носили мирный, не угрожавший общественной безопасности характер, и лишь плакаты этих манифестантов с печатными надписями: «Долой Временное Правительство», «Война войне» указывали на начало организованных выступлений масс с протестом против ноты министра Милюкова, под знаком борьбы за мир (т. I, лл. 6, 20, 114).

---

[1]) Том II, лл. 190—200. Написано на машинке.

[2]) Из различных документов дела можно установить участие в демонстрациях 21 апреля следующих заводов: Н. Лесснер, Металлический, Эриксон, Галерный, Парвиайнен, Путиловский, фабр. «Невка», Экваль, Струк, Чешер, зав. Пузырева, Трубочный. Но сведения эти случайны, и список выступавших заводов, конечно, этим не исчерпывается.

Первые же крупные партии в о о р у ж е н н ы х [1]) манифестантов против Временного Правительства появились на Невском пр. со стороны Садовой ул. и Марсова поля лишь около трех часов пополудни, причем порядок и картина шествия их многочисленными очевидцами описываются почти дословно в таких чертах:

Сначала по тому же направлению (со стороны Садовой к Адмиралтейству) проехал грузовой мотор с вооруженными людьми и большим красным плакатом: «Долой Временное Правительство», «Да сгинет капитализм, пулемет и булат сокрушат его!» Пассажиры на грузовике, в числе коих были и люди в военной форме, были вооружены винтовками и имели при себе пулемет (т. I, лл. 8, 111). Через несколько времени после проезда описанного грузовика, с Садовой же на Невский повернула голова шествия манифестантов-рабочих, как позже выяснилось, с заводов Выборгского района. Впереди большой толпы, достигавшей тысячи и более человек, шли несколько стройных рядов мужчин, разного возраста, по виду и одежде рабочих, вооруженных в большинстве винтовками, но немало и револьверами «на виду» (в руках), у некоторых же имелось холодное оружие: сабли, шашки, штыки. Солдат среди этих вооруженных замечено не было; у части их на рукаве были надеты белые и красные повязки, «как бы у милиционеров». За каждой партией вооруженных людей несли один или несколько знамен или плакатов, с надписями, подчеркивающими враждебное отношение манифестирующих к внешней политике Временного Правительства и к продолжению войны, а сзади плакатов шли безоружные рабочие: мужчины, женщины и подростки в составе отдельного заводского коллектива. Следующий манифестировавший завод шел в таком же порядке: вооруженный авангард, плакаты и остальная безоружная масса рабочих. Из надписей печатными буквами на плакатах и знаменах свидетелям запомнились, между прочим, следующие: «Долой Временное Правительство», «Да здравствует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов», «Долой Милюковых и Гучковых», «Гучкова и Милюкова в крепость», «Война войне», «Мир без аннексий и контрибуций», «Да здравствует мир и братство народов», «Да здравствует Интернационал». Кроме красных знамен и плакатов с вышеприведенными лозунгами были у манифестантов и черные знамена, на одном из которых были изображены череп над скрещенными костями и надпись: «Да здравствует К о м м у н а» (т. I, лл. 27 об., 119, 8, 15, 16, 21, 37, 60—74, 104, 111—113, 122, 118, 106 и 114). Находившаяся на Невском пр. в большом числе — как обычно в эти

[1]) Набранное разрядкой как в данном случае, так и в дальнейшем тексте подчеркнуто в подлиннике.

часы дня — разнообразная публика — прохожие (военные, студенты, чиновники, статские, дамы), при появлении описанной тысячной толпы рабочих с вызывающими надписями на плакатах, и, главное, с оружием в руках, была сначала охвачена чувством смущения и робости, но затем, предположив по общему характеру напечатанных на знаменах и выкрикиваемых манифестантами призывов, что эта вооруженная толпа идет силой свергать Временное Правительство «в Мариинский дворец», дала волю своему возмущению при виде открытой попытки манифестантов силою оружия оказать давление на волю «революционного правительства свободной России». Из рядов публики послышались негодующие крики по адресу манифестантов: «позор», «предатели», «ленинцы», «изменники» и т. п. Бывшие в числе случайных прохожих отдельные военные, преимущественно «серые шинели» (солдаты), пытались «пристыдить» манифестантов, убедить их разойтись или хотя убрать свое оружие. «Не для э т о г о мы сидели в окопах и добывали свободу...» говорили они. Но на негодующие выкрики солдат и публики Невского манифестанты отвечали со своей стороны бранью по адресу «провокаторов» и «буржуев», а на демонстративные возгласы из публики: «Да здравствует Временное Правительство» некоторые из вооруженных, потрясая винтовками, заявляли: «Вот ч е м мы ответим в а ш е м у правительству» (т. I, л. 111). Попытки отдельных солдат и публики образовать «цепь», с целью недопущения рабочих к Мариинскому дворцу, окончились неудачей, и толпа манифестантов, смяв «цепь», двинулась по Невскому дальше в сторону Морской ул. и Адмиралтейства.

Среди подавленной случившимся разносоставной публики нашлись отдельные лица, по преимуществу из военных, начавшие агитировать за необходимость сорганизоваться в контрманифестацию, чтобы выказать свое доверие политике Временного Правительства и морально реагировать на провокацию только что прошедших «ленинцев», как окрестили в публике рабочих манифестантов, лозунги которых совпадали с общим направлением теорий, развиваемых Лениным и его последователями (т. I, лл. 115, 127, 127 об.). Кстати, одновременно с выходом рабочих на Невский пр., здесь, в публике чаще и чаще стали выделяться было неизвестные ораторы, призывавшие к немедленному прекращению войны и доказывавшие необходимость общего братания на фронте (т. I, л. 111 об.), но такая проповедь не нашла себе сочувствия и, под влиянием противоположной агитации военных, вскоре из случайных прохожих составилось ядро 150—200 человек, решивших итти манифестировать перед Мариинским дворцом в противовес «ленинцам». Сняли первые попавшиеся красные флаги с ближайших зданий, написали на них тут же мелом и углем:

«Да здравствует Временное Правительство», и импровизованная таким образом «манифестация», в свою очередь, двинулась по Невскому пр. в сторону прошедших манифестантов-рабочих догонять их. Было уже около половины четвертого часа пополудни (т. I, лл. 6, 12, 17, 44, 67 и др.).

Не успела однако эта группа сторонников правительства пройти от здания Пассажа до площади перед Казанским собором, как в последних ее рядах заметили, что сзади, снова со стороны Садовой, выходит новая многочисленная толпа каких-то манифестантов. Виднелись стройные колонны людей, плакаты, но еще нельзя было разобрать, что это за манифестанты. Среди сторонников Временного Правительства возникло предположение, что это, может быть, партия их единомышленников, и решено было дожидаться их, чтобы слиться в общую массу. Но, по мере приближения шествия, выяснилось, что манифестирует новая, еще более многолюдная, партия заводских рабочих такого же состава, как прошедшие (мужчины, женщины, подростки), с такими же вооруженными авангардами во главе отдельных заводских коллективов и с почти тождественными по надписям плакатами, из коих доминировали: «Долой Временное Правительство», «Долой Милюкова», «Война войне». Был плакат с надписью «Красная гвардия». Из рядов манифестантов слышались те же возгласы: «Долой Временное Правительство», «Смерть Гучкову», «Да здравствует Интернационал» и даже, по категорическому утверждению свидетеля (т. I, лл. 15, 38, 112), возгласы: «Да здравствует Германия».

Последнее обстоятельство заслуживает особого упоминания еще потому, что, повидимому, именно подобного рода выкрики в честь Германии, слышанные здесь публикою, и легли в основу проверявшегося следствием факта, на который указывали некоторые из свидетелей, со слов очевидцев (т. I, лл. 107, 124 об.), будто бы в этой, второй, группе противоправительственных манифестантов имелось даже особое знамя-плакат с изменнической надписью: «Да здравствует Германия» и что будто бы э т а - т о надпись и послужила первым поводом к столкновению манифестантов с выступавшими на стороне Временного Правительства солдатами из публики. По данным следствия, правильнее предположить, что знамя с подобной надписью вряд ли имелось у рабочих днем 21 апреля, но раздавшиеся из их рядов возгласы в честь Германии легко могли дать основание кому-либо из публики в неразобранной им надписи на одном из знамен прочитать то же, о чем кричали шедшие около манифестанты.

Вызывающий, решительный вид этой новой партии противоправительственных манифестантов, беспричинные угрозы оружием со стороны некоторых вооруженных по адресу окружающих прохожих

на панелях Невского пр., резкие выкрики, — по показаниям большинства свидетелей, — способствовали разжиганию страстей у обеих сторон и «провоцировали» без того нервно настроенную после прохода первой партии вооруженных демонстрантов публику Невского (т. I, л. 113). Небольшая группа сторонников правительства оказалась, таким образом, между двух враждебных тысячных толп. Тогда бывшие в ее составе военные (офицеры, вольноопределяющиеся, юнкера, солдаты), с одной стороны, опасаясь возможности столкновения, а с другой, желая показать манифестантам, «что войско з а правительство» (т. I, л. 13), быстро перестроили ряды своей группы так, что в первых рядах ее, обращенных лицом к приближающимся противникам, оказались почти исключительно военные, «прикрывшие» собою остальных участников группы. Толпа рабочих продолжала надвигаться на остановившуюся группу, и в народе кругом почувствовалась близость катастрофы (т. I, л. 43 об.), хотя военные, по их заявлениям на следствии, до последней минуты не верили, что рабочие т е п е р ь могут начать стрелять по солдатам (т. I, л. 7; т. II, л. 130 об.).

Когда обе группы почти сошлись и на просьбу военных разойтись, убрать вызывающие плакаты и оружие рабочие ответили резким отказом, из рядов сторонников Временного Правительства выделилось несколько офицеров, солдат и статских, которые, раздраженные сгустившейся атмосферою взаимных упреков, бросились к переднему плакату манифестантов-рабочих в целях отнять его и уничтожить. В этот момент, когда некоторые из них уже добежали до плаката и ухватились за него, а другие еще не успели даже добежать сюда, из рядов вооруженных винтовками и револьверами рабочих, которых публика прозвала «рабочей гвардией», «красной гвардией», раздались первые ружейные выстрелы (т. I, лл. 3, 4, 6, 8 об., 15, 16, 20, 44 и др.). Было дано всего пять-шесть, во всяком случае не более десяти выстрелов, по определению большинства очевидцев, р у ж е й н ы х. Публика в панике бросилась бежать куда попало, обратились в бегство и некоторые из манифестантов, другие из публики бросились на землю в надежде избежать поранений, но подбежавшие к плакату рабочих военные не смутились, вырвали и уничтожили возмутивший их плакат с надписью «Долой Временное Правительство. Да здравствует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов» и принялись обезоруживать «красногвардейцев».

То обстоятельство, что выстрелы были произведены вооруженными рабочими, манифестировавшими против Временного Правительства, помимо многочисленных свидетельских показаний, удостоверивших нахождение ружей т о л ь к о в руках манифестантов и видевших, как некоторые из них целились и стреляли по направлению бежавших

к плакату сторонников правительства, устанавливается объективно и результатами стрельбы. Из пятерых зарегистрированных раненых во время дневного столкновения 21 апреля (Черник [1]), Королев, Косарев, Павлов и Соловьев) огнестрельные поранения получили лишь первые трое, и единственный из них, Черник, рабочий завода Пузырева, принимавший непосредственное участие в демонстрации рабочих Выборгского района, оказался поражен выстрелом с з а д и. Мальчик Королев был подстрелен на Михайловской улице, выстрелом со стороны Невского в то время, как собирался покинуть ряды манифестантов своей фабрики, к которым примкнул, в числе других подростков, «не по своей воле». Косарев, раненый выстрелом с п е р е д и, принадлежал к группе сторонников правительства [2]). У Павлова, рабочего, примкнувшего к этой же группе, оказалась ушибленная рана головы, и, наконец, Соловьеву, принадлежавшему к числу «народной» (заводской) милиции, отождествляемой в широкой публике с «Красной гвардией» (т. I, л. 127; т. II, л. 185 об.), уже после выстрелов разбил голову ударом приклада винтовки какой-то вольноопределяющийся во время отбирания у рабочих оружия: у самого Соловьева были тогда же отобраны винтовка и револьвер (т. I, лл. 28, 33—34, 27, 32, 120).

Свидетели из числа допрошенных рабочих (Черник, Соловьев и др.), пытаясь выставить своих собратьев по манифестации не виновниками, но жертвами вышеописанной стрельбы, сами не решились, однако, утверждать, что у «контрманифестантов» (т. е. группы сторонников правительства) имелись до момента столкновения р у ж ь я, и некоторые лишь намекали, что «ведь револьверы могли быть и в кармане...» (т. I, л. 120), и что слышанные ими выстрелы походили более на револьверные. Рядом свидетельских показаний, в том числе и самого милиционера Соловьева, установлено все же, что и у рабочих-милиционеров, кроме большого количества винтовок, имелись и револьверы; у солдат, примыкавших к группе сторонников правительства, оружия не было замечено никакого; у офицеров и юнкеров (не у всех даже) имелось полагающееся им холодное оружие (шашка, кортик, штык). Факт же нанесения после стрельбы некоторым из «красногвардейцев» побоев прикладами отнятых от них же винтовок, помимо заявления потерпевшего Соловьева, подтверждается и другим свидетелем, которому тотчас же за окончанием стрельбы рассказывали очевидцы, что возмущенные расстрелом безоружной публики

---

[1]) В подлинном показании этого пострадавшего фамилия его значится «Черных». (Т. I, л. 27 об.—28.)

[2]) Косарев — владелец ресторана на Невском.

военные, обезоруживая манифестантов, действительно побили прикладами несколько человек из них (т. I, лл. 124 об., 125).

Сведения о том, что выстрелы были произведены, будто бы, из рядов сторонников Временного Правительства, были получены за время следствия из единственного источника, а именно из совершенно определенных указаний газеты «Правда». В номере этой газеты от 22 апреля 1917 г. были помещены две заметки, в первой из которых говорилось, что по мирным манифестантам-рабочим стали стрелять из группы «за правительство» какие-то люди в солдатской форме, а во второй — прямо сообщалось, что стреляли по манифестантам солдаты по команде руководившего ими офицера. Ввиду серьезности указаний авторы обеих заметок в «Правде» были допрошены на следствии в качестве свидетелей, причем первый, настаивая на том, что на его глазах из группы сторонников правительства выделилась кучка лиц «в солдатской форме», у двоих из которых были винтовки, и один из них выстрелил из своей винтовки в сторону рабочих, отчего один рабочий упал, добавил, что ему, свидетелю, неизвестно, был ли этот рабочий ранен и что с ним дальше сталось. Далее, тот же свидетель удостоверил, что «боевая дружина Выборгской стороны» (так он называет «заводскую милицию», шедшую с манифестантами) благоразумно воздержалась от ответных выстрелов и что попытки солдат обезоружить милиционеров-дружинников «остались безуспешны» (т. I, лл. 118—119). Второй же сотрудник «Правды», давший заметку очевидца о «приказавшем стрелять» офицере, на следствии об этом факте показал дословно так:

«Навстречу (манифестантам) показалась группа военных: офицер и солдаты. Шли ли они, как воинская команда или беспорядочно, были ли они вооружены, я рассмотреть не успел. Офицер махнул рукой и что-то выкрикнул. В это время толпа с дороги бросилась в двери магазинов, и раздался залп, точно ружейный... Все описанное создало у меня определенное впечатление, что залп был дан по сигналу офицера: было ли так в действительности, настаивать не могу» (т. I, л. 117).

Остальные же допрошенные свидетели утверждают, что огнестрельное оружие в руках военных из группы сторонников Временного Правительства появилось лишь п о с л е с т р е л ь б ы по ним и публике, будучи отобрано ими от стрелявших и их товарищей. Возмущение фактом расстрела вооруженными манифестантами неповинной публики было в этот момент настолько велико, что, действительно, некоторые из отобравших от рабочих оружие лиц из публики готовы были ответить выстрелами на выстрелы, но благоразумная часть окружающего народа упросила их этого не делать во избежание

новых жертв, а отдать отобранное оружие местной милиции (т. I, л. 73). К этому времени многие из манифестантов-рабочих после первых же данных выстрелов, «как бы испугавшись своего поступка» — по выражению одного свидетеля (т. I, л. 115), обратились в бегство, не говоря уже о шедших за ними женщинах, после первого же выстрела разбежавшихся с криками: «Наши стреляют, наши стреляют...» (т. I, л. 106 об.). Оставшаяся часть манифестантов, приведя в порядок расстроившиеся ряды, все же нашла нужным завершить демонстрацию и под упреки окружающей публики, без дальнейших эксцессов, проследовала по Невскому в сторону Мариинского дворца.

Пропустив их, бывшая на Невском разнообразная публика окончательно перестала стесняться в выражениях своего возмущения происшедшим кровопролитием. Почти мгновенно образовалась тысячная толпа, готовая выразить полное доверие правительству, появились вновь наскоро смастеренные флаги, и вся эта масса народа, увеличивавшаяся по пути единомышленниками, отправилась тоже к Мариинскому дворцу, куда были доставлены и две из отобранных у «красногвардейцев» заряженные винтовки (т. I, лл. 6—7, 8—9, 74—95).

Быстро распространившееся по столице известие о расстреле народа на Невском «ленинцами» привлекло в ряды сторонников Временного Правительства много новых, возмущавшихся действиями вооруженных манифестантов, элементов. Один за другим стали появляться наполненные безоружными военными грузовые автомобили с плакатами и флагами в честь Временного Правительства; с разных сторон потянулись к Мариинскому дворцу быстро организующиеся толпы сочувствующих политике правительства граждан, по преимуществу интеллигентов; зареяли над головами их новые и новые знамена, причем, по мере нарастания народного негодования против «ленинцев», как огульно называли в эти дни всех выступавших с проповедью мира на фронте и гражданской войны в тылу, надписи на этих знаменах, частью также сделанные наспех (т. II, л. 21), приобретали все более и более «воинственный характер»: «Ленина и компанию — обратно в Германию», «Арестовать Ленина», «Арестовать шпиона Ленина» и т. п. (т. I, л. 75; т. II, л. 134 об.). При распространенном в этот день убеждении большинства — как оказалось, небезосновательном, — что манифестации против Временного Правительства и против продолжения войны инспирируются Лениным и его единомышленниками, выставленные антиленинские плакаты привлекли немало сторонников, и вскоре отдельные, довольно многочисленные группы граждан, с плакатами, требовавшими ареста Ленина или высылки его в Германию, направились для соответствующих демонстраций к дому Кшесинской на Петроградской стороне, где в то время, как было обще-

известно, помещались «штаб Ленина» и большевики. Однако даже дойти до дома Кшесинской противникам ленинской пропаганды не пришлось: еще по пути они стали получать предупреждения, что «ленинцы» могут расстрелять и их, как публику на Невском в этот день; затем одна из этих партий, еще во время устройства сочувственной манифестации перед английским посольством, подверглась нападению кучки безоружных матросов, солдат и рабочих, уничтоживших оскорбительный для Ленина плакат и рассеявших манифестантов, а вторая, сейчас же за Троицким мостом, еще не выйдя на Каменноостровский проспект, была встречена громадной толпой рабочих с красными плакатами: «Долой Временное Правительство», «Вся власть Совету Рабочих и Солдатских Депутатов» и в сопровождении отряда вооруженных карабинами милиционеров с белыми и красными повязками на рукаве. Увидав враждебный Ленину плакат, эти рабочие набросились на контр-манифестантов, изорвали их плакат, поколотили и разогнали противников своих, как и днем, не имевших при себе оружия. До стрельбы и вообще кровопролития ни в том, ни в другом случаях описываемых столкновений здесь не доходило (т. II, лл. 21 об., 134 об.).

На Невском пр. тем временем — между 5 и 7 часами вечера — не прекращались волнения и импровизованные митинги, причем настроение бывшей здесь публики, определенно враждебное в эти часы Ленину и самой идее вооруженных массовых выступлений против правительства, еще подогревалось не переставшими подходить к центру города многочисленными новыми партиями рабочих-манифестантов с такими же плакатами, знаменами и возгласами, как описанные выше, и при такой же сильной охране из вооруженных представителей заводской («народной») милиции. Как и раньше, днем подобные манифестанты встречались негодующими упреками, криками: «Ленин провокатор», «изменники» и т. д., на что отвечали в свою очередь угрозами по адресу «буржуев», к которым относили всех инакомыслящих, рукоприкладством (т. I, л. 77) и даже выстрелами в воздух (т. II, л. 178—179). Все это, несмотря на призывы к успокоению со стороны представителей Совета Рабочих и Солдатских Депутатов (Скобелева и др.), создавало крайне напряженное общественное настроение. Часов после семи вечера, когда получились сведения о решении Совета запретить всякие манифестации и сборища, но еще до его распубликования, несколько десятков солдат разных воинских частей и юнкеров некоторых училищ, по своей инициативе, вышли без оружия на главные улицы столицы, преимущественно на Невский пр., — в целях воздействовать убеждением на продолжавший нервничать народ и уговорить публику не собираться в большие толпы и отказаться от всяких манифестаций в ту или другую сторону.

Собравшиеся на Невском в значительном числе солдаты и юнкера, взявшись за руки, образовали несколько шеренг-цепей, при помощи которых постепенно вытесняли публику с Невского пр. в боковые улицы, причем не только публика-зрители подчинялись уговорам солдат, но, по их приглашению, и некоторые из групп, манифестировавших в честь Временного Правительства, согласились с нежелательностью разжигать неостывшие партийные страсти, сворачивали свои знамена и расходились добровольно (т. II, лл. 141, 176).

Но после 9 часов вечера со стороны Адмиралтейства на Невском вновь показалось многолюдное шествие рабочих, манифестировавших против Временного Правительства. Впереди, как и в дневных процессиях, шло несколько рядов рабочих, вооруженных огнестрельным оружием (винтовками и револьверами), за ними следовали плакаты с разнообразными надписями: «Долой Временное Правительство», «Вся власть Совету Рабочих и Солдатских Депутатов», «Долой Милюковых и Гучковых», «Война войне», «Мир без аннексий и контрибуций», «Да здравствует Интернационал», «Вооружайся весь рабочий народ», «Да здравствует Ленин» (т. II, лл. 12 об., 22, 24, 112, 129, 131, 185, 183), а за плакатами, несомыми преимущественно женщинами-работницами, снова в порядке, организованными колоннами, двигались взрослые безоружные рабочие, женщины и подростки. По словам очевидцев (т. II, лл. 137, 138 об., 176), вечером в рядах отрядов вооруженной милиции разных заводов наблюдались и лица в солдатской форме, при оружии, чего днем замечено не было, но и вечером эти единичные солдаты терялись в общей массе вооруженных рабочих.

Настроение манифестантов было смешанное: в то время, как часть их проходила сравнительно мирно, с пением революционных песен, и поведение ее угрожающего для окружающих характера пока не имело, другая часть манифестантов была чем-то заметно возбуждена, раздавались взволнованные голоса: «Буржуазия хочет отнять у нас оружие... Товарищи, не позволяйте... Долой буржуазию» и т. п., хотя еще никаких попыток не только отнять что-либо от манифестантов, но даже просто остановить их шествие, никто из окружающих не делал (т. II, лл. 137, 138, 176, 177, 111, 112). Зрители с панелей Невского довольствовались нелестными выкриками по адресу вооруженных демонстрантов: «Ленинцы», «Долой Ленина» — порою с добродушным добавлением: «что, не нравится!» (т. II, л. 137) и получали в ответ: «Долой Милюкова», «Долой буржуев», «Да здравствует Ленин», но этим пока дело и ограничивалось.

Недалеко от перекрестка Садовой ул. и Невского пр. (на углах Гостиный двор, Публичная библиотека, контора «Вечернего вре-

мени» и кинематограф «Мажестик») манифестантов-рабочих встретила цепь безоружных солдат, агитировавших от имени Совета Рабочих и Солдатских Депутатов за прекращение всяких выступлений, и потребовала убрать плакаты и прекратить манифестировать. Распорядители первых колонн рабочих заверили солдат, что они уже кончают демонстрацию и намерены по Садовой и мимо Марсова поля пройти «домой», в свои районы. Тогда солдаты образовали шпалеры, очистив посреди достаточное пространство для свободного пропуска манифестантов с Невского на Садовую ул., и, действительно, голова и центр процессии рабочих стали втягиваться в названную улицу, направляясь мимо Итальянской и Инженерной ул., в сторону Марсова поля и Троицкого моста. Шествие, как и днем, разбилось на отдельные группы манифестантов (по заводам), каждая со своими плакатами и милицией, причем расспросами публики выяснилось, что в демонстрации этой принимали участие некоторые из заводов Васильевского острова, завод «Трубочный», часть Путиловского, Парвиайнен и, наконец, группа «междурайонцев», т. е. сборная из рабочих нескольких заводских коллективов Петрограда (т. II, лл. 2, 135, 137 об., 22, 119, 72 об., 121, 136, 129, 106 об., 140, 176 об.), а также группа рабочих из некоторых пригородов столицы, напр. Колпина (т. II, л. 110).

Уже более двух третей манифестантов успели пройти на Садовую улицу, а авангарды их подходили к Инженерному замку, как вдруг в «хвосте» шествия произошло замешательство: повидимому, одна из замыкавших процессию партий рабочих намеревалась следовать далее прямо по Невскому пр., а солдатская цепь ей препятствовала в этом, настаивая на полном очищении проспекта от вооруженных манифестантов. Началась перебранка, вызвавшая повышенный интерес быстро собравшейся в этом месте между Гостиным двором и Публичной библиотекою разносоставной публики, и вскоре несколько человек из нее (прохожие-солдаты и статские), раздраженные упорством манифестантов, выделились из толпы и силою решили отобрать от рабочих плакат и оружие. Завязалась рукопашная схватка. Кое-кто из интеллигентов попытался вмешаться, чтобы не допустить дела до драки, но сам получил в начавшейся схватке тумаки и побои (т. II, лл. 129, 131). Спорный плакат заколыхался, затрещал, и некоторые из манифестантов бросились за помощью к главному ядру ушедшей на Садовую процессии товарищей. Взволнованные призывы: «Товарищи! Буржуазия наше знамя отнимает... На помощь!.. Отомстим! К оружию!.. Смерть буржуазии!..» огласили воздух, и ближайшие из вооруженных «красногвардейцев» повернули назад и, щелкая на ходу затворами своих винтовок, бросились «на выручку» своих к месту столкновения из-за плаката (т. II, лл. 109—110, 112, 134, 138).

На самом углу Невского, между «Вечерним временем» и кино «Мажестик», бегущему вооруженному отряду преградила было путь новая шеренга безоружных солдат, среди которых находилась и сестра милосердия. Рабочие попытались прорваться через эту цепь к товарищам, но, когда поняли, что им не сломить «солдатской стены», шедший впереди вооруженных человек в черной мягкой шляпе с полями, по виду распорядитель, поднял кверху револьвер и дал выстрел в воздух. Вслед за этим «сигналом» ружья вооруженных рабочих направились на солдат, не пропускавших их на Невский пр., и раздался ружейный залп, причем несколько солдат из цепи были ранены, а один (Гаркуля) убит на месте разрывной пулей (т. II, лл. 4 об., 106). Почти тотчас же загремели ружейные выстрелы, и от угла, близ Публичной библиотеки, куда были оттеснены толпою отставшие от главной процессии вооруженные рабочие из последней партии, и началась беспорядочная стрельба, длившаяся от 7 до 10 минут, в течение которых на Невском пр., на Садовой и даже на Итальянской ул. было сделано несколько десятков выстрелов. Стрельба прекратилась не сразу, как только — по выражению одного из свидетелей — манифестанты, наконец, поняли, что «стреляют в разных местах о н и о д н и» (т. II, л. 177).

Правильность многочисленных показаний свидетелей о том, что и здесь, во время вечернего столкновения, стреляли именно вооруженные манифестанты-рабочие по остановившим их солдатам, находит себе лучшее доказательство в красноречивых результатах стрельбы. Из четырех лиц, убитых огнестрельным оружием, трое — солдаты (Гаркуля, Матулька, Вирейкин) (т. II, лл. 4, 4 об., 8 об.), а четвертый убитый единственный из пострадавших манифестантов, рабочий Павел Селезнев был поражен выстрелом с з а д и, что исключает возможность доверять заявлениям о том, будто бы манифестанты были «встречены выстрелами» своих противников (т. II, лл. 121, 171). Из шести зарегистрированных раненых — четверо (Чистяков, Красильщиков, Бурьянов и Хлебников) — солдаты (т. II, лл. 6 об., 130, 166, 183), а два остальных пострадавших, рабочие Лифлендер и Копосов, по собственным заверениям, к числу манифестантов не принадлежали и были поранены выстрелами случайно, находясь в числе публики на Садовой ул. близ Невского (т. II, лл. 1 об., 29—30).

Ввиду высказывавшихся некоторыми из рабочих-манифестантов подозрений, что по ним стреляли какие-то «провокаторы», то ли из окон «кафе Ампир» на Садовой, то ли из окна гостиницы «Дагмар» на углу Садовой и Итальянской, заявления эти были особо обследованы на предварительном следствии, причем предположения о стрельбе из кафе «Ампир» опровергнуты показаниями нескольких, находив-

шихся поблизости его, свидетелей (т. II, лл. 112, 130 об.). Прямое же и точное указание одним из заявителей определенного окна в третьем этаже гостиницы «Дагмар», из коего якобы производилась провокационная стрельба по манифестантам, было спешно проверено осмотром на месте в присутствии заявителя, причем категорически установлено, что ни из особо указанного им окна гостиницы, ни из соседних окон никакой возможности стрелять вниз на улицу не представлялось, так как осматриваемые окна оказались без форточек, с цельными стеклами и двойными зимними рамами, вставленными, как проверено дополнительно экспертизою на месте, еще за несколько месяцев до 21 апреля (т. II, лл. 24—26, 26 об., 54). Так как, однако, во время того же следственного осмотра комнат и окон гостиницы «Дагмар» было обнаружено, что в некоторые из окон второго и пятого ее этажей во время стрельбы вечером 21 апреля попало несколько пуль со стороны Итальянской улицы, с оставлением характерных следов от выстрелов, произведенных снизу вверх, является допустимым предположить, что при указанном обстреле гостиницы с Итальянской ул. отдельные пули, ударяясь не только в окна, но и в стены фасада гостиницы и отскакивая от последних, могли создать у находившихся на Садовой ул. близ здания гостиницы впечатление, что пули вылетают из самых окон ее.

Несмотря на установление таким образом факта производства выстрелов, а следовательно и ранений, некоторые из коих оказались смертельными как днем, так и вечером 21 апреля 1917 г., именно манифестировавшими против Временного Правительства и «буржуазии» рабочими вышеописанных заводских групп, выяснить личности о т д е л ь н ы х виновников стрельбы, и, в частности, именно тех, которые причинили перечисленным выше пострадавшим смерть и ранения разных степеней, не представилось на следствии возможным: с одной стороны, описываемые события произошли в обоих случаях (днем между Михайловской ул. и площадью Казанского собора, вечером — на углу Садовой и Невского пр.) настолько быстро и неожиданно для большинства пострадавших, что даже сами они, т. е. лица, казалось бы, с наибольшей резкостью воспринявшие виденное, не могли дать никаких точных указаний на личности отдельных поранивших их людей из числа противоправительственных манифестантов, и тем труднее было рассчитывать на получение достаточных сведений от чинов милиции и посторонних очевидцев происходившей 21 числа стрельбы, — а, с другой стороны, надежда следствия, что на следы определенных стрелявших лиц может навести отобранное от некоторых отдельных манифестантов оружие-винтовки, имеющие каждая свой номер, также не оправдалась, так как оказалось, что рабочая милиция

(«Красная гвардия») самостоятельно вооружилась в первые дни революции разнообразным оружием, частью из Петропавловской крепости, частью взятым из других арсеналов, и находящееся у милиционеров различных заводов на руках огнестрельное оружие, по сообщению петроградского общественного градоначальника, учету и регистрации не подлежало (т. I, л. 54).

По вопросу об инициаторах и причинах описанных вооруженных выступлений рабочих масс 21 апреля следствию, ввиду заметного нежелания со стороны допрашивавшихся рабочих распространяться на эту тему, пришлось удовольствоваться несколько отрывочным материалом, полученным от свидетелей из интеллигенции, еще до начала стрельбы интересовавшихся порасспросить рабочих-манифестантов, во имя чего и по чьим директивам они действуют. Полученные этими свидетелями непосредственно от манифестантов объяснения причин их выступления с оружием сводились к следующему.

Одни из манифестантов не скрывали, что идут на соединение с другими группами «для устройства Варфоломеевской ночи: т. е. резать направо и налево, забирать себе банки и капиталы — довольно буржуазничать...» (т. I, л. 95). Такому крайнему пониманию целей вооруженного выступления соответствовал и разъезжавший по Петрограду грузовой мотор с пулеметом и плакатом: «Да сгинет капитализм» и многократные угрозы рабочих по адресу «буржуазии»: «Вот так мы вас, буржуев, всех перестреляем...», «Смерть буржуазии...» (т. I, лл. 1, 8, 35, 13; т. II, л. 112).

Приписывание, ввиду подобных лозунгов, большинством граждан факта открытых выступлений рабочих против правительства, войны, капиталистов и буржуазии пропаганде Ленина и его «штаба» из дома Кшесинской нашло себе при ходе следствия подтверждение в показании одной из свидетельниц, лично наблюдавшей днем 21 апреля раздачу выходившими из дома Кшесинской несколькими лицами («ленинцами») денег собравшейся здесь разношерстной толпе мужчин, женщин, мальчишек, рабочих и «попросту хулиганов», которые за получаемые от «ленинцев» деньги должны были «сорганизоваться» в манифестацию против Милюкова. В течение часа, который свидетельница провела здесь, наблюдая за агитацией «ленинцев», последними была роздана «желающим» манифестировать значительная сумма денег, определяемая свидетельницею в «не одну тысячу рублей», после чего эта толпа, действительно, составила ядро новой противоправительственной демонстрации, двинувшейся на Невский с плакатом: «Долой Временное Правительство», но вскоре рассеянной группою встретившихся ей на Невском юнкеров. Раздачи толпе оружия «ленинцы» при свидетельнице не производили (т. II, лл. 104—105).

В группах же вечерних манифестантов, — как уже было выше указано, — имелись в числе знамен и особые знамена с надписями: «Да здравствует Ленин» (т. II, л. 183).

Наряду с этим, другие из числа манифестантов-рабочих, в ответ на упреки в принадлежности их к «ленинцам» и в «провокации», заявляли: «Мы — не ленинцы» (т. I, л. 66), «ни Ленин, ни провокаторы тут ни причем». Выход рабочих на улицу с оружием произошел по распоряжению партийных организаций в интересах «поддержать с и л о ю позицию Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в споре его с Временным Правительством» (отзыв манифестантов из рабочих с Выборгской стороны) (т. I, л. 102 об.). На возражение одного из свидетей, что Совет своей тактикой достаточно и сам обеспечивает интересы рабочего класса, последовал ответ: «Да там они все разговаривают, а у нас тут р е а л ь н а я с и л а» (т. I, л. 102 об.).

В течение дня 21 апреля в различных пунктах столицы призывавшие народ к выступлению «на улицу» с оружием отдельные ораторы почти так же мотивировали смысл сегодняшнего выступления: один из них, при винтовке, в солдатской форме, ехавший на грузовике по Невскому пр., на вопрос из публики, объявил, что он член Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и действует «по предписанию Исполнительного Комитета» в целях поддержания с и л о ю требований Совета, обращенных к Временному Правительству (т. I, л. 105), другой — на Выборгской стороне, с такого же грузовика призывал окружающих рабочих и солдат вооружаться и итти «свергать Временное Правительство», «бороться с реакцией...» — «не следует поддаваться обманчивым призывам к спокойствию, — кричал он, — все на улицу, защищать рабочие интересы...» (т. II, л. 135 об.); третий — на Петроградской стороне — на импровизованном митинге на одной из улиц, после призыва к выходу «всего населения» на улицы с криком: «Долой Временное Правительство» также назвал себя членом Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, прибавив к этому «из большевиков» (т. II, л. 136 об.).

Были, наконец, в числе партий противоправительственных манифестантов и более миролюбиво настроенные, из рядов которых признавались, что «санкции» Совета Рабочих и Солдатских Депутатов у них на это выступление нет, но что они и не хотят «гражданской войны», а намерены лишь «доказать буржуям, что с нами (рабочими) надо считаться...» Присутствие же при них вооруженных отрядов эти манифестанты объясняли как бы «почетным караулом» при их знаменах, на случай их «защиты» (т. I, л. 28; т. II, л. 129). Такому объяснению противоречит, однако, как значительное число участвовавших в демонстрации членов заводской милиции, так и достаточно характер-

ное, данное этим милиционерам, знакомым с их организацией и целями, свидетелем (сотрудником газеты «Правда») определение «б о е в о й д р у ж и н ы» (т. II, л. 118).

На основании вышеприведенных данных предварительного следствия надлежит прийти к следующим общим выводам из обстоятельств дела:

1) Участвовавшие в уличных демонстрациях днем и вечером 21 апреля партии заводских рабочих были, несомненно, организованы заранее: многочисленные их знамена и плакаты (с печатными надписями и порою художественными рисунками) заготовлены заблаговременно, а сопровождение каждой заводской партии манифестантов против Временного Правительства отрядом хорошо вооруженных рабочих из числа заводской (народной) милиции было явно продумано и планомерно разработано не только в целях охраны знамен или самих манифестирующих, но и на предмет рассчитанного устранения «буржуазии», т. е. всех идейных противников подобных выступлений против Временного Правительства и против продолжения войны.

2) Наоборот, манифестации в честь Временного Правительства и, в частности, та группа манифестантов этих, которая имела днем столкновение с рабочими Выборгского района близ Казанского собора, организованы заранее не были и создались внезапно, сами собою, составившись из самых разнообразных общественных элементов под влиянием единодушного возмущения случайных прохожих Невского пр. появлением вооруженных демонстрантов против Временного Правительства и войны.

3) Хотя среди участников создавшейся наспех манифестации в честь Временного Правительства днем было много военных (солдат, юнкеров и отдельных офицеров), но, являясь, в данном случае, простыми прохожими, частными лицами, военные эти огнестрельного оружия, — в частности ружей, — при себе не имели, и только у некоторых из них было присвоенное офицерам и юнкерам «по форме» холодное оружие (шашка, кортик, штык).

4) Не было никакого оружия и у тех отдельных солдат разных воинских частей, которые к вечеру 21 апреля, основываясь на дошедшем до них постановлении Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, принимали меры к прекращению всяких манифестаций и народных сборищ и к очищению Невского пр. от излишнего количества публики.

5) Как дневную, так и вечернюю стрельбу 21 апреля в районе Невского пр. и Садовой ул. следует отнести к вине рабочих-манифестантов против Временного Правительства, в изобилии снабженных огнестрельным оружием, но смягчающим их вину обстоятельством

должно служить то, что поводами к открытию ими стрельбы как в дневном, так и вечернем столкновениях явились попытки отдельных солдат и лиц из публики отнять и уничтожить некоторые из плакатов рабочих-манифестантов, надписи на которых вызывали возмущение окружающих.

6) Сводя к одному общий характер показаний потерпевших и свидетелей, представляется возможным заключить, что сами по себе надписи-лозунги на плакатах противоправительственных манифестантов вряд ли бы довели противников манифестаций до каких-либо активных выступлений, если бы самое шествие манифестирующих рабочих не сопровождалось целыми отрядами вооруженных людей и угрозами с их стороны расправиться с «буржуазией» оружием, что не могло не разжигать страстей обеих сторон и держать общественное настроение в столь острой степени напряжения, при которой каждое резкое слово, каждый лишний жест должны были неминуемо привести к рукопашной, а при вооружении одной из сторон — и к стрельбе.

7) Получавшиеся при ходе следствия отдельные указания на «провокаторскую» стрельбу по рабочим со стороны какой-либо команды солдат «по приказанию офицера», как равно и на расстрел манифестантов из окон домов (кафе «Ампир», гостиница «Дагмар»), должны быть признаны категорически опровергнутыми всеми данными следствия.

8) Выяснить в точности лиц, руководивших вооруженными выступлениями рабочих, распоряжавшихся открытием стрельбы и, в частности, — отдельных лиц, произведших выстрелы и причинивших потерпевшим ранения и смерть, не представилось возможным по исключительности самой обстановки событий: массовых выступлений, отвлекающих внимание от деталей события, — однако может считаться вполне установленным факт участия в вооруженных демонстрациях и в самой стрельбе многочисленных представителей заводской (рабочей) милиции, объединенных, в сознании посторонних свидетелей, под общим нарицательным названием «Красной гвардии».

Нелишнее отметить в заключение, что к аналогичным выводам пришли в свое время и военные власти, на основании произведенного ими самостоятельного обследования причин и обстановки уличной стрельбы 21 апреля с/г. [1]). Материалы же по делу, собиравшиеся особою следственною комиссиею при Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, остались судебному следователю неизвестными, так как,

[1]) Т. II, лл. 146 и 147, — доклад прап. Чебанова, составленный на основании материалов расследования, произведенного полковн. Тарчевским. Доклад полностью охвачен постановлением Середы, материал расследования тоже и вошел во II том дела целиком.

несмотря на устные (телефоные) и письменные запросы о присылке таковых к следствию, до настоящего времени комиссиею присланы не были, чем и была вызвана задержка в окончательном обсуждении и направлении сего дела, фактически законченного производством еще в начале июня месяца с. г.

Сообразив все изложенное и руководствуясь 277 ст. уст. угол. суд., судебный следователь

п о с т а н о в и л:

настоящее дело за необнаружением лиц виновных представить чрез прокурора Петроградского окружного суда в названный суд на предмет приостановления дела производством [1]).

Судебный следователь по важнейшим делам В. С е р е д а.

---

[1]) Определение окружного суда в составе М. В. Кудрявцева, Н. Н. Баговута и В. В. Каменева состоялось лишь 20 сентября 1917 г. и гласит: «...Сообразив обстоятельства дела и не находя оснований к дальнейшему производству предварительного следствия, окружный суд согласно с заключением прокурора определяет: следствие прекратить за необнаружением виновных...»

Колчак и Финляндия.

Еще осенью 1918 года на территории Финляндии русские монархисты, во главе с Треповым, пытались при содействии немецкого генерала фон-дер-Гольца и финской крупной буржуазии создать «всероссийское правительство», захватить с помощью немецких войск Петроград и начать реставрацию старого режима.

Немцы, безраздельно царствовавшие в то время в Финляндии, всемерно содействовали этим планам, рассчитывая в будущем подчинить себе экономически и политически восстановленную «единую, неделимую Россию», но «треповская затея» — как называет эту авантюру Г. Кирдецов [1]) — не удалась. Бывший царский премьер поехал в Стокгольм и преждевременно выболтал все «стратегические предположения», а немцы, потерпев ряд жестоких поражений на западном фронте и не без нажима со стороны «союзников» [2]), отказались от похода на Петроград.

Осколки организации Трепова впоследствии вошли в «Русский комитет» [3]) Карташева и Юденича, и таким образом была установлена преемственная связь между

---

[1]) Г. Кирдецов, «У ворот Петрограда» (1919—1920). Берлин. 1921 г., стр. 28.

[2]) Известно, что подписанное между союзниками и Германией 11/XI 1918 г. перемирие предусматривало: 1) вывод германских войск из бывших русских областей в сроки по указанию союзников и 2) свободный пропуск союзников к областям, очищенным Германией на востоке, «для охраны населения и поддержания порядка».

[3]) «Русский комитет» был избран на так называемом «выборгском съезде», состоявшемся 14 января 1919 г. «Это не был съезд по выборам с участием всех группировок русского населения в Финляндии, — пишет Кирдецов, — а своего рода «чашка чая» по приглашению. Формально речь шла об избрании общерусского комитета в Финляндии, которому финляндское правительство готово было присвоить права официального представительства и консульские функции. В действительности же инициаторы и участники съезда имели в виду образование чисто политического органа для осуществления предстоящих общерусских задач. Само собой понятно, что в виду изменившейся общемировой обстановки — капитуляции Германии — съезд поспешил выявить свое лицо и в международном отношении; торгово-промышленная группа, взявшая верх, окрасила себя немедленно в антантофильский свет — предстояло, ведь, вести большую политику... Был выбран комитет — любители громких фраз называли его «национальным советом» — во главе с б. министром Временного Правительства А. В. Карташевым. Товарищами его были выбраны кн. Волконский... и, если память мне не изменяет, известный петроградский крупный промышленник, директор резиновой мануфактуры «Треугольник» — Утеман. Комитет подразде-

открытыми сторонниками монархии и якобы «защитниками Учредительного Собрания» [1]). Разница между этими двумя организациями состояла лишь в том, что последней пришлось действовать, ориентируясь на Антанту, хотя отдельные ее члены (например, Волконский), продолжали занимать старую «немецкую позицию».

Особо важной частью в делах «Русского комитета» заведывал Юденич. В его руках было сосредоточено «военное управление», ему же «по обстоятельствам момента была вверена гражданская власть».

Юденич приехал в Гельсингфорс в начале января 1919 г. с уже готовыми планами, инспирированными Англией. В его задачу входила мобилизация разбросанного по Скандинавии и Финляндии реакционного русского офицерства, создание из него кадра будущих формирований добровольческой армии и организация нового противобольшевистского фронта, ближайшей целью которого было занятие северной столицы.

Белое командование, и в частности Колчак, осуществлению этой операции придавали крупнейшее стратегическое и политическое значение. Наступление с северо-запада должно было оттянуть большевистские силы от Колчака и Деникина и тем самым создать возможность беспрепятственного развития готовящегося удара на Советы с юга и востока. Реакционные генералы намеревались комбинированной атакой разорвать заслоны красных войск и создать, путем соединения всех белых армий, сплошное кольцо вокруг Советской Республики. Во всем этом плане особенно важную роль должно было сыграть занятие Петрограда. Падение Петрограда, — как думали генералы, — морально обезоружило бы Советскую власть. И, действительно, оно явилось бы тяжелым ударом не только по российскому, но и по международному пролетариату, ждавшему нашей победы и героически помогавшему нашей борьбе.

лялся на многочисленные подотделы, которые с консульскими функциями, разумеется, ничего общего не имели, оставаясь поэтому на положении учреждений «нелегальных».

Решающая роль принадлежала здесь, несомненно, А. В. Карташеву; она за ним и осталась вплоть до переезда Юденича на южный берег залива (август 1919 г.); кн. Волконский, как бывший товарищ министра внутр. дел царской эпохи, был неудобен. Кроме того за ним числились германофильские грехи. Утеман же, как крупный промышленник, мало что понимал в той «большой политике», которую предстояло делать. Что же касается остальных членов комитета, то это были преимущественно рядовые крупные промышленники, вроде, например, Ф. А. Добрынина, председателя правления страхового общества «Россия», или представители либеральных профессий, как, например, прис. пов. б. член Госуд. Думы Шефтель»... (Op. cit., стр. 37—38.)

[1]) Какое Учредительное Собрание собиралась защищать северо-западная контр-революция, показывает следующий рассказанный сподвижником Юденича Горном. (Василий Горн. «Гражданская война на Северо-Западе России.» Изд. «Гамаюн» Берлин. 1923 г., стр. 30) случай. В только что занятом Пскове происходило чествование местным офицерством приехавших ген. Родзянко (племянник председателя Госуд. Думы) и Хомутова. На чествовании присутствовал председатель Городской думы Ф. Г. Эйшинский. В разговоре с последним Родзянко сказал, что северная армия стремится к Учред. Собранию. Когда Эйшинский, подхватив эту мысль, произнес соответствующий тост, среди присутствующих наступило смятение, а Родзянко поспешил объяснить, что «он имеет ввиду другого рода Учр. Собр., которое будет, собственно, не учредительное в общепринятом смысле, а вместе с тем как бы учредительное».

Не менее велико было бы и политическое значение этого факта. Петроград послужил бы объединяющим центром для всей русской реакции, для всех контр-революционных правительств, разбросанных по окраинам России. В то же время чрезвычайно облегчились бы сношения этих правительств с западно-европейской буржуазией.

Для Антанты падение Петрограда сыграло бы роль громоотвода. Тыл ее волновался. Приведенные ею в Россию войска уже отказывались воевать с большевиками. «Мы отняли у Антанты ее солдат»... «Мы на бесконечное военное и техническое превосходство Антанты ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств» [1]). Внутри антантовского лагеря не было единодушия по вопросу об интервенции. «судя по американским сообщениям, — доносил в Омск колчаковский посол Кудашев 22/I 1919 г., — вопрос об отношении к большевикам оживленно обсуждается на мирной конференции. Выясняются три течения: 1. Активная интервенция против большевиков. Америка высказывается против нее. 2. Прекращение противодействия большевикам и отозвание союзных отрядов. Против этого Франция. 3. Компромисс, т. е. борьба с большевиками путем идейной и материальной помощи местным правительствам, с ними борющимся»...

Что Антанта имела за собой неспокойный тыл, подтверждается рядом свидетельств. Вот что сообщал, между прочим, российский посол в Лондоне Набоков управляющему мин. иностр. дел в Омске 5/II 1919 г. в секретной телеграмме № 61 [2]):

«Вступивший на-днях в управление военным министерством Черчилль сказал мне в доверительной беседе, что военное министерство будет продолжать снабжать всем необходимым английские войска, находящиеся в России, и русские военные силы, ведущие борьбу с большевизмом. «Это снабжение», — сказал он, —«я буду продолжать, пока не получу категорического приказания прекратить. Такое приказание еще не последовало и находится в зависимости от решения общего вопроса о политике Парижской конференции по отношению к России». Не берусь судить о том, как повернется дело в Париже. Здесь же, по моему мнению, решающее значение будет иметь позиция, которую займет новый парламент, а также развитие, которое примет начавшееся в Англии стачечное движение, несомненно, инспирируемое большевистскими агентами. Правительство стоит перед дилеммой: или активно вмешаться и тем поддержать организацию тред-юнионов — главную опору системы соотношения между трудом и капиталом, — или предоставить стачечное движение бесконтрольному развитию, что грозит неминуемо весьма серьезными осложнениями. (Разрядка наша. *Н. Н.*). В настоящий момент нельзя поэтому рассчитывать на сколько-нибудь внимательное, вдумчивое и плодотворное волеизъявление общественного мнения в Англии по отношению к русскому вопросу».

Насколько сильно было противодействие рабочих интервенции, показывает публикуемая ниже телеграмма Набокова от 1/VII 1919 г., в которой сообщается, что «Черчилль

[1]) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVI, ст. изд., стр. 406.
[2]) АОР, ф. 200, д. № 8.

просит предупредить о неизбежности, вследствие настроения рабочих, постепенного отзыва их войск со всех фронтов»...

На 21-е июля 1919 года готовилась международная стачка рабочих Франции, Англии и Италии с лозунгами — прекратить всякое вмешательство в дела России и заключить честный мир с Советской Республикой. Вожди II Интернационала давлением рабочих низов вынуждены были декларировать эту стачку, но они же в самый решительный момент и провалили ее. Стачка была сорвана, хотя все же состоялись разрозненные выступления рабочих.

Сподвижник Юденича Горн, называющий себя социал-демократом-плехановцем, рассказывает, что корабли с пушками и снаряжением шли из английских гаваней «в неизвестном направлении», в противном случае рабочие отказывались их грузить. «А в тех случаях, когда, казалось, эту бдительность удавалось обмануть, грузчики все-таки умудрялись тайно отвинтить у части пушек замки» [1]).

Но не только рабочие и солдаты были отняты у Антанты. Советская Россия постепенно отвоевывала у нее и мелкую буржуазию, «образованное мещанство» (Ленин), интеллигенцию.

Накаленная атмосфера тыла и противоречия внутри империалистического лагеря парализовали усилия Антанты в ее борьбе против большевиков. Это заставило ее обратить сугубое внимание на вовлечение в войну против большевиков тех маленьких государств (Финляндии, Эстляндии, Польши и др.), которые только недавно получили возможность объявить себя независимыми.

Но и в этой попытке столкнулись непримиримые противоречия между Англией и Францией, между Америкой и Японией и др. Англия хотела видеть раздробленную, обессиленную Россию, не могущую в будущем пошатнуть ее господствующего влияния в Азии (Афганистан, Персия). Франция, наоборот, содействовала восстановлению «единой, неделимой России», как силы, на которую можно было бы опереться в будущей войне, как гарантии против возможного реванша со стороны Германии. Отсюда политическая установка Англии на признание независимости этих государств и осторожность в этом вопросе Франции.

Организация Юденича могла надлежащим образом развернуть свои силы, только опираясь на Финляндию и Эстляндию, только при активной помощи с их стороны и при участии их войск, ибо у белого движения на северо-западе в то время существовал лишь «висящий в воздухе штаб» (телеграмма Гулькевича в Омск) и планы будущего наступления на Петроград, но не было «ни средств, ни базы, ни людей», ни даже «определенной надежды получить все это» (см. ниже письмо адм. Пилкина).

Между тем к прибывшему в Гельсингфорс Юденичу финны отнеслись недоверчиво, ибо, по старой привычке, Юденич и группировавшиеся вокруг него военные и штатские реакционеры продолжали смотреть на Финляндию, как на царскую провинцию, а на финский народ, как на «тупую и близорукую чухну».

«Юденич..., — пишет Горн, — совершенно игнорировал финляндских государственных и общественных деятелей. Маннергейм, являвшийся тогда главой Финлян-

[1]) Op. cit., стр. 199.

дии и желавший всячески помочь ген. Юденичу в организации противобольшевистской борьбы, тщетно ждал к себе для переговоров этого генерала. Несмотря на все уговоры и доводы, Юденич твердо стоял на своем: «Маннергейм лишь генерал-майор русской службы, а он — Юденич генерал-от- инфантерии и что не он к Маннергейму, а Маннергейм к нему должен придти для переговоров...» [1]).

С Финляндией, — полагал Юденич, — можно не считаться, стоит на нее «нажать», «приказать» ей, и она «не посмеет» отказать в помощи своим старым, а, может быть, и будущим хозяевам.

Конечно, успех дела вовсе не зависел от того, что Юденич поклонится или не поклонится Маннергейму. Ведь поклонился же ему позже — и не Юденич, — а сам Колчак, прося помощи против большевиков. Известно, что это не помогло. Маннергейм, на которого давило «общественное мнение», как это видно из ряда публикуемых ниже документов, не посмел активно вмешаться в «русские дела».

Дело обстояло гораздо сложнее, чем это себе представляло белое командование и окружавшие его политические деятели. В конце концов даже «всесильная» Антанта не могла заставить финскую буржуазию активно помогать Юденичу, ибо у последней не было никаких гарантий, что русские монархисты в будущем не повернут против нее.

Финляндцы еще очень хорошо помнили Бобриковых и Зейнов. В их ушах еще звучали слова Керенского, выступавшего в Гельсингфорсе на митинге солдат и матросов, когда глава «самого демократического правительства в мире» призывал Финляндию не делать «поспешных и необдуманных шагов», намекая на недопустимость ее отделения от России.

Тем более у них не было оснований доверять белому движению, программа которого возбуждала законные опасения относительно будущей самостоятельности лимитрофов.

С другой стороны, политическая и экономическая самостоятельность Финляндии уже давно (в декабре 1917 г.) была признана Советской Республикой. Глава буржуазного финляндского правительства Свинхвуд сам явился в Смольный и из рук В. И. Ленина получил декрет о независимости своей страны.

«Тогда это казалось простым жестом, — говорил В. И. Ленин уже в 1920 году на первом Всероссийском съезде трудовых казаков. — Думали, что восстание рабочих Финляндии заставит забыть это. Нет, такие вещи не забываются, когда их подтверждает вся политика определенной партии» [2]). Финская буржуазия однако колебалась.

«Влияние немецкое и союзников, — писал Пилкин, — страх перед будущей Россией и перед большевиками все это делало политику Финляндии неустойчивой».

Боязнь потерять свою «новорожденную независимость» заставляла Финляндию обеспечить себя со всех сторон, и поэтому она ребром ставила вопрос о своей независимости и перед союзниками и перед Колчаком. Она готова была помогать Юденичу, но в обмен за полную (санкционированную союзниками) гарантию своей политической и экономической самостоятельности в будущем.

---

[1]) Op. cit., стр. 79.

[2]) В. И. Ленин. Собр. соч., т. 25, стр. 54.

«Наше общество имеет право требовать в этом отношении вполне точных сведений от русских, — писала в феврале 1919 г. газета «Hurudstadsblades» в статье: «Русские добровольческие отряды в Финляндии», — подготовляющих... выступление против большевиков и восстановление порядка в России. Действительно ли входит в программу русского освободительного движения восстановление русской опеки над Финляндией, или эти круги готовы безусловно признать право Финляндии на полную самостоятельность? От ответа на этот вопрос всецело будет зависеть отношение к ним и к их предприятиям нашего народа».

В первом случае, — продолжает газета, — финский народ будет смотреть на «лиц, работающих для восстановления России, как на своих врагов, а на их стремления, как на явно вредные для нашей страны»... «При таких условиях наши интересы, очевидно, предписывают не только не поддерживать образования русских боевых отрядов на нашей территории, но, наоборот, совершенно закрыть нашу страну для всяких мер, которые имеют целью содействовать предприятию адмирала Колчака. В этом отношении наше положение и обусловленное им общественное мнение столь ясны, что правительство не может не обратить внимания на него и должно сообразовать с ним свой образ действий»...

Вопрос о независимости Финляндии стал предметом обширной переписки (часть которой и приводится ниже) между Колчаком, Юденичем и заграничным представительством «Российского Правительства».

Прожженные дипломаты, Сазонов в первую очередь, придумывали всевозможные извороты, чтобы втянуть Финляндию в войну против Советов, заставить ее пойти на уступки и сделать решительные шаги в борьбе против большевиков.

Колчак действовал прямее. Вся его политика по отношению к Финляндии определялась необходимостью «дать Юденичу возможность создать военную силу» и подготовить наступление на Петроград, но только не ценою признания независимости. Он категорически заявил, что никто не правомочен решать вопроса, который подлежит рассмотрению будущего «Национального» или «Народного собрания», и твердо стоял на позиции непризнания даже и тогда, когда это могло сыграть решающую роль в борьбе на петроградском фронте. Свою позицию Колчак защищал с классическим упорством и прямотой, хотя ссылка на «Национальное собрание», несомненно, была увертkой. Победившая «единая, неделимая Россия» никогда бы не допустила политической независимости Финляндии.

Министерство иностранных дел Колчака давно догадывалось, что вопрос о самостоятельности национальных окраин России станет предметом серьезного обсуждения на предстоящей международной конференции, и готовилось дать бой.

В деле № 4 1-го полит. отдела мин. иностр. дел Колчака сохранился «протокол заседания особого подготовительного к мирным переговорам совещания» от 9 января 1919 г. На заседании, происходившем под председательством тов. мин. иностр. дел Жуковского, обсуждался вопрос «о самоопределении народностей». Центром внимания была теория «международного и внутригосударственного самоопределения». В прениях по докладу В. И. Язвицкого выступил «особо приглашенный» В. А. Виноградов, кото-

рый и указал, что «Украина, Грузия, Финляндия и т. д. пошлют своих ходатаев на мирную конференцию, и вопрос о самоопределении непременно встанет перед нашими представителями. Поэтому нам необходимо обсудить способ защиты от этих притязаний»... Причем же тут «Национальное собрание», когда заранее были выработаны меры противодействия притязаниям этих государств?

Однако положение было таково, что требовало некоторых уступок. «Хотя,—писал еще в марте Сазонов,— Финляндия не имеет права односторонним актом порвать свою связь с Россией, тем не менее полагаю, что при нынешних обстоятельствах нам следует пока считаться с создавшимся положением, противодействовать которому мы бессильны. (Разрядка наша. *Н. Н.*). Поэтому в виду крайней необходимости дать Юденичу возможность подготовить наступление на Петроград, нам нужно воздержаться теперь от споров с Финляндией»... В ряде других телеграмм Сазонов предлагает сделать финляндскому правительству ряд обещаний, которые бы ни к чему не обязывали «Российское Правительство» и вместе с тем возбуждали бы у финнов надежды на будущее благоприятное разрешение вопроса о независимости.

Политическая недобросовестность всех заявлений Колчака и его министра Сазонова однака слишком била в глаза, и Финляндия, как ни хотела этого ее буржуазия и как ни давила на нее Антанта, в решающие минуты, когда Юденич был уже под Петроградом и когда достаточно было лишь слабого нажима с северной стороны Финского залива, оказалась пассивной. Она заняла позицию, близкую к нейтралитету.

«Маленькие народы, — говорил В. И. Ленин в своем докладе на VII Съезде Советов в декабре 1919 года, — не только рабочие и крестьяне, но даже порядочная часть буржуазии, раздавившая рабочий класс, в конце концов, не пошли против нас»... «Маленькие страны поступили так, как хотели мы, не потому, что буржуазии... финляндской, литовской, латышской доставляло удовольствие вести свою политику ради прекрасных глаз большевиков, — это, конечно, чепуха, — а потому, что мы были правы в определении всемирно-исторических сил, что либо зверский капитал победит и, будь какая угодно демократическая республика, он будет душить все малые народы мира, либо диктатура пролетариата, — и только в этом надежда всех трудящихся и всех малых, забитых народов. Оказалось, что мы были правы не только в теории, но и в практике мировой политики. Когда у нас завязалась эта тяжба из-за войск Финляндии, Эстляндии, мы эту тяжбу выиграли, когда они могли задавить нас ничтожными силами» [1]), и второй этап международного вмешательства оказался второй всемирно-исторической победой Советской Республики.

Приводимые ниже документы извлечены из материалов 1-го политического отдела министерства иностранных дел т. н. «Российского Правительства» Колчака (АОР, ф. 200, инв. № 3410, д. № 14 «О правительствах и военных действиях на северо-западе России»). Они не исчерпывают всего содержания этого дела и освещают главным образом одну только сторону северо-западного контр-революционного движения, а именно, вопрос

---

[1]) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVI, ст. изд., стр. 409—410.

о Финляндии в связи с ее позицией в отношении к этому движению и позицией Колчака в вопросе об ее независимости.

Мы опускаем сохранившиеся в этом деле материалы, относящиеся непосредственно к Эстляндии, к оперативным действиям на ее территории русского северного корпуса, переименованного в мае в Северо-Западную армию, к образованию Северо-Западного правительства и т. п. Материалы эти имеют самостоятельное значение, ибо вопрос о Финляндии, по крайней мере, в хронологических рамках нашей публикации (январь-август 1919 г.), разрешался в значительной степени изолированно от вопроса об Эстляндии.

Публикуемые документы заканчиваются соглашением Юденича с Маннергеймом, в основу которого было положено безусловное признание независимости Финляндии. Этим завершается первый этап дипломатической игры северо-западной контр-революции с сильнейшим в то время из прибалтийских государств. Доведенный до отчаяния неудачами на фронте (только что было отбито первое, майское, наступление на Петроград, которым, впрочем, Юденич не руководил и к которому он имел только косвенное отношение , плачевным состоянием армии, отсутствием финансовых средств, упорством, с которым Финляндия отстаивала свои права, и т. д., Юденич, вопреки директивам «из центра», через голову Колчака решился на последний шаг.

Некоторые из публикуемых документов были напечатаны в сборнике, составленном И. Субботовским: «Союзники, русские реакционеры и интервенция». Мы не сочли возможным исключить их из нашей публикации, так как И. Субботовский использовал их почти все в купюрах, причем часто неправильно датировал их и частично исказил текст и нумерацию телеграмм.

Заголовки почти ко всем публикуемым документам даны редакцией.

Н. Нелидов.

Секретная телеграмма советника посольства в Стокгольме Бера на имя вр. управляющего мин. ин. дел Вологодского [1] от 25 января 1919 г. № 15 [2].

По просьбе генерала Юденича, прошу передать его сообщение адмиралу Колчаку:

«С падением Германии открылась возможность образования нового фронта для действий против большевиков, базируясь на Финляндию и Балтийские губернии; удобство сообщения с Entente, краткость расстояния до Петербурга и Москвы, двух очагов большевизма, при

---

[1]) На П. В. Вологодского — председателя совета мин. пр-ва Колчака, указом последнего от 17/I 1919 г. было возложено исполнение обязанностей вр. упр. мин. ин. дел. Позже (с конца февраля) эту должность занимал тов. мин. ин. дел И. И. Сукин.

[2]) На подлиннике пометы: «Получена 29/I 1919 г.» и «Вх. № 125. 30/I».

хорошо развитой сети путей сообщения, составляют выгоды этого направления. Около меня объединились все партии: кадеты и правее программы (1 гр.) [1]) вашей, изложенной в телеграмме № 334 [2]); представители торгово-промышленного класса, находящиеся в Финляндии, обещали финансовую поддержку. Реальная сила, которой я располагаю в настоящее время: северный корпус 3 тысячи человек, дерется с большевиками в Эстляндии и 3 (1 гр.) [1]) находящихся в Финляндии и Скандинавии. Это кадры будущих формирований добровольческой армии. Я рассчитываю также и на некоторое число — до 30 тысяч военнопленных офицеров и солдат, пригодных для армии по нравственному и физическому состоянию. Без помощи Entente обойтись нельзя, и в этом смысле я вел переговоры с союзниками, но положительного ответа не имею. Необходимо воздействие союзников на Финляндию, дабы не препятствовала нашим начинаниям и вновь открыла границу для наших беженцев, главным образом, офицеров. То же в отношении к Эстляндии и Латвии. Необходима помощь в достаточном количестве вооружением, снаряжением, техническими средствами, — особенно танки, аэропланы, финансовая, продовольствием, — не только на армию, но и на Петербург и его губернию на время, пока не пробьемся на соединение с вами, после чего рассчитываем на продовольствие из Сибири. Не обеспечив продовольствием, занимать Петрограда нельзя, город буквально вымирает от голода. Вооруженной силы Entente не требуется, достаточно флота, обеспечения портов, но если таковая будет, то это упростит и ускорит решение. Благоволите поддержать мое ходатайство перед Entente. Ответ прошу направить через нашего агента в Стокгольме. — Прибавка Кандаурова к моей телеграмме № 6: Вашу телеграмму 334—18 года военным агентам передал Юденичу для ориентировки военных, объединяющихся вокруг него. Гельсингфорс. 21 января. № 65. Юденич».

Бер.

Телеграмма Вологодского в российское посольство в Париже от 2 февраля 1919 г. № 92 [3]).

Генерал Юденич сообщил по телеграфу верховному правителю, что он приступил к формированию военных сил для борьбы с большевиками, базируясь на Финляндию и балтийские губернии. Предста-

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) В телегр. № 334 было сообщено об образовании правительства Колчака.

[3]) На подлиннике помета: «2/II», т. е., очевидно дата отправления.

вители торгово-промышленного класса, находящиеся в Финляндии, обещали финансовую поддержку.

Направления, по которым действуют войска, представляют следующие выгоды: удобство сообщения с союзниками, краткость расстояния до Петрограда и Москвы и хорошие пути сообщения. Генерал Юденич надеется на пополнение своего отряда военнопленными офицерами и солдатами, однако сообщает, что без помощи союзников обойтись нельзя. Об этом он уже вел переговоры с союзниками, но ответа не получил. Юденич указывает на следующие виды помощи союзников. Необходимо давление их на Финляндию, дабы она не препятствовала его начинаниям и открыла границу для беженцев, главным образом, офицеров. То же в отношении Эстляндии и Литвы. Необходима помощь вооружением, снаряжением, техническими средствами, — особенно танки, аэропланы, финансовая, продовольствием, — не только на армию, но и на Петроград, который, не обеспечив продовольствием, брать нельзя. Вооруженной силы союзников не нужно, достаточно флота, обеспечения портов.

Генерал просил верховного правителя оказать ему содействие.

Сообщая о сем, прошу вас войти в сношение с французским и английским правительствами и поддержать ходатайство генерала Юденича о помощи.

Желательно также отметить выгодную для нас сторону обращения Юденича, которое в глазах союзников должно служить доказательством объединения всех противобольшевистских движений.

Со своей стороны мы переводим ему пока некоторую сумму денег на наиболее срочные расходы.

Вологодский.

Секретная телеграмма адмирала Колчака поверенному в делах в Стокгольме от 2 февраля 1919 г. № 90 [1]).

Ваша телеграмма № 15 получена.

Верховный правитель просит вас передать генералу Юденичу нижеследующую телеграмму: «Горячо приветствую ваше дело, видя в нем новый решительный шаг к освобождению нашей родины. Крайне желательно установить тесную связь и общность действий. С радостью усматриваю, что все национальные усилия в разных частях России идут к быстрому объединению. Шлю вам пожелания успеха. Со своей стороны настойчиво поддерживаю перед союзниками необходимость оказать вам энергичную помощь в смысле вашей телеграммы.

[1]) На подлиннике помета: «2/II».

Немедленно перевожу в ваше распоряжение один миллион рублей на наиболее срочные нужды. Деньги переводятся министерством финансов через военного агента в Стокгольме.

Адмирал Колчак.

Секретная телеграмма посла в Лондоне Набокова на имя вр. управляющего мин. ин. дел от 14 февраля 1919 г. № 89 [1]).

Профессор Петр Струве, прибывший на-днях из Финляндии по пути в Париж, обратился ко мне в качестве официального уполномоченного существующей в Гельсингфорсе организации, возглавляемой генералом Юденичем и А. В. Карташевым, с официальным письмом, в котором заявляется, что там образовался под председательством Карташева «Русский комитет», утвержденный финляндским правительством.

Включая различные по взглядам и социальному положению элементы, он имеет целью попечение о бежавших от большевиков русских. Комитет работает в полном согласии с финляндским правительством и под его контролем. Весьма влиятельную роль в нем играют представители торговли и промышленности, преимущественно петроградской, которых взоры, конечно, обращены на Петроград. Рядом с «Русским комитетом» в Финляндии образовался более тесный политический кружок, стремящийся в согласии с другими государственными силами России — и прежде всего в согласии с адмиралом Колчаком и генералом Деникиным — содействовать освобождению России, особенно Петрограда, от большевиков. Согласно своей основной военно-политической задаче, кружок признал своим руководителем генерала Юденича, затем наиболее влиятельной фигурой в нем является Карташев. Обе эти организации, теснейшим образом связанные между собою, уполномочили его, Струве, через Парижское совещание [2]) и через законных российских дипломатических представителей просить союзные правительства, во-первых, оказать скорейшую про-

---

[1]) На подлиннике пометы: «Пол. 18/II 1919 г.» — «25/II. Исп. исх. 107—169».

[2]) В состав «Парижского совещания» (или иначе «Политического совещания» в Париже) входили: кн. Г. Е. Львов; посол в Париже В. А. Маклаков; С. Д. Сазонов; глава Северного (Архангельского) пр-ва Н. В. Чайковский; Б. В. Савинков; эс-эр Иванов; Третьяков, Коновалов, П. Б. Струве и др., 5-го июля 1919 г. «совещание» самораспустилось. «В области дипломатического представительства остались только полномочная «четверка» [Чайковский, Сазонов, Львов и Маклаков] и представители нашей дипломатии, формации старого режима и Временного Правительства, которыми руководил С. Д. Сазонов». (Соколов. «Правление генерала Деникина». София. 1921 г. и Кирдецов. Op. cit.).

довольственную помощь русскому населению, спасающемуся в Финляндии, и тем облегчить бремя, ложащееся на последнюю, и во-вторых, оказать русским организациям в Финляндии, находящимся под руководством Юденича и Карташева, содействие в накоплении продовольствия для Петрограда, без чего освобождение его от большевиков не может быть прочным.

При этом Струве отмечает, что, во-первых, Юденич в качестве руководителя указанной организации формально сообщил Колчаку, что признает его как верховного правителя и ставит себя в его распоряжение, во-вторых, что русские деятели, группирующиеся вокруг Юденича и Карташева, без оговорок стали на почву лояльного признания независимости Финляндии и, в-третьих, что он, Струве, ранее [1]) членом обоих организаций в Финляндии.

В заключение Струве высказывает убеждение, что вопрос о продовольствии Петрограда должен и может быть разрешен в связи с существованием в Финляндии указанных русских беспартийных организаций. Содержание этого письма сообщено мною английскому правительству. Полагаю, что, по заслушании сообщения Струве, Парижское совещание согласится с его основными положениями. Ввиду того, что мирная конференция, несомненно, будет настаивать на независимости Финляндии, считаю, что настал момент России принять инициативу.

После минувшей войны, в самый день заключения мира, я был свидетелем того, как японцы просили нас о назначении посла. Императорское правительство отклонило этот шаг, знаменовавший признание Японии великой державой, и нам поэтому пришлось итти за другими державами. Не раз повторяли эту ошибку и откладывали неизбежное. Струве утверждает — а отзыв его для меня достаточно компетентен — что теперешнее правительство Финляндии для нас наиболее благоприятно [2]). Личные мои сношения со здешними финляндскими представителями устанавливают, что они крайне дорожат признанием нами их новорожденной независимости, и что было бы близоруко не использовать этого настроения.

Думаю, что следовало бы адмиралу Колчаку и генералу Деникину войти через Парижское совещание в непосредственный контакт с Юденичем и Карташевым и прислать им официальных представителей России в Финляндии.

Набоков.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На подлиннике против этого места резолюция Колчака: «Правительство не считает себя в праве при настоящих условиях решить этот вопрос, отложив его до Национального собрания, но оно считает необходимым поддерживать с Финляндией самые дружественные отношения. А. К.».

Секретная телеграмма посла в Лондоне Набокова на имя вр. управляющего мин. ин. дел от 17 февраля 1919 г. № [1]).

Английское министерство иностранных дел сообщило мне следующую телеграмму от своего представителя в Гельсингфорсе, переданную сюда по просьбе А. Карташева:

«Русский комитет в Финляндии, признанный финляндским правительством, переустроен и пополнен новыми членами — представителями торговли, промышленности, интеллигенции, финансов и рабочих [2]). Товарищами председателя избраны Э. Грувикдос [?] и князь Волконский. Первой задачей комитет ставит: оказание помощи русским беженцам, бегущим от большевистского террора, прокормление их и оказание им юридической помощи. Комитет намерен действовать в тесном единении с русскими организациями, имеющими целью восстановление законного порядка в России, а также считает нужным оказать помощь всем организациям, политическим и военным, подчиняющимся признанному союзниками высшему русскому командованию. Военные власти считают, что для содержания войск, достаточных для занятия Петрограда, потребуется 100 миллионов рублей, для снабжения же столицы на первые два месяца после оккупации потребуется еще 200 миллионов рублей. Первоначальные расходы по набору войск и поддержке беженцев взяло на себя представительство русской промышленности и финансов. Все имеющиеся у них средства истощены этими расходами, и политическая и военная организации Русского комитета помощи и Совет русской промышленности просят, для исполнения указанной задачи, кредита, а также специального кредита в размере 5 000 000 финских марок для продолжения помощи русским беженцам».

Эта телеграмма, дополняющая предыдущие и ближайшим образом выясняющая широкие задачи русских организаций в Финляндии, должна служить для вас убедительным доказательством того, насколько важно и настоятельно необходимо немедленно поставить эти русские организации в наивыгоднейшее положение. Необходимой предпосылкой является, по моему мнению, урегулирование отношений с финляндским правительством. Убедительно прошу вас проникнуться сознанием, что независимость последней есть совершившийся факт. Державы Согласия рано или поздно признают ее, и нет никаких оснований думать, что они серьезно будут считаться с тем или иным отношением к этому русского правительства, которого они сами не решаются еще признать.

Набоков.

---

[1]) Номер телеграммы в подлиннике отсутствует. На подлиннике пометы: «А. К[олчак]». «Получена 20/II 1919 г.».

[2]) Кем были посланы в «Русский комитет» «представители рабочих» и кто персонально — установить не удалось.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова [1]) на имя вр. управляющего мин. ин. дел от 24 февраля 1919 г. № 337 [2]).

Для адмирала Колчака.

Предположение создать в Финляндии под руководством Юденича военную силу для борьбы с большевиками выдвигает вопрос о нашем отношении к домогательствам финляндцев, которые склонны оказать поддержку Юденичу при условии предварительного выяснения указанного вопроса. По моему мнению, никто в настоящее время не правомочен дать какие-либо заверения в смысле признания независимости Финляндии, так как право это принадлежит исключительно будущему Русскому народному собранию. Хотя Финляндия не имеет права односторонним актом порвать свою связь с Россией, тем не менее полагаю, что при нынешних обстоятельствах нам следует пока считаться с создавшимся положением, противодействовать которому мы бессильны. Поэтому, ввиду крайней необходимости дать Юденичу возможность подготовить наступление на Петроград, нам нужно воздержаться теперь от споров с Финляндией. Я желал бы знать, разделяете ли вы это мнение.

Сазонов.

Телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина в Париж на имя министра ин. дел Сазонова от 26 февраля 1919 г. № 51—143.

Правительство интересуется теми мерами, которые вы считали бы своевременным предпринять в связи с решением союзников признать независимость Финляндии. С другой стороны, соображения генерала Юденича и отзыв Струве как будто указывают на желательность наладить дружественное сотрудничество с финляндским правительством. Ожидаем вашего отзыва для представления этого вопроса на обсуждение совета министров.

Сукин.

Копия секретной телеграммы посла в Париже на имя министра иностранных дел от 3 марта 1919 г. № 387 [3]).

Адмиралу Колчаку. Ваш № 51/143 получена.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 337. Как я уже высказался в означенной телеграмме, настоятельная необходимость Юденичу под-

---

[1]) Указом Колчака от 17 янв. 1919 г. управляющий отделом внешней политики в Особом совещании при Добров. армии ген. Деникина С. Д. Сазонов был назначен министром ин. дел Российского правительства.

[2]) На подлиннике помета: «Получена 27/II 19 г.» и резолюция Колчака: «Ответ в согласии с мнением Сазонова. А. К.».

[3]) Заголовок подлинника. На подлиннике резолюция: «Я не считаю кого-либо правомочным высказаться по вопросу о признании финляндской независи-

готовить с помощью Финляндии наступление на Петроград, — что невозможно без содействия финляндцев, — заставляет нас считаться с намерением последних использовать создавшееся положение для получения от нас признания их независимости. Я настаиваю на неправомочности кого бы то ни было, кроме будущего Всероссийского народного собрания, высказаться по этому предмету. Тем не менее, в виду опасности погубить начатое Юденичем дело, думаю, что нам следует изыскать средства хотя бы отчасти удовлетворить финляндцев.

По имеющимся здесь данным это, может быть, могло бы быть достигнуто заявлением, что мы не возражаем против предоставления Финляндии самостоятельности при условии обеспечения стратегических интересов России и защиты Петербурга.

Мы смогли бы даже дополнить это обещанием в свое время поддержать таковое разрешение вопроса перед будущим Русским народным собранием. Чайковский, со своей стороны, согласен на таковое заявление.

Благоволите известить нас по телеграфу срочно, согласны ли вы уполномочить в случае надобности сделать подобное заявление от вашего имени.

Сазонов.

Телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина в Париж на имя министра ин. дел Сазонова от 7 марта 1919 г. № 103—165 [1]).

Ознакомившись с вашей телеграммой по вопросу об отношении к Финляндии, верховный правитель и совет министров вполне согласились с вашим мнением. Признавая, что разрешение вопроса о независимости Финляндии принадлежит только Национальному собранию, правительство считает вместе с тем крайне желательным установление с Финляндией дружественных отношений, дабы тем предоставить Юденичу возможность создать военную силу. В этих видах правительство просит вас всемерно содействовать установлению с Финляндией тесных взаимоотношений, дав понять финляндскому правительству, что наше признание независимости Финляндии невозможно именно в силу указанных выше причин.

Сукин.

мости до Всероссийского национального или Народного собрания, а потому не могу уполномочить вас сделать какие-либо заявления по этому предмету от моего имени. Адмирал Колчак. 8. III. 1919». Эта резолюция Колчака была передана Сазонову телеграммой Сукина 11 марта 1919 г. за № 160—191.

[1]) На подлиннике пометы: «4/III» «Зашифровала Е. Трубникова и А. Марсов. 6/III» «Исп, 7/III».

Телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина на имя посла в Лондоне Набокова от 7 марта 1919 г. № 102—164 [1]).

Ваш номер 89 получен. По вопросу об отношении к Финляндии Сазонов телеграфирует: «Предположение создать в Финляндии под руководством Юденича военную силу для борьбы с большевиками выдвигает вопрос о нашем отношении к домогательствам финляндцев, которые склонны оказать поддержку Юденичу при условии предварительного выяснения указанного вопроса. По моему мнению, никто в настоящее время не правомочен дать какие-либо заверения в смысле признания независимости Финляндии, так как право это принадлежит исключительно будущему Русскому народному собранию. Хотя Финляндия не имеет права односторонним актом порвать связь с Россией, тем не менее полагаю, что при нынешних обстоятельствах нам следует пока считаться с создавшимся положением, противодействовать которому мы бессильны. Поэтому в виду крайней необходимости дать Юденичу возможность подготовить наступление на Петроград, нам нужно воздержаться теперь от споров с Финляндией. Я желал бы знать, разделяете ли вы это мнение». Вполне согласившись с изложенным мнением Сазонова, правительство просило его всемерно содействовать установлению дружественных отношений с Финляндией и дать понять финляндскому правительству, что признание нами независимости Финляндии должно быть отложено до созыва будущего Национального собрания.

С у к и н.

Секретная телеграмма на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина посла в Лондоне Набокова от 11 марта 1919 г. № 139 [2]).

По финляндскому вопросу.

Моя точка зрения не вполне согласна с отзывом Сазонова по поводу вашей просьбы, обращенной к нему, содействовать установлению дружественных отношений с Финляндией, дать понять, что наше признание независимости должно быть отложено до Национального собрания. Полагаю, что одно другое исключает, ибо финляндское правительство никогда не признает никакого решения русского Национального собрания, не санкционирующего независимость, а наш отказ поставит признание независимости в основу наших отношений, породит и уже порождает трения. Нам следует иметь в виду, что державы Согласия, мирная конференция [3]), Лига Наций — все эти решающие

[1]) На подлиннике помета: «Исп. 7/III».

[2]) На подлиннике пометы: «Получена 14/III 1919 г.» и «Вх. 297. 16/III».

[3]) Мирная конференция была созвана для решения ряда вопросов в связи с окончанием империалистической войны и для выработки условий

инстанции, несомненно, станут на точку зрения независимости и что непринятие нами инициативы поколеблет наше положение. Посему мне представлялось бы правильным избрать другой путь, а именно: вступить ныне от имени объединенных правительств в переговоры с Маннергеймом на основе независимости, развития и ограждения наших военно-морских и экономических интересов и результаты этих предварительных переговоров сообщить как свободное соглашение между Россией и Финляндией на санкцию мирной конференции. Это — мое определенное мнение, основанное на показаниях компетентных свидетелей положения в Финляндии. Но я, разумеется, не считаю себя вправе итти далее выражения своих убеждений.

Набоков.

Копия телеграммы, полученной от военно-морского агента в Христиании через Лондон [1]).

В этой и последующих телеграммах сообщаю о положении в Финляндии в связи с организацией Юденича и продовольствием Петрограда. Первое. Для защиты частных русских интересов в Финляндии образовался Русский комитет. В последнее время сосредоточилось при нем и организовалось военное управление. Председателем комитета является бывший министр исповеданий Карташев. В комитет входят: крупные промышленники: Грубе, Лианозов, Манташев и другие, составившие финансово-экономическую секцию, бывший товарищ председателя Государственной Думы князь Волконский, Буксгевден и др., ведающие чисто административною частью. Военное управление сосредоточено в лице старшего военного начальника, генерала Юденича, которому комитет, по обстоятельствам момента, вверил гражданскую власть. Эта организация состоит в неофициальных сношениях с финляндским правительством. Начальник штаба Юденича — генерал Горбатовский. Представитель флота — «старший морской начальник» контр-адмирал Пилкин, всецело подчиненный Юденичу. Штаб занимается регистрацией военно-обязанных, формированием из них боевых единиц, разработкой плана движения на Петроград и разведкой Петроградского округа. Согласно сведений, относящихся к началу января, в Финляндии находится около 5 500 военно-

---

Версальского мирного договора, который позже в ультимативной форме был предъявлен для подписания Германии. Официальные работы конференции начались 18 января 1919 г. и закончились подписанием договора 28 июня 1919 г. Главными фигурами конференции были Вильсон, Л.-Джордж и Клемансо. Представители Германии на конференцию допущены не были; не присутствовали на ней и представители России.

[1]) Заголовок подлинника. На подлиннике помета: «Вх. № 300, 16/III».

обязанных, из них немедленно по объявлении о регистрации явилось и зарегистрировано около 2 000. По условию с финляндским правительством, Юденичу предоставлено производить формирование кадров в окрестностях Экенеса, при условии, что одновременно в лагере сосредоточивается 250 человек и без оружия. — Предполагается, что план Юденича заключается в отправке готовых формирований на южный берег, где они будут вооружены и пойдут на усиление русских частей, входящих в состав эстонских армий. Однако возможность соглашения с Финляндией о совместном движении на Петроград не исключается. Повидимому, штаб интересуется также вопросом утилизации для своих формирований пленных, возвращающихся из Германии, причем предполагается использовать для этой цели лагеря и казармы на Эзеле. Главным затруднением в деле Юденича является, во-первых, — необеспеченное положение армии, во-вторых — продовольственная часть. Деньги добывают путем добровольных пожертвований и личных кредитов вышеназванных промышленников. Что касается продовольствия продуктами, то, помимо снабжения армии, необходимо заботиться о снабжении оккупированных местностей. По мнению самого Юденича, нельзя и думать о занятии Петрограда без предварительного разрешения вопроса о продовольствии населения. Насколько мне известно, эта сторона дела у Юденича еще не организована. Я полагаю, в видах усиления всероссийской верховной власти, в частности, — и достижения единства верховного командования, сосредоточению вопроса о государственном кредите и валюте в Омске [1]), а также подвозе... [2]) разгрузка штаба Юденича... вопрос посторонний... оперативным задачам, следовало бы, чтобы дело о продовольствии Петрограда и... было руководимо верховным правителем России, которое, подготовив дело, могло бы сообщить Юденичу, что в таком-то порту сосредоточены пароходы с грузами продовольствия и ожидают его, Юденича, распоряжения, которому надлежит вступить в связь с таким-то лицом и тому... грузить в ближайший (срок), в зависимости от оперативных планов. Изучая возможность постановки дела в вышеизложенном направлении, я натолкнулся на такое предложение: ко мне обратился представитель норвежско-американского консорциума норвежский инженер-механик Малишевский, работавший во время войны на поставках для Мурманской железной дороги; он просит довести до сведения верховного правителя: консорциум, обладая собственным достаточным тоннажем, складами в Бергене и агентами в Америке, берется, в случае срочного заказа предметов продовольствия, как-то:

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Многоточие здесь и далее обозначает пропуск в подлиннике.

мука, крупа, галеты, конденсированное молоко, сахар, жиры, мясо, рыба, консервы, партии белья, обуви, одежды и тому подобное, сосредоточить эти товары в любом потребном количестве в Бергене в течение апреля готовыми к отправке в Балтийское море по указанию. Дает кредит на (87 сочетаний не разбираются) [1]). Не признаете ли полезным вследствие вышеизложенного поручить военно-морскому агенту вашему тоже не вступать в переговоры с Малишевским, отъезжающим 5 марта из Христиании в Америку. Прошу телеграфировать о последующем решении. Если указанную операцию сочтете желательной, то для соблюдения интересов казны при погрузке, сосредоточении в Скандинавии товаров, для связи с Юденичем полагал бы полезным поручить руководство этим делом в Бергене капитану 2 ранга Георгию Вильсону, находящемуся в Гельсингфорсе. Веймарн.

2104/5. Лондон 191/3. Набоков.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя адмирала Колчака от 17 марта 1919 г. № 484 [2]).

Упомянутое в моей телеграмме № 387 заявление сделать [1]) только от нашего имени, а потому, нося лишь только частный характер, оно не могло бы связать будущее Российское народное собрание. Тем не менее, вследствие вашей телеграммы № 160—191, я воздержусь от подобного заявления, но, в виду повторных и настоятельных просьб генерала Юденича помочь осуществлению предпринятого им дела, является совершенно необходимым наладить с нынешним финляндским правительством дружественные отношения, желательность коих и признана вами в телеграммах №№ 51—143, 103—165.

С этой целью поручаю нашему посланнику в Стокгольме войти в действительные сношения с финляндцами.

При этом Гулькевич должен постараться разъяснить им, что никто, кроме Российского народного собрания, не правомочен принять решение относительно независимости Финляндии и что вообще вопрос этот неразрывно связан с вопросом об обеспечении русской государственной границы и Петербурга.

Сазонов.

Телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина на имя посланника в Стокгольме Гулькевича от 26 марта 1919 г. № 262—237 [3]).

Прошу передать генералу Юденичу, что переданная через Набокова телеграмма его о намерении финляндцев и об отношении их к

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На подлиннике помета: «Вх. № 319. 24/III».

[3]) На подлиннике помета: «Исп. 26/III».

русским и немцам получена. Учитывая серьезность последствий такого положения вещей, мы одновременно с сим просим Сазонова воздействовать через союзников на финляндское правительство и принять все необходимые меры в смысле высказанных Юденичем предположений.

Сукин.

Телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина в Париж на имя министра ин. дел Сазонова от 26 марта 1919 г. № 263—238 [1]).

Нами получена через Набокова телеграмма Юденича в крайне искаженном виде [2]). Сообщаю поэтому лишь ее выдержки. «Положение наше в Финляндии становится очень трудным. Там работают сильно испытанные немецкие люди, как Басевиц и барон Тель... Союзные представители состязаться с ними не могут, в результате немецкое влияние в крае преобладает. Нас разделяют по стране, указывая пункты жительства, лишают права передвижения, тогда как немецкие офицеры, которых здесь осталось много, свободно разъезжают по Финляндии. Обвиняют русских в нежелании драться с большевиками. По агитации, идущей в Выборгском районе на-днях, можно предположить, что финляндцы готовятся к походу на Петроград и решаются на этот шаг даже помимо держав Согласия. В заключение Юденич полагает настоятельно необходимым указать финляндскому правительству, что всякое движение на Петроград одних финнов без соглашения с нами недопустимо и будет истолковано, как акт, враждебный России. Необходимо также командировать военного представителя союзников для изучения вопроса на месте и принятия соответствующего решения».

Сукин.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 25 марта 1919 г. № 522 [3]).

В финляндском вопросе надлежит придерживаться общих принципов, изложенных в заявлении, переданном мирной конференции 9 марта [4]).

---

[1]) На подлиннике помета: «Исп. 26/III».

[2]) Имеется в виду телеграмма Набокова в мин. ин. дел от 11 марта 1919 г. за № 143. На подлинной, телегр. Набокова резолюция Колчака: «Движение финнов на Петроград недопустимо. Сообщите представителям союзников. А. К.» (АОР, ф. 200, д. № 4.)

[3]) На подлиннике помета: «Вх. № 334, 31/III».

[4]) Это заявление было сделано от имени Колчака по просьбе союзников и касалось его национальной политики. По существу оно не расходится с той позицией, которая отражена в публикуемых документах.

Вследствие царствующей в России анархии, Финляндия ныне фактически пользуется независимостью, к признанию которой не только со стороны союзников, но и со стороны национальных русских правительств она прилагает усилия. Этот вопрос не может, однако, получить окончательного разрешения до созыва Национального собрания. Не исключая возможности в будущем удовлетворения финляндских вожделений, считаем, что наше содействие могло бы последовать лишь только при условии предоставления России стратегических гарантий, способных обеспечить ее северные границы и Петербург. Печатное изложение точки зрения совещания почтой. Сазонов.

Телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина в Париж на имя министра ин. дел Сазонова от 28 марта 1919 г. № 273—247 [1]).

Ссылаюсь на наш № 238.

По поводу телеграммы Юденича о намерении финляндцев итти на Петроград и об их отношении к немцам верховный правитель полагает необходимым предупредить союзные правительства о создавшейся обстановке. Следует выразить опасения, как бы распространяющееся в Финляндии немецкое влияние, ввиду близости к последней прибалтийских провинций, составляющих предмет давнишних вожделений Германии, не перекинулось вдоль всего побережья. При неизвестности дальнейшего развития событий в Европе такой оплот германизма должен вызвать серьезное внимание. Что касается самого намерения финляндцев итти своими силами на Петроград, то, несмотря на всю сознаваемую нами, по соображениям гуманности, желательность скорейшего освобождения Петрограда от большевиков, мы считаем, что столица может быть занята только под флагом союзных войск при участии русских сил. Быть может, возможны также по вашему усмотрению те или другие меры воздействия на Финляндию через Гулькевича, в свете того общего к ней дружелюбия, поддержать которое мы вполне согласны в духе вашей телеграммы № 484.

Сукин.

Телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 2 апреля 1919 г. № 596 [2]).

Для господина Вологодского.

Ваша телеграмма № 222—220 получена. По моей просьбе, генерал Щербачев [3]), находящийся в прямых сношениях с Юденичем, пред-

[1]) На подлиннике пометы: «26/III 1919 г.» и «Исп. 28/III».

[2]) На подлиннике помета: «Получена 6 апреля».

[3]) Ген. Щербачев — военный уполномоченный Колчака в Париже. В феврале 1919 г. он принял на себя руководство всеми военными вопросами заграницей.

ставляет за № 128 подробные сведения о размере потребных Юденичу ассигнований. Со своей стороны считаю долгом обрисовать политическую обстановку дела. Финляндцы, повидимому, отнеслись сначала сочувственно к начинаниям Юденича и принципиально согласились на формирование войск в Финляндии, надеясь взамен этого получить от нас признание их независимости, но так как мы не считаем себя вправе удовлетворить их желание, они стали, под влиянием сильной германской пропаганды, чинить всякие препятствия Юденичу. Для оказания давления на Финляндию в желательном для нас смысле я обратился к содействию французского правительства и английского правительства. То же сделано мною по просьбе Юденича и в отношении эстонцев, которые, повидимому, также мешают ему принять необходимые меры к объединению под его командой русских войск в Эстляндии. Если, как я надеюсь, удастся этим путем устранить указанные затруднения политического свойства, предполагаю предложить союзникам отправить к генералу Юденичу военные миссии для содействия ему в получении нужного снабжения и для связи с союзническими штабами. Ввиду возникающих постоянно сложных политических и отчасти международных вопросов, я намерен послать в распоряжение Юденича также опытного дипломатического советника.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 24 апреля 1919 г. № 796 [1]).

Общее наше стратегическое положение, оценку которого, сделанную Головиным [2]), передаю за № 779, выдвигает вопрос о создании нового фронта Юденича.

Это будет возможно лишь по соглашению с финнами и эстонцами тем более, что для движения на Петроград придется, быть может, прибегнуть к содействию финских и эстонских войск. Но прежде всего финны, несомненно, пожелают выяснить наше к ним отношение, и нам нужно было вперед знать, на что мы можем согласиться. По обсуждении этого, Политическое совещание пришло к заключению, разделяемому также мною, что мы могли бы положить в основу всякого соглашения с Финляндией следующие начала:

Первый пункт. — Обе стороны признают, что вопрос о будущем положении Финляндии подлежит окончательному рассмотрению по

---

[1]) На подлиннике помета: «Вход. № 435, 5 мая 1919».

[2]) Генерал Головин — военный уполномоченный Колчака в Лондоне, позже помощник Щербачева.

взаимному соглашению между финляндским сеймом и русским народным представительством.

Пункт второй. — Финляндцы признают особое стратегическое положение России как в смысле военно-морской позиции в Финском заливе, так и [в смысле] охраны северной границы при будущем установлении положения Финляндии.

Пункт третий. — Русские же обязуются, что вне условий обеспечения стратегической безопасности России они не намерены ни в чем ограничивать независимость Финляндии.

Пункт четвертый. — В настоящую переходную эпоху, пока образование всероссийского народного представительства позволит окончательно определить положение Финляндии, нынешнее финляндское правительство, основанное на постановлениях законно избранных сеймов, признается как фактически существующая финляндская власть, независимая во всех вопросах внутреннего строения и управления страной.

Пункт пятый. — До определения окончательного положения Финляндии, финляндское правительство обязуется не заключать никаких военных или политических соглашений с третьими державами.

Желал бы знать мнение по этому поводу верховного правителя и правительства на случай, если бы обстоятельства потребовали объяснений с финляндским правительством.

Сазонов.

Секретная телеграмма посланника в Стокгольме Гулькевича на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 26 апреля 1919 г. № 165 [1].

Экспедицией на русскую Карелию руководит на месте территории Негер фон Херцен. Движение производится двумя колоннами на Петрозаводск и Олонецк. Последний занят. В (1 гр.) [2] между колоннами действуют для связи мелкие отряды. Силы наступающих: три тысячи добровольцев. Могут быть доведены до 4. Экспедиция располагает складами в Сердоболе с 400 000 килограммов хлеба, предназначенного для питания местного населения, — на нужды самой экспедиции не рассчитано. Движение ведется в расчете на поддержку или симуляцию встречных восстаний населения. Предпринято под флагом борьбы белых с красными. Кроет в себе чисто националистический план — присоединение, по мере удачи, широкой области (1 гр.) [2], границами

---

[1]) На подлиннике пометы: «Получена 18 мая», «Вход. № 507, 23/V».

[2]) Так в подлиннике.

коей намечены: на юге — река Свирь, на севере — Белое море. О Петрограде движение не упоминает. Правительство держится выжидательной позиции. В случае удачи склонно к претензии на занятую местность. Готовится к закреплению за Финляндией раз захваченных земель. Обнаруживаются предварительные меры по мобилизации, задуманной в этих целях и пределах. Так, добровольцев «Шютцкор» уже ставят на гарнизонную службу.

Гулькевич.

Секретная телеграмма мин. ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 27 апреля 1919 г. № 825 [1]).

Ссылаюсь на мой № 796.

Если признать необходимым для действий против Петрограда базироваться на Эстляндии, придется договориться с эстонцами, чтобы они не препятствовали образованию наших сил. Это требует предварительного выяснения нашего отношения к эстонским стремлениям. Убежден, что никогда нельзя будет согласиться на независимость Эстонии и Латвии, но нужно будет дать этим областям широкую местную автономию под условием обеспечения прав всех национальных меньшинств, в первую очередь русского. Только на этой основе возможны переговоры с эстонскими властями, сотрудничество которых нам теперь необходимо. Прошу уведомить, согласен ли верховный правитель с изложенным взглядом.

Сазонов.

Секретная телеграмма посла в Париже Маклакова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 4 мая 1919 г. № 921 [2]).

Князь Львов просит передать: при обсуждении в Совещании вопроса, изложенного в телеграммах Сазонова №№ 796 и 825, Савинков придерживается следующего мнения, которое, по его просьбе, сообщаю в его изложении: «Рассчитывать на ассигнование союзниками в близком будущем необходимых кредитов на предмет формирования русских или славянских частей, по моему глубокому убеждению, нельзя. Поэтому думаю, что Петроград может быть взят этим летом лишь с помощью уже сформированных, вполне достаточных для этой цели эстонских и финляндских частей, к каковым надлежит прибавить небольшие русские части генерала Юденича. Петроградская операция может быть этим летом только русско-эсто-финляндской и ни-

[1]) На подлиннике пометы: «Вход. № 444, 7/V», «Получена 8 мая».
[2]) На подлиннике пометы: «Вход. № 470, 13/V», «Получена 12 мая».

какой иной. Значит, либо надо сговариваться с финнами и эстонцами, либо отказаться от нее. С финнами и эстонцами, повидимому, возможно сговориться только на платформе признания факта их независимости с тем, чтобы окончательное решение вопроса о взаимоотношениях с ними было повергнуто на усмотрение будущего всероссийского и их правительств на началах равноправия договаривающихся сторон».

Маклаков.

Секретная телеграмма поверенного в делах в Вашингтоне на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 8 мая 1919 г. № 510 [1]).

Государственный департамент устно передал, что Америкой, Англией, Францией и Италией признано правительство де-факто независимой Финляндии.

Уг ет.

Секретная телеграмма посла в Париже Маклакова на имя управляющего мин. ин. дел Сукина от 9 мая 1919 г. № 978 [2]).

Для адмирала Колчака.

Гулькевич телеграфирует за № 179:

Генерал Юденич телеграфирует: «Финские белогвардейцы заняли Олонецк и 26 апреля Лодейное Поле, их отряды подходят к Петрозаводску. В воззвании главного штаба Олонецкой белой гвардии, помещенном в № 110 гельсингфорской газеты, сказано, что у карельского народа одна общая цель с финскими добровольцами — освободить карельскую землю от русских. В Олонецке заведывание дел края приняло на себя временное правление. Таким образом произошел захват западной части Олонецкой губ., о возможности чего я предупреждал. Отношение финнов к нам враждебно; они, пользуясь нашей временной слабостью, решают свою национальную задачу — создание великой Финляндии. Необходимо помешать им в этом и вместе с тем использовать достигнутое при их содействии очищение края от большевиков. Это, думаю, можно сделать, поручив Ермолову с чинами союзного командования приехать безотлагательно в Петрозаводск и установить там русское управление. Я командирую туда гвардейцев-офицеров, с полковником Долухановым во главе, для организации русской белой гвардии. Приказал ему непременно войти в соглашение с Ермоловым и Мейнаром, во всем им подчиняясь.

---

[1]) На подлиннике пометы: «Получена 12 мая», «Вход. № 472, 13/V».

[2]) На подлиннике пометы: «Получена 20 мая», «Вход. № 506, 23/V».

Прошу оказать содействие Долуханову оружием, снаряжением, обмундированием и деньгами. На первоначальные расходы снабжаю его небольшой суммой. № 429».

Копия в Архангельск. Маклаков.

Телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина в Париж на имя министра ин. дел Сазонова от 11 мая 1919 г. № 606—328 [1]).

Ссылаюсь на ваш № 796 и 825.

Верховный правитель полагает, что движение на Петроград имеет весьма важное стратегическое значение в смысле оттяжки большевистских сил от сибирского фронта. Совпадая с развитием нашего наступления, оно могло бы в то же время нанести крупный моральный удар Советской власти. Поэтому он считает необходимым сделать все возможное для содействия этой операции и уже ранее распорядился предоставлением необходимых кредитов Юденичу, перевод которых, к сожалению, все задерживается благодаря безрезультатности переговоров с союзниками о реализации золота. Что касается политической стороны вопроса, верховный правитель находит необходимым, чтобы объяснение с финляндским и эстонским правительствами было поставлено в прямую зависимость от их готовности наступать на Петроград. По сведениям французского и английского правительства, финляндцы будто бы таких намерений не имеют, желая ограничиться лишь самообороной и действиями в Карелии. Необходимым условием такого уговора с Финляндией должно быть, очевидно, участие русского отряда в движении на Петроград и предоставление Юденичу роли, соответствующей русскому национальному достоинству. Выработанные Совещанием основы для объяснений с Финляндией подвергаются некоторым изменениям. Формулировка пункта первого как бы предопределяет независимость Финляндии. Правительство считает, что государственное положение Финляндии может быть определено лишь Учредительным Собранием, предпочитая не упоминать о соглашении последнего с сеймом. Пункт второй принимается. Пункт третий желательно выкинуть, ограничившись пунктом четвертым, в конце которого уже сказано, что за фактически признаваемым финляндским правительством оставляется полная независимость в вопросах внутреннего строения и управления страной. Пункт пятый принимается. Что же касается переговоров с эстонцами, то предлагаемая вами формула автономии в самом широком смысле под условием обеспечения национальных меньшинств вполне совпадает с общей национальной программой правительства.

Сукин.

[1]) На подлиннике пометы: «7/V», и «Исп. 11/V».

Отношение управляющего морским министерством Смирнова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 15 сентября 1919 г. № 102.

В. секретно.

Управляющему министерством иностранных дел.

Препровождаю при сем для личного ознакомления вашего превосходительства копию письма, полученного на мое имя от адмирала Пилкина.

Контр-адмирал Смирнов.

Копия письма адм. Пилкина на имя контр-адм. Смирнова от 24 (11) мая 1919 г.

[11 (24) мая 1919 г. Гельсингфорс.

Неоднократно спрашивал я генерала Юденича, сообщает ли он в Омск нашу политическую обстановку. Юденич отвечал мне, что сообщает, но только телеграммами, так как уж слишком медленно было бы сноситься письмами и не имело бы смысла писать вам о том, что через два месяца потеряет всякое значение. Соображение это, конечно, очень затрудняет письменные с вами сношения. Оно расхолаживает и меня, но, с другой стороны, вот уже несколько месяцев, как мы здесь стоим на мертвой точке, и, пожалуй, что дело в мае обстоит разве немного только иначе, чем в феврале. Кто знает, не окажется ли оно в таком же положении и в августе? Во всяком случае, я хочу отвести с вами душу, поговорить с вами по душе, как со старым другом, не задаваясь неисполнимой для меня задачей нарисовать настоящую картину положения здесь дела в настоящее время. Задача эта неисполнима уже потому, что я все-таки не в центре, не знаю многого, что делается, какие переговоры ведутся и т. д. Я не знаю даже, что сообщает вам Юденич. Он не говорит мне ничего или говорит очень мало, и не потому, что не доверяет мне лично. Напротив, наши отношения очень хорошие, но такая уже у него натура, недоверчивая, осторожная... Юденич несомненно очень умен. Никто его не обманет. Стоит посмотреть, как он слушает, поглядывая исподлобья, разный люд, являющийся к нему, кто с проектом, кто с докладами. Заметно, что он всех насквозь видит и мало кому верит. Если скажет что-нибудь, то слово его всегда метко и умно, но говорит мало, очень молчалив. Всех слушает, со всеми как будто соглашается, но делает всегда по-своему (если только делает). При этом он совсем не угрюм и в нем много юмора. Он умел здесь себя поставить и, несмотря на трудное положение и кампанию, которая против него ведется и немцами, и финнами и, к сожалению, многими русскими, ничем себя не скомпрометировать и заставить с собой считаться.

Я упомянул о трудном здесь положении. В чем оно состоит? Во-первых, в том, что до настоящего времени Германия пользуется здесь громадным в Финляндии влиянием. Только в самое последнее время как будто бы замечается некоторый сдвиг в этом направлении и в сторону союзников. Настоящая фактическая власть в Финляндии была не правительство, не Маннергейм, а общественный союз егерей. Эти егеря — это финляндцы, служившие во время войны в германских войсках; до сих пор они следуют директивам из Германии. Под словом «Германия» я понимаю главную квартиру, главный штаб, которые все те же. И вот все назначения в штабах и в войсках исходили от егерей. Военный министр должен подчиняться. Комендант финляндской границы Данкер, который стрелял пытавшихся перебраться из Совдепии наших офицеров, который перехватывал курьеров, который высылал русских в «Совдепию», был назначен егерями и смещен после больших усилий со стороны союзников. Финляндия, безусловно, германофильски настроена и до настоящего времени, и это немудрено, потому что, помимо других причин, немцы имели здесь и большие коммерческие и дипломатические силы и множество офицеров разведчиков и агентов и тратили громадные деньги. Со стороны союзников — не признававшие независимость, здесь действовали консула, но, большей частью, живущие здесь много лет, связанные коммерческими интересами с местным населением, иногда женатые на финках или даже на немках. Только в последние дни положение начинает меняться.

Так как в интересах Германии — продолжение неурядиц в России, то Германия всячески старается помешать всяким антибольшевистским организациям. Попытка Юденича создать «петроградский фронт» вызывает поэтому со стороны Германии энергичную комиссию [1]) против Юденича и всех русских в Финляндии. Сама Финляндия опасалась и опасается России и, хотя большевики ее беспокоят, но она тоже против Юденича и русских. Тут, конечно, имеют значение и воспоминания о прежних обидах, и родившийся шовинизм, и свойственная чухнам некоторая мрачная тупость и близорукость. Влияние немецкое и союзников, страх пред будущей Россией и перед большевиками, — все это делает политику Финляндии неустойчивой. Финансовое и экономическое ее положение очень плохи, и наиболее осведомленные ее деятели понимают, что, в сущности, Финляндия продается с аукциона. Но сейчас она под гипнозом независимости, и так как главное препятствие к полному осуществлению этой юридической независимости — это вооружение России, то против них, против русских, сильная ненависть. Нет ни одной организованной группы, которая не

[1]) Так в подлиннике, надо очевидно: «кампанию».

была бы против России. Другое дело — неорганизованный народ, извозчики, дворники, кухарки, прачки и т. д. Они говорят, что мы жили с Россией — мы голода не знали, а при шведах — наши деды говорят, что мы кору ели. Так говорит народ, который не вошел ни в какие политические круги, но много ли толка, я не знаю, и, во всяком случае, не они решают, куда направить государство. Те, кто стоят фактически у руля, по чувствам своим — против России и русских (я не [говорю о] Маннергейме и ему подобных, которым приходится лавировать). Таким образом, под влиянием всех этих причин, Финляндия и слышать не хочет о том, чтобы позволить русским сорганизоваться. Напротив, они всячески нас преследуют и ставят почти вне закона. Только что нет для нас концентрационных лагерей, но выселения, аресты, тюремное заключение, высылки производятся широко. Пресса пишет ужасные мерзости против русских, называет русских клопами, которых надо выжечь, саранчей, чумой и т. п.

Надежды на то, что Финляндия позволит Юденичу сформировать и вооружить и начать наступление русскими добровольческими дружинами, на Финляндии [1]), по-моему, никакой нет. Казалось бы, что нет поэтому и дальнейшего смысла нашему здесь пребыванию. Но вот, что говорит Юденич: «Слишком соблазнительна идея петроградского фронта, чтобы отказаться от нее. Пока хоть есть один шанс, я не уеду».

Какой же это шанс? Этот шанс — союзники. Если они поймут, что надо бить его [1]) большевизм в его логове, в Петрограде, и что легче всего это сделать, базируясь на Финляндию, то они могут устроить в Финляндии базу для своих добровольческих отрядов, к которым тогда примкнут и наши добровольцы.

Союзники еще имеют право взять Петроград финляндскими войсками и добровольцами, но мы, русские, не можем примкнуть к финляндцам. Действительно, если финляндцы пойдут на Петроград в числе других союзных армий (отрядов), под контролем или под флагом Юденича, мы можем быть более или менее спокойны за то, что русские интересы не будут уже очень грубо подушены [1]).

Но если финны пойдут одни, или хотя бы с нами, но в пропорции 30 тысяч против трех-четырех, — которые здесь в Финляндии, — то, при известной их ненависти к русским, их характере мясников и их политическом стремлении всячески ослабить Россию и, в частности, ослабить Петроград так, чтобы он не мог даже и в будущем претендовать на роль политического центра, — они уничтожат, расстреляют и перережут все наше офицерство, правых и виноватых,

[1]) Так в подлиннике.

интеллигенцию, молодежь, гимназистов, кадетов, всех,— кого могут, как они это сделали, когда взяли у красных Выборг. Они уничтожат наши государственные учреждения, ограбят заводы, взорвут и уведут флот. Итти с ними освобождать Петроград, не имея достаточно силы, чтобы заставить их с нами считаться — да этого никогда не простит нам Россия, будущая Россия.

А между тем, может быть, что союзники, плохо разбирающиеся в наших делах, разрешат Финляндии такую операцию. Может быть, хотя это и [кажется] мало вероятным, она сама решится, под влиянием обстрела большевиками ее территории, начать против них военные действия. [Мне] кажется, что нам невозможно итти с Финляндией. Я думаю, что в Совдепии против финляндцев объединятся круги, которые теперь считают невозможным итти вместе с большевиками. Отпор чухнам будет популярен и среди офицерства, которое найдет в этой идее оправдание и извинение своего унизительного теперь рабского положения.

Я понимаю, что все-таки этот вопрос, если он возникнет...[1]) то просто решить. Все-таки выступление Финляндии сдвинет дело с мертвой точки, и главная цель — свержение большевиков — может быть достигнута, но только — какой ценой?

Но, в случае выступления Финляндии самостоятельно, без союзников, если мы к ним не присоединимся, нам нельзя будет оставаться в бездействии. Нам нельзя будет оставаться здесь дольше, если выяснится, что потеряна надежда на операцию союзников на Петроград (морскую операцию союзников против Кронштадта, что я лично считал бы наилучшим способом решить вопрос). Остается, казалось бы, южный берег, т. е. Эстляндия. Там сейчас действует наш, так называемый, северный корпус. Казалось бы, так просто находящимся здесь русским, во главе с Юденичем, перейти в Ревель и к нему присоединиться. Увы, на сцену выдвигается эстляндский вопрос. Эстляндия также мечтает о своей независимости. Конечно, мечта эта родилась в очень большой степени под влиянием желания отделиться от Совдепии. Благоразумные эстонцы понимают всю затруднительность самостоятельного существования этой области. В народе существует еще большевистское течение и стремление соединиться с Совдепией. Но, как бы то ни было, сейчас Эстония считает себя независимой. Каждый, кто имеет намерение хотя бы на сутки приехать в Ревель, обязан дать подписку в признании эстляндской самостоятельности. Те, кто ездят каждую неделю, каждую неделю признают независимость эстонцев. Но далеко не всех готовых дать подписку пускают

[1]) В подлиннике это место не поддается прочтению, так как стерлись буквы.

в Ревель. Наши офицеры, бедствующие здесь и живущие подаянием, не могут добиться разрешения присоединиться к русским отрядам, действующим на южном берегу. Юденича они не пускают к себе. Меня тоже. Таким образом русские в Финляндии и русские в Эстляндии — разобщены. Вызвать кого-нибудь с докладом из Ревеля в Гельсингфорс — невозможно. Проходят недели переписки, и, в конце концов, следует отказ. Тем не менее, отряды в Эстляндии признают Юденича и подчиняются ему в директивах. Они остановили свое наступление, когда Юденич признал дальнейшее их продвижение к Петрограду несвоевременным, так как считал, что занятые местности придется вновь уступить большевикам и предоставить население их большевистской мести и террору.

Я не буду вам писать о нуждах наших отрядов в Эстляндии, являющихся пасынками у эстонцев. Все это не входит в мою задачу, как не входит в нее и описание стратегической обстановки. Я хотел только выяснить, при каких политических условиях приходится работать Юденичу. Вы видите, что он вместе со всеми нами висит в воздухе; почвы под ногами нет.

Приехав сюда в январе, ему предстояло, как мне кажется, решить следующую задачу: выяснить свое юридическое, так сказать, положение, найти средства, создать базу и сформировать добровольческую армию. Я долго его убеждал послать Колчаку извещение о своем здесь в Финляндии пребывании. Я не говорил ни слова о подчинении Юденича Александру Васильевичу [1]), а просто о заявлении, что он, Юденич, тут. Но я понимал, что для нас Александр Васильевич совершенно ясная, определенная величина, а для Юденича, в то время, это была совершенно неизвестная ему личность, может быть, авантюрист, может быть, просто пузырь, вскочивший на поверхности бушующего моря и который сейчас же лопнет. К тому же не свой брат генерал, а какой-то адмирал. Потом, когда приехал в Гельсингфорс Ладыженский, несколько обстановка выяснилась, и Юденич телеграфировал в Омск. Очень долго потом не было ответа от Колчака, и я видел, что Юденич огорчается; попутно были в это время довольно гнусные интриги со стороны кое-кого из русских, которых дергали за ниточку немцы, — наконец, ответная телеграмма пришла, и ее тон, повидимому, вполне утешил Юденича. Первый шаг был сделан. Но необходимо было войти в сношение с союзниками, чтобы выяснить им обстановку, выяснить их план, получить их, если не признание, то согласие вести разговоры. Юденич, повидимому, считал, что он может для этого воспользоваться Сазоновым, который, по нашему мнению, [был]

[1]) Т. е. Колчаку.

доверенным лицом Колчака. Я не был в курсе этих переговоров. Знаю, что Юденич посылал в Париж генерала Геруа, что он находился в сношении с Щербачевым. Знаю, что он старался выяснить отношение союзников к Финляндии и Эстляндии и намерения союзников относительно Петрограда. Сам он, кажется, настаивал на необходимости принципиального признания независимости Финляндии и, действительно, едва ли можно будет иметь эту страну прежде ее воли в своем обладании. Другое дело поставить ее в такую экономическую зависимость, чтобы через какие-нибудь два-три года, она бы поняла, что не может без нас существовать, и заключила бы такой договор, который обеспечил бы наши стратегические интересы. Но договор — это дело будущего, сейчас же Финляндия политически независима, и нельзя закрывать на это глаза.

В несколько другом положении Эстляндия и другие прибрежные провинции, которые выдвигают «независимость» как временный лозунг. Конечно, и там есть непримиримые, и доказательство — то, что Юденич старался договориться до чего-нибудь с Эстляндией на принципе [1]), но ни до чего договориться не мог. Эстляндия передала защиту своих интересов финнам, а те, находясь в политической орбите Германии, всячески совали наши [2]) палки в колеса. Это обстоятельство не позволяло решить в положительном смысле вопрос о базе. База на русской территории где-нибудь—в Пскове, например,—могло быть только... [3]) в лучшем случае, коммуникационная линия все равно проходила бы через Эстляндию, через которую шел бы весь... [3]).

Итак базы для формирования русской добровольческой армии против Петрограда нет. Для того, чтобы достать средства, был сформирован из финских деятелей и промышленников особый комитет, но эти господа не смогли и не сумели достать то количество миллионов марок, которые по приблизительному подсчету (без стоимости вооружения и продовольствия) требовались Юденичем. Последнее известие—что Омское или Всероссийское Правительство утвердило бюджет Юденича, однако какие-то затруднения с «валютой» еще не дали возможности перевести средства по назначению, хотя бы в тех небольших сравнительно размерах, которые сейчас требуются. (Северный корпус очень нуждается в деньгах, да и вообще без денег никакая работа по организации невозможна.)

Последняя задача — это люди. На южном берегу около 10 тысяч. Здесь в артиллерии тысячи три, четыре. Довольно много народу,

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Очевидно, надо: «нам».
[3]) Пропуск в подлиннике.

могущего быть призванным, находится в Скандинавии, Франции и Италии. Из Германии призывать, повидимому, не предполагается, Необходимо иметь тысяч 50.

Итак, вы видите, ни средств, ни базы, ни людей, ни определенной надежды получить все это. Конечно, масса недовольных, и агитация пользуется [1]). Особенно волнуется, разумеется, молодежь. Говорят: Юденич ленив, медлителен, нерешителен и т. п. Задатки всего этого есть в нем, но ведь кто-то взял Эрзерум, кто-то выиграл под Саракамышем, — не все счастье, надо же уменье. И кто сказал, что другие кандидаты сделали бы больше? Тут выставляют и Гурко, и Арсеньева, и еще кого-то. Не говоря уже о том, что эти господа энергично принялись за дело, может быть, снесли бы и раньше Юденича из-за всех затруднений или скомпрометировали бы себя [1]); неизвестно, насколько им можно доверять. Арсеньев — несомненно, немецкий ставленник. Если бы его интриги удались и он свалил бы Юденича, завтра же, вероятно, он начал бы интриговать и пробовать свалить Колчака. Гурко тоже не пользуется репутацией рыцаря. Юденич же, несомненно, думает не о себе, а о России. Я защищаю его, хотя сам иногда сержусь на него и думаю, что он слишком осторожен. Но я его в то же время глубоко уважаю и признаю, что в трудной обстановке, в которой ему приходится действовать, осторожность необходима. Результат как для меня неясный [1]) покажет, прав ли Юденич. Удастся ему создать петроградский фронт — он победитель, придется уходить — он побежденный. Хотя это еще не будет значить, что другой сделал бы больше.

Я пишу вам обо всем этом только на основании личных впечатлений. Никаких документов в моих руках не было. Я не знаю, на каких условиях была признана союзниками независимость Финляндии. Не знаю, вели ли союзники с Финляндией переговоры по этому поводу. Судя по газетам, недавно Сазонов, Маклаков и Львов подавали протест союзникам против признания финляндской независимости. Я думал, что Сазонов и Маклаков являлись вашими уполномоченными, но не знал, что и Львов—ваш агент. Если же выступление этих господ происходило без вашей санкции, то это недопустимая со стороны Сазонова и Маклакова анархия. Одним словом, я многого не знаю и потому не понимаю и могу ошибиться. Думается мне, что Финляндия ни в каком случае не даст возможности сформировать на своей территории русские добровольческие дружины. Эстляндия же, под давлением союзников, могла бы склониться к тому, чтобы развернуть [1]) и служить базой русской армии. Наша задача убедить союзников воздействовать

[1]) Так в подлиннике.

на Эстляндию. У меня есть слабая надежда на то, что англичане предпримут, — может быть, летом — морскую операцию против Кронштадта, который, в случае овладения им, мог бы быть превосходной базой для нас, для дальнейших действий. Но никто с нами не хочет и говорить даже, и обо всем можно условиться только в Париже и Лондоне.

Все это я вам пишу нескладно и второпях, чтобы рассказать о наших здесь затруднениях и, может быть, защитить, — как ни крендиозна [1]) эта мысль, — Юденича от тех наветов, которые, я уверен, вы на него получаете. Вам незнаком, может быть, даже вопрос об «ориентациях», а здесь это ужаснейшее наше зло. Можно, конечно, понять, что это — люди, ищущие и видящие спасение в Германии, это вопрос убеждений, но множество служит немцам за деньги, служат конспиративно, шпионят, интригуют. И какие иногда имена — общественные деятели, генералы, дамы, множество морских офицеров!

Вообще, в смысле интриг, шпионства, ссор и т. д. среди русского населения и офицерства, здесь точно в котле кипит. Если принять во внимание преследование русских финляндской администрацией и бедственное материальное положение русских и офицеров в особенности, то вы поймете стремление многих уехать скорее отсюда туда, где делается русское дело, где Россия, — но и уехать-то невозможно.

Еще раз простите мое сумбурное письмо.

Искренне вам преданный П и л к и н.

Секретная телеграмма посла в Париже Маклакова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 19 мая 1919 г. № 1098 [2]).

Передаю телеграмму Гулькевича № 246.

«Прошу передать адмиралу Колчаку: наступление частей северного корпуса успешно развивается, создается обстановка, благоприятствующая началу формирования. Все тормозится медленностью переговоров о базе Эстонии и снабжении. Финансовый вопрос вследствие валютных затруднений не может выйти из ту ..... [3]) к разрешению назревающих вопросов о предоставлении мне Эстонии как базы и ускорения темпа переговоров. Ю д е н и ч . 17 мая. № 430».

М а к л а к о в.

[1]) Так в подлиннике. Следует очевидно: «претенциозна».
[2]) На подлиннике помета: «Получена 30 мая».
[3]) Пропуск в подлиннике.

Секретная телеграмма посла в Лондоне Набокова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 20 мая 1919 г. № 236 [1].

Весьма доверительно.

Полагаю просить передать верховному правителю следующую телеграмму генерала Головина Юденичу от 8 мая № 540.

«По поручению Сазонова и Щербачева прибыл в Лондон для переговоров о помощи вам и предоставления базы в Эстонии. Получил обещание содействия, но по политическим соображениям это должно держаться в строгом секрете. На-днях выедет к вам специальная английская военная миссия с целью помощи вам на месте и оказать нужное влияние. Остаюсь пока в Лондоне для переговоров с начальником миссии. Считаю, что дело принимает благоприятный оборот, но для большей успешности необходимо с вашей стороны повторное декларативное заявление, что вы всецело подчиняетесь верховному правителю адмиралу Колчаку. Только в этом случае Англия окажет помощь. Я сказал, что вы это с самого начала заявили, и подтверждаю это. Считаю долгом предупредить вас, что ввиду того, что ваше дело близится к благоприятному разрешению, к нему хотят приобщиться, а затем и захватить его ряд лиц совершенно отрицательных, преследующих личные политические и корыстные цели. Поэтому нужна крайняя осторожность при представлении (2 гр.) [2]) полномочий».

Набоков.

Телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина послу в Париже Маклакову для Сазонова от 20 мая 1919 г. № 709—384 [3].

Граф Мартель сообщил нам о беседе Пишона с финляндским поверенным в делах по поводу движения финляндцев в Карелию. По этому поводу французское правительство поручило Мартелю нас успокоить, ссылаясь на формальные и исчерпывающие гарантии, данные Финляндией, и указывая на нежелательность какого-либо протеста с нашей стороны, ибо таковой лишь осложнил бы благоприятную для нас политическую обстановку. Со своей стороны мы просили довести до сведения французского правительства: 1) что отнюдь не предполагаем возражать, удовлетворяясь гарантиями, заключающимися в сообщении Пишона; вообще относимся к Финляндии с доверием,

---

[1]) На подлиннике пометы: «Получена 2 июня», «Нач. шт. нами доложено», «Копия наштаверх № 436».

[2]) Так в подлиннике.

[3]) На подлиннике пометы: «20/V», «Зашифровали Смирнов и Граве. 20/V 19».

прося союзников всячески обнадежить последнюю и вызвать ее на активное выступление против Петрограда. 2) Непременным условием такого похода, однако, считаем участие в нем русского отряда Юденича, хотя вовсе не настаиваем на предоставлении последнему руководства, которое, повидимому, должно принадлежать Маннергейму. По занятии Петрограда должна быть установлена русская, а не финляндская администрация. 3) Необходима помощь финляндцам не только оружием, но и финансовая, причем мы готовы сами предоставить им необходимые средства, если союзники облегчат нам реализацию золота. 4) Желательна поддержка операции союзной эскадрой. 5) Необходимо принятие союзниками на себя продовольствования Петрограда, к которому план Нансена мог бы быть применен после его освобождения. 6) С нашей стороны даются доказательства желания удовлетворить справедливые политические стремления Финляндии и высказана готовность, впредь до созыва Учредительного Собрания, признать, как фактическую власть, ее нынешнее правительство, за которым обеспечивается полная независимость в вопросах внутреннего устройства и управления.

Сукин.

Отношение вр. управляющего мин. ин. дел на имя нач. штаба верх. главноком. Д. А. Лебедева от 23 мая 1919 г. № 393.

Секретно.

Вр. управляющий министерством иностранных дел, свидетельствуя совершенное свое почтение его превосходительству Дмитрию Антоновичу, имеет честь препроводить у сего, для сведения перевод ноты здешнего французского высокого комиссариата по вопросу об отношении французского правительства к действиям генерала Юденича.

[Сукин].

Перевод вербальной ноты французского высокого комиссариата [1]).

Французское правительство уведомляет, что оно считает желательным, чтобы генерал Юденич действовал со всеми своими силами в Эстонии, подготовляя последующую операцию на Петроград. Ввиду того, что большинство финляндцев вернулось в свою страну и эстонское правительство обеспокоено наступлением большевиков, представляется, что это правительство не будет более препятствовать планам генерала Юденича.

Окончательное соглашение между генералом Юденичем и Эстонией близко к осуществлению, благодаря переговорам, которые ве-

[1]) Заголовок подлинника; на последнем даты не имеется.

дутся через посредство начальников французских военных миссий в Эстонии и Финляндии. Это соглашение касается исключительно военных целей; что же касается территориальных вопросов, то таковые подлежат разрешению мирного конгресса.

Копия телеграммы, полученной от российского поверенного в делах в Лондоне Набокова [1]).

Нагенмору — разведка. Важные военные приготовления Финляндии от 16 мая, добытые из финского министерства иностранных дел: в понедельник 19 мая должна быть объявлена мобилизация и закончена группировка сил на границе. Удар должен быть произведен одновременно с ударом на эстонском фронте и на Званку. Возможна мобилизация русских отрядов. Ожидается объявление войны большевикам. Повод — переходы границы и требование прекратить террор. АБ. Набоков. 6540/четырнадцатый.

Верно: подпоручик Широков.

Телеграмма адмирала Колчака на имя посланника в Стокгольме Гулькевича от 24 мая 1919 г. № 738 [2]).

Прошу передать генералу Юденичу:

Ознакомившись с донесениями и докладами, представленными через капитана I ранга Ладыженского, верховный правитель повелел вам передать: создание северо-западного фронта на началах, вами проектируемых, признаю вполне целесообразным и подлежащим осуществлению, для чего надлежит напречь все усилия. В этом смысле даны соответствующие распоряжения как относительно предоставления кредитов, так и в целях пополнения ваших сил эвакуированными из Германии военнопленными и офицерским составом. Операция против Петрограда может иметь весьма важное стратегическое значение, отвлекая большевистские силы от сибирского фронта. Занятие столицы нанесло бы большевикам тяжкий моральный удар. Считаю необходимым, чтобы выполнение намеченной задачи происходило в полной уверенности, что она осуществляется по поручению и согласно указаниям Российского Правительства. Уполномочиваю вас принять главнокомандование всеми русскими силами северо-западного фронта. Объявите войскам и русскому населению, что пра-

---

[1]) Заголовок подлинника, на котором след. пометы: «Лондон. № 2073. Подана 24/V 19 г.», «Омск. Генмор. Принята 31/V 19 г.».

[2]) На подлиннике пометы: «Посл. в Пекин и Токио 31 мая 1919 г.», «738. Исп. 24/V».

вительство принимает на себя заботу и руководство их национальными усилиями, направленными к воссозданию русского государства. Передайте от меня приветствие Политическому комитету в лице Карташева.

Адмирал Колчак.

Телеграмма адмирала Колчака на имя посланника в Стокгольме Гулькевича от 24 мая 1919 г. № 739 [1]).

Копия Париж для Сазонова.

Для Юденича.

Ссылаюсь на ваш № 429.

По поводу движения финляндцев в Карелию нами получены от французского правительства успокоительные заверения, которые считаем вполне удовлетворительными. Полагаем, что протестовать нам сейчас не следует, ибо это могло бы лишь осложнить наши отношения с Финляндией, с которой, ради совместных действий против Петрограда, необходимо установить самые дружественные отношения. Вопрос о видах Финляндии на русские территории должен быть отложен до момента, когда русское государство вернет себе голос в международных делах; сейчас же следует избегать постановки таких вопросов, не рассматривая временное занятие территории как основание для будущих притязаний. В этом именно смысле нам даны гарантии французским правительством. Вполне одобряя ваши старания создать русскую администрацию в освобожденных областях Карелии, считаем, что надо избегать трений с Маннергеймом, поскольку остается надежда на его движение против Петрограда. Благоволите телеграфировать ваши соображения.

Адмирал Колчак.

Телеграмма адмирала Колчака на имя посланника в Стокгольме Гулькевича от 26 мая 1919 г. № 740 [2]).

Прошу передать генералу Юденичу.

Ссылаюсь на свой № 739.

Нами ведутся переговоры с союзниками на следующих основаниях: 1) поход Маннергейма на Петроград чрезвычайно желателен, но при непременном условии участия в нем русского отряда под вашим командованием. Так как на финляндцев ляжет главная тяжесть

[1]) На подлиннике пометы: «Послано в Пекин и Токио 31 мая 1919 г.», «23 мая 1919 г.», «Исп. 24/V», «№ 408».

[2]) На подлиннике пометы: «Посл. в Пекин и Токио 31 мая 1919 г.», «№ 409», «Исп. 26/V».

борьбы, то мы считаем возможным согласиться, чтобы общее руководство военными действиями принадлежало Маннергейму. При этом однако мы ставим условием, чтобы, по занятии Петрограда, там была установлена русская, вам подчиненная [1]), а не финляндская администрация. 2) Мы просим о поддержке операции союзным флотом. 3) Обращаемся к союзникам с просьбой принять на себя продовольствие Петрограда, указав, что план Нансена может быть применен к Петрограду, но лишь после освобождения последнего. 4) Просим также союзников о немедленном доставлении снабжения и снаряжения, необходимого для выполнения операций. На финансовую помощь их рассчитывать трудно. Российское Правительство готово само предоставить Финляндии и Эстляндии необходимые кредиты в иностранной валюте, о чем должны быть немедленно начаты переговоры. 5) По вопросу о наших политических отношениях с Финляндией считаем, что признание государственной независимости Финляндии может исходить только от Учредительного Собрания. В настоящее время никто не правомочен вступать в формальные соглашения по этому поводу от имени России. Однако Российское Правительство готово теперь же признать, в качестве фактического, нынешнее финляндское правительство и установить с ним дружественные взаимоотношения, предоставляя ему полную независимость во внутреннем устроении и управлении Финляндией. 6) Что же касается каких-либо компенсаций или вознаграждений за поход на Петроград и возможных притязаний Финляндии на Карелию, то нами получены в этом отношении исчерпывающие гарантии от французского правительства, основывающиеся на переговорах французского министра иностранных дел с финляндским поверенным в делах в Париже. Российское Правительство готово отнестись с полным доверием к Финляндии, полагая, что открытая и ясная позиция, нами занятая, будет лучшим обеспечением правильного решения этих вопросов в будущем. 7) В отношении Эстляндии нашим представителям поручено заверить эстляндцев, что правительство обеспечит за ними самую широкую национальную автономию. Равным образом, им будут даны гарантии в том, что усиление русских частей, находящихся в Эстляндии, имеет единственной целью борьбу с большевиками и что эти части не предназначены для каких-либо действий в ущерб интересам эстонской нации.

Сообщая об изложенном, прошу выполнить все подготовительные действия, которые найдете необходимыми, сносясь непосредственно с Омском для получения нужных указаний как военных, так и политических. Сазонов осведомлен о наших взглядах касательно

---

[1]) Слова: «вам подчиненная» вписаны рукою Колчака.

политической стороны дела и установит с вами надлежащую связь и общность политического воздействия. Вы будете уведомлены особой телеграммой о той финансовой помощи, на которую можете рассчитывать. О пополнениях же, которые могут быть обеспечены вашим формированиям, вам будет сообщено генералом Щербачевым.

Адмирал Колчак.

Секретная телеграмма посла в Лондоне Набокова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 29 мая 1919 г. № 241 [1]).

Передаю сводку последних сведений из Финляндии и Прибалтики: среди русских организаций вновь раскол. Вокруг Юденича и Карташева в Гельсингфорсе группируются сторонники единения с союзниками, вокруг князя Владимира Волконского и генерала Арсеньева в Замбурге более правые элементы, допускающие сотрудничество с германофилами. Вторая группа слабее. Обе настаивают на привлечении Финляндии ценою немедленного признания ее независимости. Положение осложнилось признанием со стороны Франции, Англии, Америки и Японии и усилением левых партий. Поход в Карелию под видом борьбы белых добровольцев против большевиков скрыто поддерживается финляндским правительством, истинные намерения которого пока не ясны. Финны заявили союзникам, что не стремятся поставить их перед совершившимся фактом занятия русских областей, но вместе с тем не отказывались от своих вожделений в отношении последних. Можно предполагать, что занятием Карелии и в особенности Петрограда, если таковое удастся, финны имеют в виду приобретение козырей для последующих переговоров.

Затруднительность создать русскую боевую силу в Финляндии побуждает Юденича перенести базу в Эстляндию. Генерал Головин был в Лондоне для обсуждения вопроса с англичанами. Однако в Эстляндии преждевременные выборы в местное Учредительное Собрание дали перевес левым (1 гр.) ам [2]), которыми даже подняты прения с большевиками. Главнокомандующий эстонским фронтом, бывший полковник русского генерального штаба Лайдонер,— человек вполне порядочный и дружественно настроенный к русским, но эстонцы, получающие снабжение от англичан, ничего не уделяют русскому отряду на нарвском фронте, терпящему острую нужду во всем.

Широко применяемое эстонскими властями отобрание имений у помещиков усугубило рознь между (1 гр.) [2]) эстонцами и балтами,

---

[1]) На подлиннике пометы: «Получена 31 мая», «5/VI. Копия наштаверх».
[2]) Так в подлиннике.

которые в большинстве держались русской ориентации. Рига, после ухода латышских большевистских войск на другой фронт, в руках черни, производящей зверства. Латышское правительство в Либаве недавно свергнуто при еще не совсем ясных обстоятельствах. Военные силы, охраняющие край от большевиков, состоят, главным образом, из германских войск. Действует также русский отряд ротмистра князя (1 гр.) [1]) Ливена. Проектируется немецко-балтийский отряд полковника русской службы Баллода. Настроение большинства латышей большевистское и сепаратистское. Несколько английских и французских морских судов, а также американская военная миссия представляют союзников.

Набоков.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 2 июня 1919 г. № 1167 [2]).

Ваш № 709 получил. Ссылаюсь на мои №№ 739—606.

Доверительно.

Текст заявления финляндского правительства французам мне ими донесен [1]). Он свидетельствует лишь о том, что Финляндия не стремится установить совершившегося факта в карельском вопросе без согласия держав. Считая заявление это неудовлетворительным, настаиваю на безусловном устранении каких бы то ни было территориальных притязаний со стороны Финляндии, кроме, может быть, технического исправления границ.

Ваше заявление Мартелю, особенно пункт 1 и 2, не согласуется с занятой мною позицией. В согласии с американцами, я не допускаю руководящей роли финляндцев в петроградской операции. Считаю, наоборот, самостоятельную активную роль Финляндии крайне опасной, а также недопустимым ставить переговоры в плоскость политических или территориальных уступок со стороны России за временную военную помощь.

Положение Финляндии должно быть урегулировано Россией лишь на изыскании общих руководящих принципов ее национальной политики.

Ваш ответ, без сомнения, лучше было передать обычным порядком через Париж, чем было бы избегнуто получившееся недоразумение.

Сазонов.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На подлиннике помета: «Получена 9 июня».

Секретная телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина послу в Париже для Сазонова от 12 июня 1919 года. № 445 [1]).

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1167 [2]).

Для Сазонова. № 1.

За № 2 передаю телеграмму, которую верховный правитель просит вас срочно доставить Юденичу. Правительство вполне разделяет ваш взгляд, что переговоры об активной помощи Финляндии не следует ставить в плоскость каких-либо политических или территориальных уступок последней. Руководствуясь именно этими соображениями, верховный правитель принял решения, заключавшиеся в пунктах первом и втором номера 709. Не давая сейчас никаких гарантий с нашей стороны и даже не ставя на очередь вопросов о компенсациях, правительство полагает наиболее правильным воздержаться от проявления недоверия к Финляндии, ибо в наших интересах, чтобы все спорные вопросы были решены впоследствии, когда Россия снова окрепнет, теперь же нежелательно чем-либо препятствовать освобождению Петрограда. Чрезвычайно сожалею о происшедшем разногласии. Однако верховный правитель, по докладе ему вашей телеграммы № 1167, поручил подтвердить, что считает безусловно желательным движение Маннергейма и не находит возможным возражать против предоставления финляндцам руководства военными операциями. В этом смысле он неоднократно высказывался перед генералами Ноксом и Жаненом. Моя телеграмма № 709 лишь резюмировала общий ход здешних переговоров, в которых сильный голос принадлежит нашим военным кругам.

Штаб верховного главнокомандующего категорически указывает на необходимость прежде всего иметь в виду интерес борьбы с большевизмом и облегчить напор на Петроград, всемерно побуждая к нему финляндцев и не осложняя положения политическими соображениями.

Сукин.

Секретная телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина в Париж на имя министра ин. дел Сазонова от 13 июня 1919 г. № 458.

Для Сазонова. № 2.

Прошу передать Юденичу. Генерал Нокс передал следующую телеграмму британского военного министерства от 3 июня, на которую он просил отзыва верховного правителя: «Во-первых, непремен-

---

[1]) На подлиннике пометы: «11/VI», «Отпр. 12/VI».

[2]) Далее помета: «Шифром».

ным условием снабжения Прибалтийского края продовольствием является восстановление порядка, для чего необходимо положить конец нынешнему неопределенному положению в Латвии и Лифляндии, где порядок поддерживается исключительно германскими войсками. Во-вторых, согласно статье двенадцатой перемирия, германские войска должны быть заменены, как только это будет возможно, местными организованными силами. К образованию таковых на добровольческих началах надлежит приступить. Для помощи формированиям Эстонии, Лифляндии и Латвии посылается британская военная миссия, главная квартира которой будет находиться в Ревеле и Либаве. В-третьих, вопрос о финансовой помощи ныне рассматривается. В-четвертых, следовало бы избежать появления генерала Юденича на нарвском фронте, ибо эстонцы могли бы недоброжелательно отнестись к его там пребыванию. Что касается снабжения продовольствием и оружием, то союзники готовы предоставить необходимое как русским войскам, так и населению. В-пятых, союзники считают крайне нежелательным всякое движение финских частей к Петрограду и вообще вглубь русской территории».

Верховный правитель не встретил никаких возражений относительно первых двух пунктов. Что касается финансовой помощи, то правительство готово участвовать в таковой. По пункту четвертому верховный правитель разъяснил, что генералу Юденичу поручено главное командование всеми русскими силами северо-западного района, что однако отнюдь не предрешает руководства совместными с эстонцами или финляндцами операциями на этом театре. Не имея возможности судить из Омска, необходимо ли пребывание Юденича на нарвском фронте, верховный правитель полагает, что если бы прибытие его в Эстонию могло действительно вызвать обострения, следовало бы всячески таковых избежать ввиду того значения, которое имеют действия эстонцев. Что же касается движения финских войск на Петроград, то правительство не усматривает причин, по которым следовало бы этому препятствовать, считая такую операцию крайне желательной, при непременном, конечно, условии участия русских войск и установления в занятых местностях русской администрации, подчиненной генералу Юденичу. Само собой разумеется, что активная помощь Финляндии в этом деле и занятие ею тех или иных территорий не могут служить основанием для политических притязаний, так как положение Финляндии может быть урегулировано лишь на основе реальных интересов финляндской нации и российского государства, а не в зависимости от тех или иных временных обстоятельств и совершившихся фактов.

О передаче настоящей телеграммы Юденичу не откажите телеграфировать.

Сукин.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 12 июня 1919 г. № [1]).

Доверительно.

Гулькевич сообщает о получении ваших телеграмм 738, 739 и 740 для Юденича, основанных на докладе Ладыженского. Ввиду во многом переменившегося положения за 4 месяца, прошедших после отъезда Ладыженского, не следует ли отменить указания, больше не соответствующие нынешней обстановке? Вообще считаю предпочтительным вести политические переговоры, касающиеся Финляндии, в Париже, а не в Гельсингфорсе, где почва для них крайне неблагоприятная.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 17 июня 1919 г. № 1339 [2]).

Ваши №№ 605, 709, 739 получены.

Гарантии, данные финнами французам, нам известны, но я отнюдь не считаю их достаточными. Помимо указанных соображений, более своевременная и широкая осведомленность Парижа требует сосредоточения переговоров здесь, а не в Омске и не в Финляндии, где они могут принять нежелательный и невыгодный характер.

Миллер сообщает, что мог бы отправить в Финский залив 2 наших миноносца. Одобряя эту мысль, я поручил Набокову договориться по этому вопросу с англичанами.

Сазонов.

Телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина в Париж на имя мин. ин. дел Сазонова от 18 июня 1919 г. № 1019—473 [3]).

Для Сазонова.

Ссылаюсь на вашу доверительную телеграмму от 12 июня без номера. Мнение верховного правителя относительно финляндской политики не изменилось со времени посылки им инструкций Юденичу. Переговоры, конечно, имелось в виду сосредоточить в Париже,

---

[1]) Номер телеграммы в подлиннике отсутствует. На подлиннике помета: «Получена 16 июня».

[2]) На подлиннике помета: «Получена 24 июня».

[3]) На подлиннике пометы: «Зашифр. Смирнов. Дельвиг. 17/VI 19 г.», «17/VI. На вх. № 632», «Отпр. 18/VI».

Юденичу же были даны лишь руководящие указания и осведомление о том, в каком духе эти переговоры ведутся. Телеграммы №№ 738, 739 и 740 заключают в себе лишь повторение соображений, переданных вам № 709.

Не откажите уведомить, для доклада верховному правителю, в чем именно обстановка изменилась. Отмечаю, что инструкции Юденичу исходят из предположения, что поход Маннергейма на Петроград возможен. 11 июня верховный правитель снова поручил вас просить настаивать на движении финляндцев. Общая военная обстановка на противобольшевистских фронтах и крайняя трудность положения на сибирском театре требуют, чтобы были исчерпаны все средства для нанесения большевикам удара со стороны Петрограда.

Сукин.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 21 июня 1919 г. № 1384 [1]).

Ваши №№ 931, 941 с изложением сообщения Нокса получены одновременно с телеграммой Головина от 12 июня, та, которой британское военное министерство признает полезным привлечь против Петрограда финляндские войска на следующих условиях: во-первых, привлечение всех наличных русских сил; во-вторых, русский главнокомандующий Юденич; в-третьих, общее руководство операциями в руках союзников, но не финляндцев; в-четвертых, Юденич объединяет всю власть в Петрограде и захваченной территории дальнейших формирований. Так как сведения генерала Нокса являются более старыми, чем сведения Головина, я, во избежание недоразумений, счел необходимым передать Юденичу взгляд верховного правителя без пунктов Нокса.

Сазонов.

Секретная телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина на имя министра ин. дел Сазонова от 24 июня 1919 г. № 1089 [2]).

Срочно.

(Шифром С.) Сегодня верховным правителем послана личная телеграмма Маннергейму, текст которой передается вам для сведения за № 2 [3]). Одновременно верховный правитель просит вас сделать

---

[1]) На подлиннике помета: «Вх. № 1 (о. ус.). 1/VII».

[2]) На подлиннике пометы: «Амур. Отпр. 24/VI». «Исх. № 513. 25/VI», «Дубликат».

[3]) См. ниже на стр. 128.

срочное и настойчивое представление правительствам Англии, Франции и Америки в нижеследующем смысле:

Операция, начатая под Петроградом, дала уже весьма положительный результат, посеяв страх в советском лагере, несколько ослабив внимание большевиков на других фронтах и заставляя их принять экстренные меры к обороне столицы. Нами получен ряд сведений о настроении и мероприятиях, подготовляемых большевиками, свидетельствующих о громадном значении, которое они придают сохранению Петрограда. Все это сильно подкрепляет наше убеждение, что для взятия столицы следует напречь все рессурсы и возможности, так как успех такой операции, быть может, спасет много человеческих и материальных сил и приблизит конец страданий многочисленного населения, помощь которому диктуется интересами гуманности.

В связи с этим следует обратить серьезное внимание на начатую большевиками переброску войск под Петроград, которая, в случае, если неприятелю удастся ее срочно выполнить, неминуемо поставит недели через три в тяжелое положение те немногие русские и эстонские части, которые столь успешно ныне действуют под Петроградом.

Надлежит взвесить все последствия создавшейся обстановки и остановиться на определенном плане действий. Общая военная конъюнктура повелительно требует занятия столицы до прибытия большевистских подкреплений. Для этого Российское Правительство считает необходимым добиться наступления финляндских частей и обратилось к Маннергейму, делая призыв к лучшим чувствам самого генерала, благородная и глубоко честная деятельность которого ему известна. Правительство вместе с тем указало финляндцам, что оно не допускает мысли о возможности каких-либо неразрешимых политических осложнений в будущем между правительством освобожденной России и финляндской нацией. В настоящий решительный момент мы обращаемся к союзным государствам с просьбой активно поддержать перед Финляндией указанное представление и убедить Маннергейма немедленно открыть военные действия против большевиков в направлении Петрограда. Мы просим державы отказаться от тех возражений, которые у них могли явиться против движения финляндцев, и надеемся, что союзные правительства отступят от своей прежней точки зрения пассивного и нейтрального отношения к вопросу о занятии Петрограда.

Само собой разумеется, что активная помощь Финляндии в этом деле и занятие ею тех или иных территорий не должны служить основанием для политических притязаний в будущем, так как положение и границы Финляндии могут быть урегулированы лишь на основе реальных интересов финляндской нации и Российского государства,

а не в зависимости от тех или иных временных обстоятельств или совершившихся фактов. В случае, если бы решение этих вопросов в будущем встретило затруднения, Россия охотно воспользуется в этих целях сотрудничеством Лиги Наций.

Русское правительство считает однако необходимым участие вместе с финляндскими войсками и русского отряда, а также установление в Петрограде, по его занятии, русской администрации под руководством генерала Юденича, получившего на то полномочия от верховного правителя и все необходимые инструкции для создания там управления и восстановления законности и порядка на основах, которыми руководствуется Российское Правительство.

По повелению верховного правителя, аналогичное сообщение делается представителям Франции, Великобритании и Америки в Омске с просьбой поддержать ваше представление.

Сукин.

Секретная телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина на имя посланника в Стокгольме Гулькевича от 23 июня 1919 г. № 1078 [1].

Срочно. Копия послу в Париже для С. Д. Сазонова.

(Шифром. № 2). «В эти решительные дни нашей борьбы с разрушительным и анархическим началом большевизма я не исполнил бы своего долга перед Россией, если бы не обратился к вашему превосходительству с совершенно открытым и исполненным глубокого доверия призывом, к которому меня побуждает забота о спасении неисчислимых человеческих жизней, томящихся под режимом большевиков.

Я исхожу из убеждения, что должно быть сделано все возможное для достижения наиболее скорого сокрушения большевизма. Поэтому я хотел бы надеяться, что вы побудите финляндское правительство принять участие в общем деле и перейти к решительным мерам для освобождения северной столицы России, начав активные военные операции в направлении Петрограда.

От имени русского правительства я хочу вам заявить, что сейчас не время сомнениям или колебаниям, связанным с какими-либо политическими вопросами. Не допуская мысли о возможности в будущем каких-либо неразрешимых затруднений между освобожденной Россией и финляндской нацией, я прошу вас, генерал, принять это мое обращение как знак неизменной памяти русской армии о вашем славном прошлом в ее рядах и искреннего уважения России к национальной свободе финляндского народа. Адмирал Колчак».

Сукин.

[1]) На подлиннике пометы: «Амур. Отпр. 23/VI», «27/VI».

Секретная телеграмма посла в Лондоне Набокова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 1 июля 1919 г. № 329 [1]).

Черчилль просит предупредить о неизбежности, вследствие настроения рабочих, постепенного отзыва их войск со всех фронтов, начиная с сентября зимней кампании, почему необходимо принять все возможные меры для достижения решительных результатов в этом году. Помощь всяким снабжением обещал продолжать непрерывно.

Набоков.

Секретная телеграмма посланника в Стокгольме Гулькевича на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 2 июля 1919 г. № 362 [2]).

Во исполнение повеления верховного правителя я командировал советника Бера в Гельсингфорс.

Считаю вместе с тем долгом доложить, что в Финляндии за последнее время внутреннее состояние значительно обострилось. Брожение сильное. Число недовольных, примыкающих к красным, растет. Социалисты, составляющие две трети сейма, против вмешательства в русские дела. Двинуть финнов на поход против большевиков Маннергейм едва ли сможет без риска одновременно вызвать кризис власти.

С другой стороны, Маннергейм до сих пор подчеркивал, что прежде всего он — финляндец и в политике своей руководится исключительно выгодами Финляндии. Прежние отношения к России всячески обходит. О службе вспоминает с глазу на глаз с великосветскими русскими друзьями, отпускает их очарованными и этим поддерживает в их среде и через них у союзников убеждение в своем руссофильстве. Вне частного обихода не оказывает никакого личного влияния, которое свидетельствовало бы о любви к России, даже когда дело доходило до крайних проявлений нетерпимости к русским. В частности, не принято никаких мер для улучшения положения русского офицерства, терпящего всякие гонения в Финляндии.

Тщательно избегая в вышеизложенном критики действий Маннергейма, считаю тем не менее необходимым осведомить о сложившейся обстановке. Исходя из нее, опасаюсь, что вероятным следствием обращения будет ведение Маннергеймом длительных переговоров о территориальных уступках.

По получении вестей от Бера буду телеграфировать.

Гулькевич.

---

[1]) На подлиннике помета: «Получена 9 июля».

[2]) На подлиннике помета: «Получена 20 июля».

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 4 июля 1919 г. № 1583—32 [1]).

Генерал Юденич телеграфирует: «Последнее мое посещение и объезд фронта показали с очевидностью, что оставлять там дело в прежнем виде невозможно. Недостаток во всем ощущается с полной ясностью, особенно нехватает шинелей и белья. Зависимость корпуса от эстонцев также тормозит развитие сил, однако, несмотря на крайне неблагоприятные условия, корпус все же развернулся и представляет ныне серьезную силу в 30 тысяч человек. Необходимо немедленно принять меры для успешного развития сил фронта. Снабжение продовольствием на один месяц мною налажено, паек доведен до одного с половиной фунта в день; он будет приостановлен, если не будут уплачены наличные деньги. На освобождение русских сил от эстонской зависимости и благотворительности также нужны деньги, устройство гражданского управления требует также крупных средств. Отсутствие денег сказывается во всем. Так продолжаться не должно. Большевики бросают сюда большие подкрепления, делают этот фронт главным, заявляя также остальные (1 гр.) ные [2]) опасности далеки и что нужно сокрушить белые силы здесь — посему прошу экстренно ассигновать мне на самые неотложные нужды на июль и август (1 гр.) [2]) 5 миллионов рублей, сверх ассигнованных вами 22 миллионов франков, которые до сих пор еще не получены. Об остальных ассигнованиях представлю дополнительно».

Сазонов.

Телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина на имя министра ин. дел Сазонова от 5 июля 1919 г. № 7 [3]).

Срочно.

Высокий комиссар Англии передал нам просьбу своего правительства, срочной телеграммой запросившего письменное подтверждение верховным правителем соглашения, достигнутого между Юденичем и финляндским правительством.

Текст этого соглашения одновременно нам передан англичанами, причем целый ряд пунктов его неясен вследствие ошибок шифра. Со своей стороны воздержимся от ответа до получения от вас как полного текста соглашения, так и вашего отзыва по существу его. В частности, не откажите дать разъяснение, как следует толковать параграф о предоставлении Финляндии выхода на Ледовитый океан и что зна-

[1]) На подлиннике пометы: «Получена 17 июля», «Копия сообщена нач. штаба... 18/VII 1919 г. за № 581».

[2]) Так в подлиннике.

[3]) На подлиннике помета: «Отпр. 5/VII».

чит ссылка на соответствующий декрет. Неясна также статья о самоопределении Олонецкой и Карельской областей. Вообще, на первый взгляд, документ представляется мало приемлемым. С другой стороны однако военные соображения повелительно требуют побуждения финляндцев к походу на Петроград. Ваш срочный ответ необходим.

Сукин.

Перевод сообщения английского комиссара Элиота в Омске о соглашении ген. Юденича с финляндским правительством [1]).

Между генералом Юденичем, со стороны русского правительства северо-западного фронта, и финляндским правительством заключены нижеследующие условия, как основа для окончательного договора, который имеет вступить в силу, когда это позволят обстоятельства:

1. Независимость Финляндии признается без всяких оговорок.

2. а) За Карелией и Олонецким краем признается право на полное национальное самоопределение. Когда, каким образом и в каких границах это право будет осуществлено, будет решено мирной конференцией или Лигою Наций.

б) Русские подданные финской национальности, проживающие около Петрограда, имеют право сохранить свою религию, язык, суды, управление и школы.

в) Русским паломникам предоставляется свободный доступ в Ладожское озеро и Валаамский монастырь и (следует неясный текст) [2]).

г) На Ладожском озере допускается финское судоходство на равных условиях с русским, с уплатою транзитных пошлин на грузы.

д) Ни Россия, ни Финляндия не будут иметь на Ладожском озере военных судов.

е) Финским подданным будет уплачено вознаграждение за утраченную в России частную собственность на одинаковых основаниях с подданными союзных держав. Русские подданные будут пользоваться покровительством Финляндии.

ж) Мирная конференция или Лига Наций имеют разрешить вопрос о нейтрализации Балтийского моря и Финляндии.

3. а) В отношении Финляндии со стороны будущего правительства объединенной России будет установлен преференциальный торговый и тарифный режим, существующие же правила сохранят свою силу до установления такового правительства.

4. Нижеследующие юридические вопросы, вытекающие из бывшей унии с Россией, подлежат разрешению:

---

[1]) Перевод сделан в мин. ин. дел Колчака.

[2]) Так в подлиннике.

а) Государственные налоги и военные издержки (далее следует неясное постановление, касающееся Аландских островов) [1]).

б) Все находящиеся в Финляндии порты и строения, принадлежавшие прежде России, переходят в собственность Финляндии. Вопрос об остальном русском военном имуществе подлежит обсуждению особой комиссии, которая установит размер вознаграждения, подлежащего уплате.

в) Имущество не военного характера имеет быть приобретено государством, в котором оно находится (следуют исключения из этого правила, недостаточно ясные) [1]).

г) Точный порядок осуществления императорского указа 15 февраля 1864 г., касающегося обмена территориями, который давал бы Финляндии доступ к портам Арктического океана, имеет быть установлен Лигою Наций или мирной конференцией.

Проект письма адм. Колчака на имя английского комиссара в Омске Элиота [2]).

Осведомившись о существе происходивших между генералом Юденичем и финляндским правительством переговоров, известие о коих передано мне вашим превосходительством, имею честь просить вас довести до сведения великобританского правительства, что условия выработанного в результате этих переговоров военного соглашения, состоящего из пяти пунктов, полностью мною одобряются. Ввиду неясности телеграфной передачи пункта 2, считаю долгом отметить, что пункт этот понимается нами как обеспечение русской администрации под руководством генерала Юденича в освобожденных областях России.

Что касается политической части переговоров, то Российское Правительство считает необходимым заявить, что оно в настоящее время является уполномоченным устанавливать лишь временные, фактические взаимоотношения, не видя себя в праве ни в какой мере предрешать суждения будущего Учредительного Собрания.

Такой взгляд был уже мною высказан в ответе державам на их ноту от 26 мая с. г., причем сделанные мною заявления были признаны ими удовлетворительными и обеспечивающими «свободу и мир для русского народа и его соседей» [3]).

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Проект напечатан на машинке. На подл. помета: «Окончательный проект».

[3]) Далее в подлиннике зачеркнуто: «Исходя из такого убеждения и вновь заявляя, что Российское Правительство может устанавливать лишь временные фактические взаимоотношения, я имею честь довести до сведения вашего превосходительства нижеследующее:»

1) Российское Правительство признает установившееся в Финляндии правительство [1]).

2) Российское Правительство желало бы ныне же вступить в переговоры с финляндским правительством [2]) и готово срочно разрешить поднятые финляндским правительством вопросы на основах [3]), которые удовлетворили бы практические нужды Финляндии.

3) Окончательное решение финляндского вопроса будет возможно только после созыва Учредительного Собрания.

4) Российское Правительство полагает, что, в соответствии с духом нового международного уклада, разрешение финляндского вопроса должно быть поставлено не на почву каких-либо преходящих событий или фактических завладений, а рассматриваться исключительно на основе жизненных интересов финляндской нации и российского государства.

5) Российское Правительство охотно воспользуется при решении финляндского вопроса дружественным сотрудничеством Лиги Наций.

Принимая во внимание необходимость, по военным соображениям, не терять ни одного дня для установления активного сотрудничества наших и финляндских войск для движения на Петроград, я имею честь просить великобританское правительство признать сделанные мною заявления достаточными и обеспечивающими справедливое решение финляндского вопроса, а также не отказать высказаться в этом смысле перед правительством Финляндии.

Копия телеграммы посла в Лондоне Набокова от 8 июля 1919 г. № 98-4018 [4]).

По сведениям датского генерального штаба, самостоятельных активных действий финнов против Петрограда ожидать нельзя, так как красными коммунами ведется подготовка беспорядка в случае ухода войск. АБ. Набоков. 944/15.

Верно: подпоручик Широков.

---

[1]) Первоначально: «Российское Правительство признает независимость Финляндии».

[2]) Первоначально: «с установившимся в Финляндии правительством».

[3]) Слова: «на основах» вписаны над строкой. — Все исправления сделаны рукой Сукина.

[4]) На подлиннике пометы: «Лондон. № 98-4018. Подана 8/VII 19», «Омск. Генмор. Принята 14/VII 19».

Копии телеграмм, полученных от российского поверенного в делах в Лондоне Набокова [1]).

Весьма срочно.

Генерал Юденич просил передать: «Омск, верховному правителю адмиралу Колчаку. Совершенно секретно. 109. Слабость северного корпуса, отсутствие необходимых средств снабжения и вооружения, невозможность прямого участия «Мурманской» группы войск (безусловная) [2]) численность сил большевиков, опасение наступления их на Финляндию с целью распространения большевизма на Запад, невыразимые нравственные и физические страдания Петрограда, служащего однако источником усиления большевиков и потому требующего . . . решающей (пропуск в телеграмме . . .) [2]) неотложного его занятия, — заставили меня, следуя принципу сосредоточения сил, для выполнения задачи спасения Петрограда с непременным (про)движением [2]) на юг, выяснить возможность привлечения финляндских войск. Маннергейм, вполне русский, Асвыс (держится) [2]) лишь опираясь на политические круги и народные массы, от которых он всецело зависит. Цель поднять народ и вывести его из (обычного) [2]) желания лишь обороны. Маннергейму необходима (предварительная) [2]) тайная политическая подготовка, а затем . . . . . [2]) общественном мнении достаточно привлеченного общественными выгодами. Исходя из указанных предпосылок, установлены следующие условия соглашения. Статья первая: безусловное признание независимости Финляндии. Статья вторая: 1) Финляндия не участвует в государственном долге России и обратно. 2) В обладании Финляндии остаются Российское . . . . . (1 гр.) [2]) военное имущество и сооружения. Имущества случайно [2]) военного характера рассматриваются смешанной комиссией. 3) Государственные не военные обстоятельства [2]) подлежат взаимному выяснению и возмещаются. 4) Высочайшее объявление 15 февраля 1864 г. о передаче Финляндии ближайшей к ее границе полосы, дающей выход к зимнему порту Ледовитого океана, подлежит выполнению в краткий срок, при содействии мирной конференции или Лиги Наций. Статья третья: 1) Признание права полного самоопределения за карелами Олонецкой и Архангельской губерниях [2]) в границах, точно устанавливаемых международной комиссией. Порядок осуществления права и контроля зависит от мирной конференции и Лиги Наций. 2) Финны Петроградской губернии получают те же национальные права, как и другие народности Рос-

[1]) Заголовок подлинника. На подлиннике пометы: «Лондон. Подана 11/VII», «Омск. Генмор. Принята 17/VII».

[2]) Так в подлиннике.

сии, одинаковые права предоставляются русским в Финляндии. 3) Русским паломникам открывается свободный доступ на «Валаам». Обитатели монастыря освобождаются от обязательств финского подданства. 4) Финляндские коммерческие суда проходят, не входя в Ладожское озеро, к своим портам, подчиняясь общим правилам транзита. 5) Стороны не содержат военных судов в Ладожском озере. 6) При возмещении убытков частным лицам Финляндия приравнивается к союзным нациям. Статья четвертая: торгово-тарифные отношения России и Финляндии, до общего пересмотра, остаются прежними. Военно-административное соглашение следующее: Маннергейм [руководит] своей [1]) операцией русскими войсками, наступающими на финском фронте, через меня. Управление местностью и Петроградом переходит немедленно ко мне, равно как полная свобода распоряжений войсками и формирование. Финские войска выдвигаются и ждут смены. При всех частях русско-офицерский контроль, который принимает пленных и задержанных и распоряжается ими. Всем сноситься через русских офицеров. Военная добыча не допускается. Без принятия полностью этих условий наступление финнов невозможно. Более того. Необходимая помощь Маннергейму [1]) получить от англичан прямое предложение наступать с обещанием поддержки деньгами и вооружением. Финляндия в мобилизационном отношении готова. Но упущение времени создает для Маннергейма внутреннюю политическую обстановку, исключающую выступление. Через 2 недели может быть избран новый президент Финской республики. Ввиду всего сказанного, учитывая возможность продлительности [1]) срока до получения от вас ответа, докладываю, что чрезвычайные обстоятельства могут вынудить меня решиться утвердить условия и предпринять совместное выступление. Июля 8 дня. № 84 секретный. Юденич». АБ.

Набоков. №№ 959/3, 960/4, 961/5, 962/6, 963/7. Расшифровал подпоручик Герасимов.

Мичман [подпись] [2]).

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 12 июля 1919 г. № 1587—33 [3]).

Совет четырех обратился 9 июля к генералу Маннергейму с телеграммой, извещающей его о неимении со стороны союзных прави-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На подлиннике далее резолюция Колчака: «Генералу Юденичу. Не вступайте ни в какие договорные условия с финляндским правительством. Условия неприемлемы, и нет уверенности в дружеской помощи Финляндии. Адмирал Колчак».

[3]) На подлиннике пометы: «Получена 17 июля», «Вх. 62. 18/VII».

тельств возражений против операций финляндских войск против большевиков, если бы подобные операции были предприняты.

Сазонов.

Секретная телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина послу в Париже Маклакову от 15 июля 1919 г. № 39.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 7.

(Ш.) Очень прошу ускорить отзывом, а также сообщить, как отнеслись союзники к нашему обращению, переданному вам в № 1089. В ожидании выяснения его результатов, а также до получения ответа от Маннергейма, мы воздерживаемся от ответа Элиоту. Кроме того, желали бы знать, как следует рассматривать соглашение Юденича с финляндцами, является ли оно только предварительным или же спрашивается санкция верховного правителя для уже совершившегося факта.

Сукин.

Секретная телеграмма посланника в Швеции Гулькевича на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 16 июля 1919 г. № 7 [1]).

Передаю только что полученный ответ генерала Маннергейма на телеграмму верховного правителя:

«Прошу ваше высокопревосходительство принять мою благодарность за телеграмму от 23 июня, полученную мною 4-го сего месяца. Большинство финляндского народа вместе со мною с сочувствием следит за борьбой, которую вы во главе храбрых русских войск ведете с целью истребить большевизм, тем более, что и мы принимаем в ней участие, раздавив в Финляндии красное восстание, которое поддерживается и направляется советским правительством, а затем в лице добровольцев, откликнувшихся на зов эстонского народа и населения Олонецкой губернии в их тяжелой борьбе против большевиков. Хотя я и уверен, что и впредь мы будем в состоянии уничтожить всякую попытку поднять в Финляндии красное знамя революции, тем не менее знаем, что существующая в них Советская власть представляет для нас постоянную угрозу и далеко не безучастна к страданиям, переживаемым русским народом под игом большевиков [2]). Помимо гуманной стороны вопроса, взятие Петрограда имело бы большое значение, ввиду значения этого города как опорного пункта военных действий Советской власти в северной России, ввиду сосре-

[1]) На подлиннике помета: «А. К[олчак]».

[2]) Так в подлиннике.

доточения в нем всех нитей северо-европейской революционной пропаганды. Поэтому финляндскому народу и его правительству далеко не чужда мысль об участии регулярных финляндских войск в освобождении Петрограда. Не стану от вас скрывать, господин адмирал, что, по мнению моего правительства, финляндский сейм не одобрит предприятия, приносящего нам хотя и пользу, но требующего тяжелых жертв, если мы не получим гарантий, что новая Россия, в пользу которой мы стали бы действовать, согласится на некоторые условия, исполнение которых мы не только считаем необходимым для нашего участия, но также необходимой гарантией для нашего национального государственного бытия. Г. Маннергейм. 14 июля 1919 г. Р. Хольсти, министр иностранных дел».

Гулькевич.

Телеграмма ген. Миллера адм. Колчаку из Архангельска от 18 июля 1919 г. № 513—34 б. [1]).

. . . . литическим Европы и близкой возможности ухода союзных войск из Севобласти. Изолированное положение области в этом случае, принимая во внимание недостаточную иногда устойчивость северных мобилизованных войск, покоющуюся на обещании поддержки всей Европы, станет безвыходным. Русские силы в Эстляндии состоят лишь из трех тысяч добровольцев из . . . . . тысяч красных, перешедших на нашу сторону. Вероятность успехов этих сил без поддержки финнов весьма слабая. Изложенное требует немедленных категорических . . . . , о чем настоятельно прошу срочно меня уведомить. В разговоре с Марошевским Маннергейм подчеркивал необходимость принятия этих условий полностью Северной областью. Принимая во внимание положение правого фланга сибирской армии в настоящий . . . . . , учитывая полную необходимость оказать активную поддержку сибирским войскам и недостаточную силу войск северной России, правительство полагает необходимым принятие условий Маннергейма и предлагаемую помощь. В вопросах . . . . . положения России . . . . . небольшие крайними в виде уступки порта на Печенеге [?] являются деталью и выгоды предлагаемой помощи . . . . . их оправдывают. Нельзя не предвидеть при существующей по . . . . . .

(На этом слоге телеграмма прерывается) [2]).

Миллер.

---

[1]) На подлиннике пометы: «Расшифровал полковник [подпись]. № 1236, 20/7, 12—55. Примечание: . . . . (точками) обозначены места пропуска в радиотелеграмме».

[2]) Так в подлиннике.

Секретная телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина ген. Миллеру в Архангельск от 20 июля 1919 г. № 1218.

Срочно.

(Ш.) Верховный правитель просит срочно передать генералу Юденичу: «Ваш № 84 получил. Не вступайте ни в какие договорные обязательства с финляндским правительством. Условия соглашения неприемлемы, и нет уверенности в активной помощи [1]) Финляндии. Адмирал Колчак».

Сукин.

Секретная телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина в Париж на имя министра ин. дел Сазонова от 20 июля 1919 г. № 64 [2]).

Ссылаюсь на мою телеграмму № 39.

(Ш.) Из только что полученной через Лондон телеграммы Юденича номер восемьдесят четвертый узнаем, что генерал считает неизбежным заключение соглашения с финнами и, быть может, уже подписал его. Верховный правитель не находит однако возможным санкционировать это соглашение и предлагает Юденичу воздержаться от его заключения. Опасаюсь, что наша телеграмма будет им получена уже после подписания. Необходимо обсудить создающуюся таким образом обстановку, для чего ожидаю ваших указаний. С другой стороны, из сообщения, сделанного мне Мартелем, явствует, что державы отнеслись к нашему обращению (моя телеграмма № 1089) достаточно пассивно, ограничившись заявлением о неимении с их стороны препятствий к выступлению Финляндии. Мы выразили Элиоту и Мартелю сожаление по поводу безучастной позиции, занятой державами в деле освобождения Петрограда, подчеркнув, что мы принимаем к сведению для будущего тот принцип «невмешательства», на который они сочли нужным встать в настоящий трудный момент, переживаемый Россией. Не сочтете ли вы полезным письменно закрепить в Париже это начало невмешательства в русско-финляндские отношения.

Сукин.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 20 июля 1919 г. № 1652—54 [3]).

Соглашение Юденича с Маннергеймом:

Статья первая, безусловное признание независимости Финляндии.

Статья вторая, во-первых, Финляндия не участвует в государственном долге России и обратно. Во-вторых, в обладании Финляндии

[1]) Слово: «дружеской», как было в резолюции Колчака (см. выше стр. 135) Сукин заменил словом: «активной».

[2]) На подлиннике пометы: «Шифр. . . . 20/VII», «Отпр. 21/VII».

[3]) На подлиннике пометы: «Получена 20 [?] июля», «Вх. № 98. 27/VII 1919».

остается русское чисто военное имущество и сооружения. Имущество полувоенного характера рассматривается смешанной комиссией. В-третьих, государственные и военные имущества подлежат взаимному выкупу и возмещению. В-четвертых, высочайше объявленный 15 февраля 1864 г. [указ] о передаче ближайшей к ее границе полосы, дающей выход к зимнему порту Ледовитого океана, подлежит исполнению в краткий срок при содействии мирной конференции или Лиги Наций.

Третья: во-первых, признание права полного самоопределения за карелами Олонецкой и Архангельской губерний в границах, точно установленных международной комиссией. Порядок осуществления права и контроля зависят от мирной конференции или Лиги Наций. Во-вторых финны Петроградской губернии получают те же права, как и другие избиратели (1 гр.) [1]. Одинаковые права предоставлены русским в Финляндии. Русским паломникам предоставляется свободный доступ в Валаам. Обитатели монастыря освобождаются от запретов Финляндского за . . . [2]. В-четвертых, финские коммерческие суда проходят Неву в Ладожское озеро к своим портам, подчиняясь общим правилам транзита. В-пятых, стороны не держат военных судов в Ладожском озере. В-шестых, при возмещении убытков частным лицам Финляндия приравнивается к союзным нациям.

Статья четвертая: торгово-тарифные отношения России и Финляндии остаются до общего пересмотра прежними.

Военно-административное соглашение следующее: Маннергейм руководит всей операцией русскими войсками, наступающими на финском фронте, через Юденича. Управление местностью и Петроградом переходит немедленно к Юденичу, равно как и полная свобода распоряжения войсками и формированиями. Финские войска выдвигаются и ждут смены. При всех частях русский офицерский контроль, который принимает пленных и задержанных и распоряжается ими. Все сношения с населением через русских офицеров. Военная добыча (1 гр.) [1] не допускается.

Сазонов.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 20 июля 1919 г. № 1651—53 [3].

Ссылаюсь на свой № 1569—24.

Передавая вам за № 1652—54 полученный из Лондона текст соглашения Юденича с Маннергеймом, нахожу его неприемлемым как

[1]) Так в подлиннике.
[2]) В подлиннике пропуск.
[3]) На подлиннике помета: «А. К[олчак]».

нарушающий существенные интересы русских и вместе с тем не обеспечивающий взятия Петрограда.

«Безусловное» признание независимости Финляндии противоречит жизненной необходимости обусловить это признание гарантиями безопасности для России. Ссылка на 1864 г. маловажна. Финны добиваются выхода к Ледовитому океану в смысле присоединения Печенги, что представляется мне недопустимым. «Самоопределение» карелов скрывает притязание на части Олонецкой и Архангельской губерний. Взамен этих главных уступок, которых никто, кроме Учредительного Собрания, не в праве делать, нам обещается морское выступление финских войск даже без обязательства действительно достигнуть определенной цели.

Лично я сомневаюсь, что Маннергейму вообще удастся выступить против Петрограда вследствие внутренних политических затруднений. Между тем, по сведениям из Стокгольма, соглашение с Юденичем уже подписано.

Сазонов.

Копия телеграммы, полученной от посла в Лондоне Набокова [1].

Нагенмору Фомину. По секретно [2]. Юденич со своим штабом при поддержке англичан переезжает на юг. Сюда приехал английский генерал Гоф. Финской мобилизации пока нет, но на границе идет перегруппировка войск. Переезд генерала и принятие командования будет, очевидно, происходить с получением через Париж из Сибири денег. У шведов [в] займы получены пищевые запасы, так как собственных на . . . . . точка [2]). Тыл железных дорог в руках англичан. АБ. Набоков. 982/8.

Верно: подпоручик Широков.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 23 июля 1919 г. № 1679—60.

Посланник в Швеции телеграфирует, что откладывающиеся выборы президента в Финляндии позволяют ждать вскоре переворота, который может открыть путь сотрудничества.

Сазонов.

---

[1]) На подлиннике пометы: «Лондон. № 114815. Подана . . . .» ,«Омск. Генмор. Принята 20/VII 19 г.».

[2]) Так в подлиннике.

Копия секретной телеграммы посла в Лондоне Набокова от 24 июля 1919 г. № 1015—12.

Финские военные власти считают, что столкновение с большевиками неминуемо. Если не начнет Финляндия, то начнут большевики. Считают опасным дальнейшее бездействие, сосредоточенные у границы войска подвергаются пропаганде. Для общественного мнения — нуждаются в предлоге для начала военных действий, пытались создать его провокацией, пока неудачно. В случае провала Маннергейма на выборах, опасаются выступления белой гвардии и провозглашения диктатуры. По слухам, начало военных действий большевиков и выступление красных внутри страны приурочивают к выборам президента. АБ. Набоков.

Верно: делопроизводитель подпоручик Широков.

Секретная телеграмма вр. управляющего мин. ин. дел Сукина ген. Миллеру в Архангельск от 26 июля 1919 г. № 1230 [1]).

(Ш.) Ваша телеграмма № 513 получена в чрезвычайно искаженном и неполном виде. По общему ее содержанию верховный правитель поручил передать:

Движение финляндцев на Петроград признавалось правительством срочно необходимым. При этом принималась во внимание как исключительная важность с общестратегической точки зрения взятия Петрограда, так и недостаточность сил корпуса Юденича для этой цели. Равным образом учитывалось и положение Северной области, изолированность которой, в случае ухода союзных войск, требует достижения решительных успехов ранее наступления зимы. Все указанные причины побудили правительство начать настойчивые переговоры с финляндцами и державами. В результате таковых выяснилось, что союзные правительства продолжают занимать в Петроградском вопросе пассивную позицию, финляндское же правительство решило, повидимому, использовать положение, чтобы добиться крупных уступок с нашей стороны. Условия, поставленные Финляндией, признаны нами совершенно неприемлемыми [2]). С другой стороны, нет никакой уверенности, что даже в случае их принятия Финляндия реально выступит против Петрограда. Вся совокупность получаемых

[1]) На подлиннике пометы: «Копия Сазонову», «Секретная телеграмма послу в Париже. Омск, 26 июля 1919 г. № 94», «Для Сазонова телеграфирую Миллеру (следует текст телеграммы Миллеру)», «Шифр. А. Марков. Граве. 29/VII», «Отпр. 30/VII».

[2]) К этому месту сделана карандашом рукою Сукина сноска, не поддающаяся прочтению.

нами сведений указывает на несочувствие финляндского общественного мнения каким-либо наступательным операциям против большевиков. Положение самого Маннергейма, повидимому, непрочно и вынуждает его держать себя сдержанно и осторожно. Наконец, генерал Юденич указывает, что Финляндия двинется лишь в случае прямого побуждения ее к тому со стороны союзников, особенно Англии. Этого однако до сих пор не удается добиться.

Не откажите сообщить вашу оценку по существу настоящих соображений.

Сукин.

Секретная телеграмма министра ин. дел Сазонова на имя вр. управляющего мин. ин. дел Сукина от 29 июля 1919 г. № 1750—84.

Ссылаюсь на мой номер 1651—52.

Сделанное державами по нашей просьбе заявление финляндскому правительству, к сожалению, не было достаточно решительным, чтобы побудить финнов выступить. Державы скорее старались склонить нас к уступчивости в отношении финляндских политических требований, кроме сего заявлений в смысле «невмешательства» в русско-финские отношения здесь мне не было сделано.

Полагаю, что если Юденич действительно подписал предложенное им соглашение, оно никак не может быть утверждено верховным правителем, и надо будет об этом тотчас же объявить, во избежание обвинения нас в неискренности.

Избрание президентом вместо Маннергейма Стольберга вообще уменьшает вероятие выступления финнов.

Тем настойчивее нужно стремиться к освобождению Петрограда со стороны Эстляндии русскими войсками. Для этого здесь напрягаются все усилия для получения скорой помощи от англичан и американцев, но необходимы срочные меры для снабжения Юденича из Омска . . . . . деньгами . . . . [1]).

Сазонов.

Секретная телеграмма на имя председателя совета министров посла в Лондоне Набокова от 11 августа 1919 г. № 512.

Лично.

Поступающие ко мне из вполне достоверных источников сведения о положении вещей в Финляндии и Балтике заставляют меня высказать следующие два основных положения: во-первых, новая Россия должна искать опору в Англии и Америке, ибо расшатанная

[1]) Многоточие в подлиннике.

Франция никому опорой не может быть, и, во-вторых, русская государственность должна учесть русскую революцию.

Мы не охраняем также идей великодержавной России довоенного времени. Мы должны сознаться, что независимость Польши и Финляндии в национальных границах — совершившийся факт и что ссылки на решение этих вопросов Учредительным Собранием никого не убеждают.

Все опасения моих телеграмм относительно Финляндии оправдались. Со времени провала Маннергейма на выборах немецкое влияние растет ежедневно. Игра Германии — с одной стороны, поддержка большевиков, с другой, германофильствующих реставраторов старого режима. Таким образом Германия надеется вернее эксплоатировать Россию. Большинство русского офицерства ненавидит Антанту. Англия на словах сочувствует нам, а на деле поощряет самостоятельность балтийских провинций в ущерб России. Стремясь парализовать немецкое влияние, берет себе в союзники местное правительство, чем достигает противоположного результата, ибо возбуждает негодование русских. Англичане теперь задерживают помощь под предлогом «германофильства» русских. Французы бездействуют. Американцы ничего в положении в Балтике не понимают. Юденич сидит без денег и теряет почву. Только отряд в четыре тысячи отборных войск сформировать не может, но скоро начальники боевых частей его признавать перестанут. Между тем Петроград гибнет, а на севере грозит катастрофа. Выход один — безусловное признание независимости Финляндии и соглашение с Антантой в Омске, основанное на определенных гарантиях правительств за снабжение северо-западной армии, с привлечением к ней добровольцев-иностранцев. Совершенно достоверно известно, что в Англии свободных денег нет. Поэтому все усилия должны быть направлены на Америку в части материальной. Английские представители продолжают, в соответствии с тем, что говорим им здесь мы, указывать на необходимость политической поддержки.

Набоков.

Секретная телеграмма ген. Деникина адм. Колчаку из Таганрога от 20 августа 1919 г. № [1]).

Еще в декабре прошлого года, по получении первых известий о предполагавшемся походе Маннергейма на Петроград, я поручил высказать союзным представителям в Екатеринодаре следующую точку

[1]) Номер телеграммы в подлиннике отсутствует. На подлиннике помета: «А. К[олчак]».

зрения. «В силу особых отношений, существующих между Россией и Финляндией, русский народ не может допустить вооруженного вмешательства финнов в свои внутренние дела. Территория России может и должна быть освобождена исключительно русскими же, при содействии союзных держав». Об изложенном доношу ввиду полученных мною сведений о договоре, заключенном недавно генералом Юденичем с генералом Маннергеймом. Всецело разделяя оценку этого акта, данную вам Сазоновым в телеграмме № 1651—53, считаю долгом совести представить вам, что этот договор, нарушающий высшие интересы русского государства, является на мой взгляд недопустимым и не имеющим ни . . . . . [1]) юридической силы.

Деникин.

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

Совещание губернаторов в 1916 году.

За девять месяцев до Февральской революции министром внутренних дел Штюрмером было созвано «с всемилостивейшего соизволения» царя совещание губернаторов центральных губерний тогдашней России. В задачи этого совещания, по словам Штюрмера (см. публикуемую ниже его «всеподданнейшую записку»), входило «освещение всех сторон жизни империи и нужд времени — как настоящего, так и непосредственно последующего за завершением войны, и обсуждение необходимых мероприятий, обеспечивающих благополучный переход от исключительности условий военного времени к мирной обстановке». За этой витиеватой формулировкой скрывалась очень простая мысль: царизм в предчувствии революционного взрыва пытался подсчитать свои силы; губернаторы своей информацией о настроении населения на местах должны были вскрыть действительное положение вещей.

Публикуемые материалы о совещании — 1) всеподданнейшая записка министра внутренних дел и 2) журнал совещания дают довольно полное представление об этом последнем слете виднейших представителей местной самодержавной власти.

Штюрмер, давая отчет царю о совещании, старается смягчить остроту положения в стране, как оно было обрисовано губернаторами. Однако тревога матерого бюрократа за ближайшее будущее чувствуется даже и в этом внешне оптимистическом документе. В союзах земств и городов и в кооперации, — пишет Штюрмер, — «каждое полезное по существу начинание использовывается в целях противогосударственного настроения умов, и с явлениями этими правительству предстоит серьезная борьба». Крестьянство «...чрезвычайно чутко к всевозможным слухам, доносящимся из армии; в последней же усилиями врага и его неуловимых приспешников идет серьезное брожение в смысле разжигания вожделений к бесплатному увеличению земельной собственности [Разрядка наша. *Ред.*]. Явление это создает тем большую опасность, что одновременно с ним подпольными агитаторами ведется пропаганда среди рабочих промышленных предприятий, которые, несомненно, окажут поддержку почину беспорядков». И далее: «Настроение в губерниях изменилось не в пользу правых партий». Единственная надежда — на дворянство, но, «к сожалению, поместное дворянство в численном своем составе все уменьшается», к тому же и среди дворянства наблюдаются «уклонения»: в Черниговской губернии дворянство настроено несколько оппозиционно, но не безнадежно, в Тульской — общеземский союз, с кн. Львовым во главе, приобрел

много приверженцев путем предоставления льгот по воинской повинности и субсидий под видом разъездных и суточных денег; в Костромской губернии «...местный элемент совсем ненадежен» и т. д.

Так губернаторами было обрисовано положение на местах. В общем, для оптимистических выводов материала было очень мало. Что же предлагали губернаторы для спасения самодержавия?

Как и следовало ожидать, дальше обычных полицейских мероприятий в борьбе с растущим революционным движением они в своих предложениях не пошли: общеземский союз «по окончании военных действий должен быть закрыт». «Лишить кооперативы каких бы то ни было функций, кроме экономических, не допускать их районных объединений, а главное — ввести все дело кооперативов в уклад государственного управления, отдав их в руки земства». В целях воздействия на военнопленных, отказывающихся иногда от работ, ввести телесные наказания.

Как о курьезе следует упомянуть о попытке подойти к частичному разрешению вопроса о земле путем наделения «на льготных условиях» землей солдат-георгиевских кавалеров: «В совещании было высказано мнение о желательности что-либо сделать к концу войны в этом направлении, хотя бы в форме предоставления георгиевским кавалерам возможности приобрести на льготных условиях или же взять в аренду участки казенных земель, но мера эта большинством отвергнута, как опасный прецедент и ввиду отсутствия земельного фонда для осуществления даже этого частичного начинания».

Одновременно предлагалось как наиболее действительное средство борьбы с революционным движением в армии, деревне и среди рабочего класса — усиление «внутренней агентуры», увеличение ассигнований на стражников, подкуп духовенства и т. д. Как мы видим, рецепты эти новизной не блещут и большой решительностью не отличаются.

Самодержавие было обречено на гибель. Его представители чувствовали надвигающуюся катастрофу, но были бессильны что-либо предпринять, что могло хотя бы на время отдалить неминуемую развязку.

Публикуемые документы хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве среди различных бумаг, относящихся к предреволюционной эпохе.

Всеподданнейшая записка министра внутренних дел [1]).

С всемилостивейшего вашего императорского величества соизволения мною начат созыв губернаторов по округам, в целях освещения всех сторон жизни империи и нужд времени — как настоящего,

---

[1]) На подлиннике помета: «Собственною его императорского величества рукою начертано: «Искренно благодарю губернаторов» и ниже: «Надеюсь, что все здесь доложенное будет принято в серьезное соображение всеми ведомствами». В Севастополе 12 мая 1916 года. Министр внутренних дел, гофмейстер Штюрмер». Верно. Директор [подпись]».

так и непосредственно последующего за завершением войны, и обсуждения необходимых мероприятий, обеспечивающих благополучный переход от исключительности условий военного времени к мирной обстановке. Только что законченный ряд заседаний губернаторов центральных губерний ярко выяснил, что великая война, в которую злою волею врага ввергнута Российская империя, вызвала единодушный подъем сил на защиту родины. Но злоба вражеская, истощаясь на полях битвы, находит союзников в темных силах, стремящихся к сокрушению единства помыслов и трудов истинных сынов России в тылу великих российских войск; работа в этом направлении идет неустанно, опираясь на явно-злонамеренные, а также малодушные частицы населения, не видящие гибельного значения дела своих рук для государства.

Приняв от предков своих заветы святого служения престолу, дворянство и его предводители пребывают неизменно верным оплотом правительственной власти; то же дворянство, входя большою силою в земское самоуправление, осуществляет с отличным успехом задачи, возлагаемые на последнее переживаемым временем. К сожалению, однако, поместное дворянство в численном своем составе все уменьшается.

В ином свете представляются союзы земств и городов, а также в громадном количестве возникающие местные хозяйственные объединения, так называемые кооперативы, деятельность которых захватывается бессословным и безземельным составом лиц, служащих по найму. Здесь каждое полезное по существу начинание использовывается в целях противогосударственного настроения умов, и с явлениями этими правительству предстоит серьезная борьба.

Благосостояние крестьянского населения находится в небывалых условиях и обязано этим всецело повелению вашего величества о выдаче пайка семьям призванных и запрещении продажи вина; при этом выяснилась необходимость принять серьезные меры к борьбе с домашней и тайной выработкой спирта во всех его видах. Но тревога, вселяемая военными событиями, делает крестьянское население чрезвычайно чутким к всевозможным слухам, доносящимся из армии; в последней же усилиями врага и его неуловимых приспешников идет серьезное брожение в смысле разжигания вожделений к бесплатному увеличению земельной собственности. Явление это создает тем большую опасность, что одновременно с ним подпольными агитаторами ведется пропаганда среди рабочих промышленных предприятий, которые, несомненно, окажут поддержку почину беспорядков.

Правительство должно быть готово к немедленному пресечению волнений, но работа учреждений министерства внутренних дел в этом

направлении поставлена в исключительно тяжелые условия. За призывами в войска на своих местах осталось не более третьей части всех чинов. Работа же призванных, сама по себе возросшая по обстоятельствам военного времени, падает на оставшихся. Последние, в превышающих силу трудах своих, находятся в тяжелых условиях существования ввиду значительного вздорожания жизни. В соответствии с сим, единодушным голосом созванных губернаторов указывалось на необходимость увеличения содержания чинов министерства и особенно полицейской стражи, являющейся единственной материальной силой в руках губернаторов на случай, если бы в таковой встретилась необходимость. Кроме того губернаторами высказано было пожелание об откомандировании из войск к местам служения призванных земских начальников, так как без этой меры волостное и сельское управление грозит пошатнуться.

Несомненная поддержка брожению умов в армии и в деревне оказывается столичной печатью, которая на страницах своих дает читающему народу те призывы, которые в прежние дни можно было встретить лишь в подпольных воззваниях.

Помимо приведенного выше выяснилось, что устройство беженцев благополучно выполняется соответствующими учреждениями и национальными организациями, причем однако поляки проявляются с отрицательной стороны нарочитою обособленностью, евреи же — намерением осесть навсегда в запретной для них в обычное время местности.

Чрезвычайным бременем для губернского управления является заведывание военнопленными, которые ведут себя распущенно, дерзко и, при малейшей возможности изыскать повод, отказываются от исполнения назначаемых им работ. В этих случаях, вызывающих негодование окружающего населения, необходимо было бы применение строжайших карательных мер, которыми губернаторы до сего времени не располагают.

В не менее тяжелых условиях оказываются губернские власти, получая от военного начальства распоряжения, исполнение которых, по местным или иным условиям, грозит совершенно нежелательными последствиями. Но, памятуя о долге своем жертвовать всем во имя победы над врагом, губернаторы в работе своей не допускают трений с военными властями и делают все от них зависящее, дабы примирить с жизнью идущие вразрез с нею требования.

Приемля долг представить изложенное высочайшему вашего императорского величества вниманию, дерзаю всеподданнейше доложить вашему величеству, что собравшиеся на первый созыв губернаторы 15 губерний обратились ко мне с ходатайством повергнуть

к стопам вашим, великий государь, одушевляющие их чувства безграничной преданности престолу и готовности, при всей тяготе условий работы переживаемого времени, нести свой труд, не щадя сил и самой жизни на благо родины и к вящей славе вашего величества.

Министр внутренних дел, гофмейстер Штюрмер.

8 мая 1916 года.

Журнал
совещания приглашенных губернаторов.

1-е заседание.

Под председательством г. министра внутренних дел.

Состав заседания: товарищи министра: гр. А. А. Бобринский, кн. В. М. Волконский, А. В. Степанов, директор департамента общих дел П. П. Стремоухов, начальник главного управления по делам местного хозяйства Н. Н. Анциферов, директор канцелярии министра Б. В. Писаренков, помощник управляющего земским отделом И. Ф. Цызырев, член совета министра В. Г. Кондоиди и губернаторы: владимирский, калужский, костромской, московский, нижегородский, новгородский, псковский, рязанский, смоленский, тамбовский, тверской, тульский, херсонский, ярославский и ставропольский.

1. Дворянство.

Открыв заседание, г. министр отметил, что чрезвычайные события военного времени вызывают чрезвычайное напряжение сил органов правительства, но этих сил нехватает. На помощь им выступает общественный элемент, но под видом служения родине проходит организация во имя особых целей. Все назревающее к концу войны необходимо учесть теперь же, почему г. министр просит высказаться вполне откровенно по предложенной программе, ставя первым вопросом, чего может ожидать правительство от поместного дворянства, в случае если бы явилась надобность в его поддержке, а также не наблюдается ли в политических течениях местной жизни тяготения этого сословия к настроениям последнего общеземского съезда.

По поставленному вопросу совещание пришло к выводу, что примеры 1905 г. повлияли на дворянство в том смысле, что в будущем правительство имеет возможность ожидать от сословия и его представителей полной поддержки. Уклонения наблюдаются лишь в губерниях: Черниговской, где дворянство настроено несколько оппозиционно, но не безнадежно, Тульской, в которой общеземский союз, с князем Н. Н. Львовым (местным землевладельцем) во главе, при-

обрел много приверженцев путем предоставления льгот по воинской повинности и субсидий под видом разъездных и суточных денег, и, наконец, Костромской, где крупное дворянство не живет на местах, местный же элемент совсем ненадежен, что ярко выразилось в единогласном присоединении дворянского собрания к резолюции общеземского съезда о министерстве общественного доверия. В Тверской губернии ранее противоправительственно настроенное дворянство в корне изменило направление, главным образом, под влиянием наглядного роста кооперативов, чему дворянство логически ищет противовеса.

Товарищ министра гр. А. А. Бобринский поставил на обсуждение особый вопрос, насколько возможным и желательным представляется в потребных случаях предлагать начинания правительства на поместное обсуждение и заключение дворянских собраний.

По этому вопросу совещание пришло к общему выводу, что такого рода деятельность дворянских собраний недостижима, так как состав собраний, обремененный собственными частными делами, неохотно и вяло занимается подлежащими его обсуждению общими вопросами. Ввиду этого подобного рода деятельность было бы возможно возложить лишь на общеимперский орган — съезд или совет предводителей дворянства, с значительно же менее ценными результатами — на депутатские собрания.

2. Земство.

По вопросу о положении земского самоуправления в губерниях в совещании, как общее мнение, высказано было, что в настоящее время все земства работают, не покладая рук, и политические вопросы отошли на значительно более отдаленный план, откуда они извлекаются и раздуваются только трудами третьего элемента. Засилье последнего наблюдается, главным образом, в губернском земстве, где состав управы, разумеется, переполнен его представителями в значительно большей степени, нежели в уездах. Губернское земство работает рука об руку с уездным лишь в исключительных губерниях, где находится это в прямой зависимости от стоящей во главе губернской управы выдающейся личности (Московская губ. — Шлиппе, Тульская губ. — б. председатель губ. земской управы — Руднев). При этом условии даже третий элемент не имеет своего опасного влияния. Но, как общее явление, между губернским и уездным земством наблюдается рознь, а местами и борьба за первенствующее значение. В борьбе этой губернское земство удерживает главную роль

в вопросах политических, дело же и работу более охотно уступает уездным.

Трения с земством губернаторами старательно сглаживаются, но обойтись совсем без них невозможно. В частности, основанием для пререканий часто служит сокращение смет и почти всегда в тех случаях, когда опротестованное ассигнование имеет политическую цель. Здесь губернаторами указывалось, что в министерстве слишком большое значение имеют хлопоты местных влиятельных людей, результатом чего является умаление авторитета губернатора, протест которого отменяется. Ярким примером приведено было ассигнование Новгородским губернским земством кредита 30 тыс. рублей на содержание собственных земских инспекторов школ. Цель ассигнования была тенденциозною, и губернатор таковое опротестовал. Тогда местный гласный и лидер земства член Государственного Совета Тютрюмов поехал в Петроград и, возвратившись, объявил, что губернатор провалился, что и оказалось верным.

Общеземский союз является организацией, небесполезной во время войны, но вопрос, не лучше ли справились бы с его делом органы правительства, если бы они могли иметь соответствующий личный состав и кредиты. При этом, как и вокруг каждого свободного объединения, весьма насыщенного третьим элементом, политика здесь процветает, и занимаются ею не меньше, если не больше, нежели делом. Личный состав подбирается из лиц с определенною окраскою, иногда имеющих даже тюремный ценз (случай, сообщенный товарищем министра А. В. Степановым), причем, когда губернатор, по своим сведениям, протестует против определения кого-либо на службу в организации, ему подведомственные, то лица эти тотчас же определяются в общеземский союз. Последний считается только с центральными учреждениями министерства, и князь Львов открыто заявил: «Для нас местные органы правительства не существуют — забудем про них». Во время войны все это можно терпеть, во имя так или иначе налаженного дела, но по окончании военных действий союз должен быть закрыт, и допустить осуществление им мероприятий, вызываемых последствиями войны, как то изложено в законопроекте 56 членов Государственной Думы, невозможно и грозило бы крупными осложнениями.

Местные земства в своем деловом составе далеки от истинных вожделений общеземского союза, но в большинстве случаев, благодаря силам своего третьего элемента, считают долгом присоединиться к политическим выступлениям этой организации; но связь с нею земств — неглубока.

В борьбе с дороговизною земства работают путем имеющихся в распоряжении власти паллиативов — контроля над прибылью,

таксировками продуктов; но, по общему мнению совещания, плодотворная борьба с искусственным повышением цен возможна лишь с помощью улучшения условий транспорта и установления общеимперской таксы.

Переходя к рассмотрению вопроса о мелкой земской единице, совещание признало таковую, несомненно, желательною, но население к ней совершенно неподготовленным; тем более опасно было бы введение мелкой земской единицы в форме волостного земства, куда дворянство не пойдет, и засилье третьего элемента будет полнейшее. При этом тверской губернатор предложил, — как подход к тому, чтобы приблизить земство к населению, — учредить должности районных членов уездных управ, которые имели бы пребывание не в уездном городе, а в известных пунктах уезда, имели бы работу исполнительную, подготавливали бы крупные начинания и раз в месяц съезжались бы на совместные уездные совещания, что служило бы коррективом к тому, что земское собрание собирается лишь один раз в год.

Предложение гофмейстера Бюнтинга совещанием было принято как весьма желательная реформа.

Наконец, в вопросе о значении губернского земства и возможности его упразднения совещание признало, что со стороны уездных земств, в большинстве, не раздастся серьезного протеста и что эволюция жизни земства в данное время свершается именно в этом направлении.

Журнал

2-го заседания приглашенных губернаторов.

Под председательством г. товарища министра А. В. Степанова.

Состав заседания: г. товарищ министра гр. А. А. Бобринский, директор департамента общих дел П. Н. Стремоухов, член совета министра внутренних дел В. Г. Кондоиди, помощник начальника главного управления по делам местного хозяйства А. А. Евтифеев и губернаторы: владимирский, калужский, костромской, московский, нижегородский, новгородский, псковский, рязанский, смоленский, и. д. ставропольского, тамбовский, тверской, тульский, херсонский и ярославский.

В заседании присутствовал г. министр внутренних дел.

1. Фабричные рабочие.

Совещанием, как общее положение, установлено, что настроение рабочих масс с войною улучшилось, политическая же организованность силою призывов в войска многих активных их деятелей —

также понизилась, но все же она есть, и с нею надо считаться, даже теперь. Наблюдается наличность центрального органа агитации, повидимому, находящегося в Московском районе. Некоторый намек на нить к обнаружению органа преступной агитации в ближайшие дни обнаружен в Ярославской губернии из случайно попавшего в руки администрации письма от одного еврея к другому, где трактуется о происходящей работе в смысле организации широкого забастовочного движения. Пульсом местной агитации являются больничные кассы, состав правления которых всегда носит определенную политическую окраску, и бороться с этим администрация бессильна, так как, хотя губернатор и имеет право устранения отдельных членов правления, но массовое применение этой меры может вызвать серьезные осложнения. Ко всему этому вольнонаемный состав канцелярий больничных касс часто переполнен ярко неблагонадежным элементом, причем закон не дает никаких мер к пресечению этого зла, и таким образом больничные кассы являются ядром, вокруг которого группируется революционный элемент.

Фабричная инспекция в большинстве губерний безлична и инертна, за исключением Ярославской, Нижегородской и Московской. Ярославский фабричный инспектор Мартынов — человек выдающийся, пользуется большим доверием рабочих и имеет вес в глазах фабрикантов, почему играет видную роль в регулировании условий рабочей жизни.

Возникающие забастовки всегда прикрыты флагом экономических требований, но по существу носят, несомненно, политический характер: затяжно продолжаются по удовлетворении всех требований, вспыхивают как бы по чьей-то указке, часто момент их возникновения связан с приездом агитаторов-гастролеров. Несомненно однако, что характер взаимоотношений хозяев с рабочими создает различную восприимчивость к навязываемым выступлениям.

В этом отношении яркую разницу показывают районы Московско-Тульский и Владимирско-Ярославский. В первом казенные заводы идут навстречу обоснованным требованиям, не доводя до острых положений — и забастовок нет; частные предприятия, с более узкими взглядами, создают почву для возникновения забастовок, но организуются последние усилиями приезжих организаторов согласно выработанному плану.

Забастовки гасились мерами высылки и отправления на фронт подлежащих военной повинности рабочих, причем высылке часто предшествовал по предварительному соглашению с фабрикантом расчет, чтобы не дать формальных оснований к протесту против высылки рабочего. В этом районе отмечается уклонение от забастовок отдельных

предприятий, работающих на оборону, чем рабочие как бы ищут способа отстранить от себя упрек в непатриотичности. В особых условиях стоит Коломенский завод, где наблюдается немецкое засилье. Губернатор просил о выяснении принадлежности акций этого завода и о ревизии предприятия, но получил отказ. Лица, стоящие во главе дела, были временно устраняемы, но теперь они снова на местах.

В иных условиях стоит район Владимирско-Ярославский. Здесь центрами фабричной промышленности являются Карзинкинская и Орехово-Зуевская Морозовская мануфактуры. Оба эти громадные предприятия ведутся отлично, при полном благоустройстве рабочих, и дороговизна компенсируется принципом доплаты владельцами предприятия всей суммы, на которую вздорожали предметы и продукты первой необходимости, так что цены на них для рабочих стоят на уровне рынка июля 1914 г. Во главе фабричной инспекции — лица отличных умственных качеств, взаимоотношения с рабочими хорошие, и забастовок экономических нет, но на политической подкладке — бывают.

В совершенно ином положении стоят Шуя и Иваново-Вознесенск. Здесь фабричная администрация не находит путей к установлению нормальных отношений с рабочими, и столкновения возможны на чисто экономической почве. На заводе гр. Игнатьева (министра народного просвещения), б. Нечаева-Мальцева, главною причиною забастовки являлся главный директор, человек, едва ли не искусственно создававший острые положения, но которого гр. Игнатьев долго не желал уволить. Губернатор личным увещанием рабочих достиг прекращения забастовки, но после молебна, когда рабочие стали на работы, директор завода собственною инициативою держал завод без движения еще 10 дней. Лишь после этого он был уволен.

В эксплоатации Кольчугинского завода, находящегося в том же районе, заметна немецкая рука, и хотя дирекция теперь без немцев, но рабочие относятся к ней с недоверием. Во Владимирской губернии, в противоположность Московско-Тульскому району и Ярославлю, военные отделы фабрик всегда присоединяются к бастующим, видя в своем значении для государства залог наибольших достижений.

Сормовский завод в Нижнем Новгороде пока по забастовочному движению благополучен, но признается угрожающим, так как брожение идет, и серьезные элементы с трудом удерживают остальных.

Причины забастовок зачастую коренятся в сокровенных стремлениях самих фабрикантов, преследующих цели наживы — путем сбыта за время забастовки залежавшегося товара низкого качества по высокой цене и оставления невыгодных для рабочих расценок. Подтверждения этого наблюдаются во многих губерниях, но в смысле мер воз-

действия на фабрикантов администрация еще беднее средствами, так как даже такая мера, как, например, высылка, даже поддержанная министерством, может вызвать, как месть, закрытие предприятия, и тогда явится вопрос, что делать с десятками тысяч рабочих. Единственная действительная мера воздействия на фабриканта — секвестр предприятия в порядке военного положения. Вне этого остаются дипломатические меры в зависимости от обстоятельств. Но вся борьба с забастовочным движением и предупредительные меры возможны лишь при хорошей постановке осведомительного дела, для чего нужны улучшение агентуры и немедленное усиление средств на ее содержание.

2. Кооперативы.

Чрезвычайный рост кооперативов, наблюдающийся повсеместно, объясняется надеждою обывателя на достижение экономических выгод, а главным образом работою группирующегося около этих коммерческих начинаний третьего элемента, который ставит себе сознательно лозунгом — штурм правительства; последнему будет противопоставлена целая сеть отдельных объединений, вооруженных значительными денежными средствами и ярко революционным составом лиц, стоящих у дела.

В настоящий период организационной работы представители третьего элемента, выливающиеся в определенный тип «кооператора», ставят себе целью создать возможно более широкую сеть кооперативов, якобы на коммерческих началах, чем и улавливают страдающего от непомерного вздорожания для жизни продуктов обывателя. Далее коммерческие задания отходят на задний план, и выдвигаются цели просветительные и духовные в форме легализованной пропаганды противогосударственных начал. Работа кооперативов в этой плоскости в большинстве губерний уже получила должную оценку в виде возникающего враждебного отношения со стороны земства и дворянства, но в некоторых земствах (Ярославское, Владимирское) кооперативы еще не эмансипировались от земства, и последнее ими пока руководит. Главное зло коренится в уставах, допускающих работу кооперативов в просветительном направлении, что ведет к созданию образовательных учреждений, стоящих вне контроля правительства. Между тем по министерству народного просвещения последовал даже циркуляр о внешкольном образовании, прямо возлагающий это дело на кооперативы.

Начало захвата кооперативами просветительных целей лежит в уставах ссудо-сберегательных товариществ, разрешающих им иметь специальные капиталы с благотворительно-просветительными целя-

ми. Затем по этому пути пошли кооперативы и их губернские объединяющие комитеты. Последние законом не предусмотрены, но, как соглашения частно-правовые, могут возникнуть без труда, и борьба с их возникновением немыслима. Сила этих объединений — в кредите, закрытием которого они всегда будут держать железной рукой все, что к ним экономически прилежит. Единственный способ обезвредить кооперативы — лишить их каких бы то ни было функций, кроме экономических, не допускать их районных объединений, а главное — ввести все дело кооперативов в уклад государственного управления, отдав их в руки земства. Осуществить это будет стоить большой борьбы, но сделать это необходимо немедля, так как настоящее положение кооперативов представляет собою громадную опасность для государства.

3. Пресса.

Согласно общему мнению, высказанному в совещании, серьезное значение в местной жизни имеют только столичные газеты, которые дают теперь материал, содержавшийся в прежнее время лишь в прокламациях. Между тем газет правого направления в провинции мало, а газеты «Русское слово» и «Копейка» у всех в руках.

Тверской губернатор отметил, что в губернии рассылалось на 10 000 рублей газеты «Сельский вестник», и сумма эта ежегодно расходовалась из кредитов попечительства о народной трезвости. Министерство финансов, предварительно частным образом затребовав список рассылаемых на эти деньги газет, воспретило в дальнейшем производство этого расхода.

Как желательные к проведению меры совещанием намечены: повсеместное введение военной цензуры и оздоровление материала, который дают железнодорожные киоски, принадлежащие контрагентству Суворина, перешедшему в еврейские руки. Осуществить это представлялось бы возможным путем изъятия киосков из частной инициативы и передачи этого дела в ведение правительственных органов.

4. Военнообязанные и военнопленные.

По единогласному суждению совещания наибольшую остроту в этом вопросе составляет недостаточность репрессивных мер, имеющихся в распоряжении властей, в особенности при отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы. Отказ от работ — явление заурядное, единственною же мерою воздействия является арест; но и эта кара делается мертвою буквою, когда ее предстоит применить

к нескольким сотням, а иногда и тысячам человек. Единственною действительною мерою совещание признало введение телесного наказания, что давно применяется во вражеских странах по отношению к нашим пленным, а также и в России в исправительных арестантских отделениях и каторжных тюрьмах. Если бы было признано нежелательным законодательное введение этой меры, идущей вразрез с Гаагской конвенциею, то возможно было бы лишь войти в сношение с военными властями, имеющими по закону право подвергнуть телесному наказанию, о предоставлении тех же полномочий местному военному начальству — воинским начальникам, с передоверием гражданскому начальству.

На поставленный графом Бобринским вопрос о том, что с формальной стороны в России телесное наказание применяется лишь к лицам юридически опороченным и каким способом можно было бы приурочить проявляющих сопротивление военнопленных к этой категории, было высказано предложение о предварительном переведении провинившегося в разряд штрафованных, а затем применении к нему телесного наказания.

5. Полиция и полицейская стража.

Оставляя в стороне ненормальное положение общей полиции, настоятельно требующее реформ по разработанным уже предположениям, совещание остановилось на угрожающем состоянии, в котором находится полицейская стража. Последняя является единственною реальною силою в руках губернатора на те случаи, когда все остальные мероприятия исчерпаны и оказываются недостаточными. Между тем в настоящее время стражники удерживаются на службе единственно освобождением от призыва в войска, так как материальные условия их службы ставят их в крайнее положение до возможности иметь горячую пищу лишь через день. Нераспространение на стражников прибавок, данных чинам общей полиции, произвело удручающее впечатление. Такая жизнь впроголодь и сопоставление с нею предложения отлично оплачиваемого частного заработка создают то положение, что на следующий день после демобилизации ни один стражник не останется на службе; момент же будет наиболее острой в них необходимости, так как недоразумений и осложнений с возвращающимися солдатами надо ждать. Мерою к урегулированию вопроса в совещании было предложено объявление стражников мобилизованными с момента роспуска армии, но большинством отвергнуто ввиду того, что никакие меры принудительного характера не дадут благотворных результатов. Окончательно же приняты

пожелания: 1) вся стража должна быть конною, 2) недопустим призыв стражников в действующую армию, 3) немедленно обеспечить стражников усилением содержания и ассигнованием фуражных денег по справочным ценам и 4) впоследствии, но без замедления — поставить полицейскую стражу в условия службы отдельного корпуса жандармов, при казенных лошадях и с офицерским составом на началах командования, а не инспектирования, 5) улучшить материальное положение офицеров стражи.

6. Военно-промышленный комитет и заготовки на нужды армии.

По общему отзыву присутствующих работа местных военно-промышленных комитетов не дала никаких результатов. Закрытие их не отразилось бы ни на деле, ни на настроении рабочих, но породило бы протест в среде так называемой интеллигенции. Ввиду этого к закрытию их прибегать не следует, но надлежало бы в состав комитетов ввести представителей государственного контроля и фабричной инспекции, так как правильность расходования кредитов вызывает большие сомнения.

Журнал

3-го заседания приглашенных губернаторов.

Под председательством г. товарища министра князя В. М. Волконского.

Состав заседания: г. товарищ министра гр. А. А. Бобринский, директор департамента общих дел П. П. Стремоухов, член совета министра В. Г. Кондоиди, помощник начальника главного управления по делам местного хозяйства А. А. Евтифеев, помощник управляющего земским отделом И. Ф. Цызырев и губернаторы: владимирский, калужский, костромской, московский, нижегородский, новгородский, псковский, рязанский, смоленский, тамбовский, тульский, херсонский, ярославский, тверской и и. д. ставропольского, вице-директор департамента общих дел Е. Г. Шинкевич и исп. об. вице-директора того же департамента А. С. Путилов.

1. Беженцы.

С технической стороны, по заключению совещания, устройство беженцев хотя и представляло в свое время значительные трудности, но последние преодолелись, и к данному моменту может смело быть отнесено исправление тех недочетов, с которыми ранее приходилось мириться. Одним из главных зол является хозяйничание в этом деле нескольких и весьма многочисленных организаций, до общеземского

союза включительно, пытавшегося в некоторых губерниях (Владимирская, Тульская) захватить беженцев в свои руки. В губерниях, находящихся ближе к фронту, организации главноуполномоченных фронта своими распоряжениями, лишенными достаточной хозяйственности, создавали помеху введению дела в надлежащую систему. Национальные организации имеют некоторое стремление к обособленности, но ярче всего это проглядывает в польских комитетах. В заботах последних о беженцах католического вероисповедания сепаратизм является краеугольным камнем, и губернаторам с большим трудом удается сглаживать создаваемые поляками острые положения. Настойчивое стремление поляков изолироваться доходит до отказа ксендза посетить устроенный Татианинским комитетом приют для детей всех национальностей, и Польский комитет, только что устроив собственный приют, в дерзкой форме требует от губернатора доставления туда к 2 часам следующего дня всех детей-поляков из Татианинского приюта (Калужская губ.). Поляки препятствуют земству произвести перепись беженцев, при появлении сыпного тифа отказываются от помощи земского врача и требуют врача-поляка (Смоленская губ.). В Ярославской губ. страсти сепаратизма поляков менее остро дают себя чувствовать. Однако все же приезжал некий г. Липинский с письмом к губернатору от члена Государственной Думы Свенцинского, причем по последствиям было ясно, что приезд этот имел целью организацию польской обособленности. Такие же стремления поляков отмечаются во всех губерниях, в Москве же представителями поляков были избраны даже германские подданные.

Латышские организации менее заняты обособленностью и более склонны к подчинению во имя общего блага. Из политиканствующих организаций выдается «Родина».

Евреи повсеместно ведут себя отлично и не обременяют собой ни население, ни администрацию. Во всем этом однако видна определенная цель — осесть в местах временного поселения. В этих видах еврейские организации снабжают отдельных лиц очень крупными пособиями на открытие мастерских ремесленниками, на домообзаводство и т. п. В общем, коренное население пока не жалуется, хотя в некоторых губерниях (Владимирская, Нижегородская, Ярославская) начинает проявляться вражда на почве торговой конкуренции.

Из пожеланий, высказанных совещанием, отмечается: 1) необходимость строго разграничить сферу деятельности правительственных организаций, сохранив за органами министерства, земством и городами обязанность устройства помещений и довольствия беженцев, с предоставлением прочим организациям забот об интеллектуальных и культурных потребностях; тем самым исключена будет воз-

можность получения беженцами-инородцами двойного пайка. 2) Во избежание постоянных нареканий на неприглашение в губернские совещания представителей организаций осведомить точно губернаторов, кто является таковыми представителями. 3) Озаботиться разработкой вопроса о восстановлении нарушенной ныне обстоятельствами войны черты оседлости евреев.

По поставленному особо вопросу о разгрузке городов от беженцев помощник управляющего земского отдела И. Ф. Цызырев предложил как меру предоставить беженцам сельскохозяйственные работы, а при отказе лишать пайка в порядке ст. 19 правил 2 марта 1916 г.

2. Иностранное землевладение и засилье.

Данный вопрос программы затрагивает лишь губернии Херсонскую, Новгородскую и Ставропольскую, в которых никаких особых затруднений и осложнений не вызывает.

3. Санитарное дело.

Определенных указаний на возможность возникновения эпидемий и эпизоотий в совещании высказано не было, но повсеместно отмечен общий недостаток во врачебном персонале. Кроме того указывалось на создающие большие затруднения распоряжения военных властей, направляющих тифозных и цынготных военнопленных большими партиями (до 2 000 ч.) без предварительного запроса, можно ли в данном пункте их устроить, а иногда даже без предупреждения о том, что направляются не здоровые, а больные (Новгородская губ.).

Рязанским губернатором, в связи с вопросом о недостатке врачебного персонала, высказано пожелание об отмене запрещения студентам прививать оспу.

4. Недостаток рабочих сил администрации и кредитов.

По единогласному отзыву всех губернаторов работа местных учреждений, с войною значительно возросшая, при ослаблении призывами личного состава почти на $^3/_4$, — является безусловно непосильною; имея при этом в виду недостаточную оплачиваемость труда и невозможность существовать на устаревшие оклады содержания, создавшаяся обстановка представляется безотрадною. Каждый из оставшихся работает за троих, а в случае ходатайства губернатора о разрешении выдать в виде пособий сметные остатки от министерства получается отказ. Необходимо: 1) усиление канцелярских кредитов, 2) назначение прибавок к окладам, 3) более отзывчивое отношение

управления воинской повинности к ходатайствам губернаторов о предоставлении отсрочек призываемым чиновникам, причем отсрочки эти управлением воинской повинности должны быть испрашиваемы на время состояния данного лица в занимаемой должности.

5. Взаимоотношения с военными властями.

Обстоятельства военного времени поставили губернаторов в необходимость испытывать на себе руку военной власти не только в области специально военного дела и возникающих отсюда взаимоотношений, но и в сфере деятельности чисто гражданской. Вполне сознавая, что события переживаемого времени и тягота собственной работы военного начальства не допускают возможности входить с ним в острые пререкания, губернаторы не допускают возникновения малейших трений и неуклонно работают в направлении примирения с жизнью идущих вразрез с нею распоряжений военных властей. Но при этом совещание нашло необходимым отметить ряд исключительно неудачных требований военного командного состава, вредно отражающихся не только на работе органов министерства, но влекущих самые плачевные последствия для уклада жизни населения империи.

Так штаб северного фронта давал по нескольким, иногда довольно отдаленным, губерниям (Владимирская) наряды на доставку рабочих на земельные работы по приготовлению окопов. Ввиду дальности расстояния губернатор, не задерживая исполнения, протестовал и получил разъяснение генерального штаба, что исполнять это распоряжение он не должен; оно было уже поздно, так как рабочие уже были отправлены. Возвращены они были довольно скоро, но как и в остальных губерниях, — голодные, в оборванной одежде, работав и получив плату за один день из трех; в остальные же дни работы им не давали, за эти дни не платили и не кормили. Некоторые из них, очевидно протестовавшие, были подвергнуты телесному наказанию. По рассказам их, причиною такого отношения являлось то, что окопные работы на местах производились через подрядчиков, часто евреев, которые получали по реквизиции труда большее количество рабочих, нежели им было нужно, и, очевидно, не желали платить лишним людям, не говоря уже об общем желании недокормить, обсчитать. Сотни жалоб, поданных пострадавшими губернатору, были направлены в штаб фронта, откуда возвращены были губернатору оставленными без последствий с буквальною мотивировкою — «так как большинство их не заслуживает уважения».

По Смоленской губернии был отдан приказ привлечь к ответственности 6144 чел. рабочих, ушедших с окопных работ. Далее

реквизиции скота ведутся бессистемно: некоторые местности остаются совсем без скота, и взвинчиваются цены, в других же запрещение убоя молодого скота, овец, свиней создает невозможность их прокормить по наличным запасам фуража. Иногда странные распоряжения происходят оттого, что в разрешение частного случая соответствующая телеграмма адресуется всем губернаторам округа. Реквизиция частных квартир вызывает массу жалоб, а наряду с этим специально военные помещения пустуют. В Тверской губернии было сделано распоряжение «отобрать все сапоги». Наконец, тем же штабом Минского округа был отдан приказ задерживать и регистрировать «одиноких женщин» и сопротивляющихся подвергать телесному наказанию; объясняемо это было возникновением на Западе общества женщин, сочувствующих Германии, с целью заражения луэсом русских военноначальников.

Большинство подобных распоряжений погашается личными переговорами с соответствующим военным начальством, так как исходят они не от него, а лишь от лиц, действующих его именем и на это уполномоченных. Губернаторы вполне учитывают чрезвычайные обстоятельства переживаемого времени и, не покладая рук, работают в целях недопущения ведомственных трений, но все же подобные приведенным распоряжения дают совершенно нежелательные результаты и создают для губернаторов крайне тяжелые условия работы.

Журнал
4-го заседания приглашенных губернаторов.

Под председательством товарища министра графа А. А. Бобринского.

Состав заседания: товарищи министра: князь В. М. Волконский, А. В. Степанов, директор департамента общих дел П. П. Стремоухов, начальник главного управления по делам местного хозяйства Н. Н. Анциферов, директор канцелярии министра Б. В. Писаренков, член совета министра В. Г. Кондоиди, помощник управляющего земским отделом И. Ф. Цызырев, помощник начальника главного управления по делам местного хозяйства А. А. Евтифеев и губернаторы: владимирский, калужский, костромской, московский, нижегородский, новгородский, псковский, рязанский, смоленский, тамбовский, тверской, тульский, херсонский, ярославский и и. д. ставропольского.

В заседании присутствует г. министр внутренних дел.

1. Городское население.

Из обмена мнениями в совещании выяснилось, что городское население, по настроениям своим, в общем, значительно более тяготея к левым партиям, нежели земство, тем не менее такую окраску

сохраняет лишь теоретически: в жизни же, представляя собою, в большинстве выборных лиц, купеческий элемент, городское самоуправление, будучи всецело поглощено личным интересом, относится к общественному делу инертно и безучастно, не упуская случая извлечь выгоду. В городах губернских иногда находится лицо, с достаточною энергиею несущее обязанности городского головы, но в тех случаях, когда последний является человеком даровитым и выдающимся, он отдает себя только крупным, видным начинаниям, не обращая внимания на незаметную работу, от которой более всего зависит городское благоустройство. Уездные городские самоуправления страдают окончательным безлюдием, и вызвать в них самодеятельность, даже ценою громадных усилий, удается редко. В отношении своем к союзу городов и современным политическим выступлениям, подобным резолюции общеземского съезда о министерстве общественного доверия, города охотно идут на составление всевозможных тенденциозных резолюций, но на деле, разумеется, держатся правительства не за совесть, а за страх об экономическом благосостоянии. В соответствии с этим и союз городов, нося определенную политическую окраску, по инертности и страху за собственные капиталы государственной опасности не представляет.

В борьбе со спекуляциею и заботах о снабжении городов предметами первой необходимости городские самоуправления более, нежели в остальном, инертны, что объясняется логически нежеланием итти против себя самих, так как состав управы, думы и уполномоченных по продовольствию и топливу сплошь сами торговцы, а зачастую — наиболее злостные спекулянты; были случаи арестования их крупных представителей (Нижний-Новгород), что произвело на город самое отрадное впечатление. Но, в общем, борьба со спекуляциею представляется если не невозможною, то чрезвычайно затруднительною, так как помощи в этом деле от городов, в руках которых находится торговля, ожидать нельзя, запретительные же меры неосуществимы, почему единственный исход — установление общеимперской таксы на предметы первой необходимости, с фиксацией цен на местах производства и соответствующим повышением в пунктах потребления, при учете фрахта, прочих накладных расходов и умеренной торговой прибыли.

Изменение Городового положения в смысле понижения ценза и предоставления избирательных прав квартиронанимателям, по мнению совещания, даст в состав органов самоуправления совершенно в деловом смысле ненадежный и политиканствующий третий элемент, что представляется для жизни государства нежелательным и даже опасным.

2. Крестьяне.

Запрещение алкоголя, паек, получаемый семьями призванных, и прекрасно оплачиваемый труд оставшегося населения создали в крестьянском населении империи небывалое материальное благоденствие. В соответствии с общей обеспеченностью и имея в своих руках производство предметов первой необходимости, крестьянин менее других страдает от общего бича — дороговизны; отсюда — исправное поступление повинностей и, в общем, полная удовлетворенность на местах, нарушаемая только общением с армиею, где, под влиянием событий, а главным образом широко организованной политической и аграрной пропаганды, наблюдается серьезное брожение, отражающееся через письма, а также прибывающих раненых и больных, на деревне. Последняя, — наэлектризованная тревогою за своих близких, — находится в состоянии необычайной чуткости к всевозможным слухам, приносящимся из армии. Разумеется, пропаганда ведется на наиболее чувствительных сторонах вожделений русского крестьянина — надежде на бесплатную земельную подачку. Неопределенные слухи создают протест против осуществления землеустроительных мероприятий, даже находящихся в стадии завершения, так как хуторяне молвою выбрасываются из числа имеющих какие-то права на бесплатную прирезку земли. Настроения эти настолько заметны, что в совещании было высказано мнение о желательности что-либо сделать к концу войны в этом направлении, хотя бы в форме предоставления георгиевским кавалерам возможности приобрести на льготных условиях или же взять в аренду участки казенных земель, но мера эта большинством отвергнута как опасный прецендент и ввиду отсутствия земельного фонда для осуществления даже этого частичного начинания. Острее других вопрос этот стоит в Ставропольской губернии, где земельный фонд налицо в виде отходящих от наделения башкир в казну 500 000 дес. ликвидируемого немецкого землевладения в размере 70 000 дес. — здесь крестьяне определенно вожделеют к этим земельным участкам.

Но, помимо Ставропольской губернии, во всех прочих аграрный вопрос грозит большими осложнениями тотчас по окончании войны, и положение вещей становится особо серьезным, если принять во внимание, что единственные должностные лица крестьянского управления, на которых правительство может опереться в этом деле, — земские начальники — находятся в ужасных условиях существования: недостаток средств и дороговизна жизни ставят их в невозможность иметь достаточное общение и надзор за волостным и сельским управлением, состав которого решающим образом влияет на крестьян-

ские массы. Между тем трудно ожидать от земского начальника поездок по участку, когда сплошь и рядом одному из них приходится управлять тремя участками, за призывом остальных в действующую армию. При этом разъезды стоят так дорого, что, при вздорожании содержания камеры, земские начальники не из местных помещиков буквально бедствуют и находятся в худшем положении, нежели волостные писаря. При этом в некоторых губерниях есть много участков в управлении кандидатов, — последние, получая свои суточные деньги через 4—5 месяцев, вынуждены содержать камеру, вести разъезды и существовать, имея 50 руб. в месяц канцелярского кредита.

Последствия такого положения не требуют пояснения, и совещание признало делом чрезвычайной срочности значительно усилить содержание и канцелярский кредит земских начальников и урегулировать получение кандидатами суточных денег.

Кроме того, как общее пожелание, в ожидании возвращения солдат на места, — принять серьезные меры против пропаганды в войсках путем введения внутренней агентуры, а также допускать возвращение войск лишь постепенно, ведя демобилизацию частично.

По вопросу о распространяющейся тайной выработке алкогольных напитков в совещании было высказано пожелание немедленно запретить ныне разрешаемое законом домашнее пивоварение, запретить частное содержание и пользование перегонными аппаратами, как это сделано штабом северного фронта, и наконец, изъять дела о тайном винокурении из общего порядка судопроизводства, так как только этими мерами можно достигнуть успеха в борьбе с развивающимся злом. Последняя мера была применена некоторыми губернаторами в порядке чрезвычайной охраны, но департамент полиции, циркуляром от 17 августа 1915 г. за № 30882, предложил отменить соответствующие обязательные постановления.

Острого недостатка рабочего и молочного скота пока не наблюдается, но в губерниях с тощею почвою (северных) грозят недороды ввиду отсутствия удобрения.

3. Школа.

В вопросах школьного дела, вне общих реформ, совещанием высказано пожелание об урегулировании повсеместно созываемых земством съездов учительского персонала. В настоящее время обычно съезды эти собираются под председательством председателя губернской земской управы, который всегда отсутствует, замещает же его один из двух выборных помощников, и ясным представляется, что на этих съездах происходит.

Тверской губернатор отметил, что имеется разъяснение министерства народного просвещения, согласно которому земство имеет право созывать съезды учащих, но под председательством инспекторов народных училищ.

Кроме того, признано необходимым установить особую педагогическую цензуру кинематографа, так как общая цензура пропускает картины, совершенно недопустимые для детей школьного возраста.

Журнал

5-го заседания приглашенных губернаторов.

Под председательством г. министра внутренних дел.

Состав заседания: товарищи министра: граф А. А. Бобринский, князь В. М. Волконский и А. В. Степанов, директор департамента общих дел П. П. Стремоухов, начальник главного управления по делам местного хозяйства Н. Н. Анциферов, помощник начальника того же главного управления А. А. Евтифеев, директор канцелярии министра Б. В. Писаренков, член совета министра В. Г. Кондоиди, помощник управляющего земским отделом И. Ф. Цызырев и губернаторы: владимирский, калужский, костромской, московский, нижегородский, новгородский, псковский, рязанский, смоленский, и. д. ставропольского, тамбовский, тверской, тульский, херсонский и ярославский.

1. Взаимоотношения с центральными установлениями министерства и прочих ведомств.

Будучи на местах обремененными возросшею в значительной степени работою, губернаторы указывают на значительные затруднения, представляющиеся для них в исполнении некоторых требований министерства, исходящих, главным образом, от главного управления по делам местного хозяйства. Непременный член губернского по городским и земским делам присутствия, будучи завален несвойственной этой должности работой военного времени, но для которой он один из губернских чинов может быть использован, — в то же время вынужден корпеть над исполнением громадных статистических работ, по требованию главного управления, подкрепленному отметкою о чрезвычайной срочности.

На объяснение начальника главного управления, мотивирующего такое положение вещей переживаемой в стране законодательной горячкой — и главным образом в вопросах местного самоуправления, губернаторами все же высказывается пожелание о большей умеренности требований, а также о том, чтобы сокра-

щения смет, производимые губернаторами, находили себе большую поддержку в главном управлении, которое иногда излишне сдается на хлопоты местных людей, что служит не к укреплению авторитета власти губернатора.

В жизни губернии сплошь и рядом губернатор оказывается также в фальшивом положении — в зависимости от позиции, которую занимает начальник губернского жандармского управления, и от личности последнего. Губернаторами приведен был ряд случаев, ярко характеризующих жандармскую власть в губернии, как государство в государстве; при этом иногда секретные сведения скрываются от губернаторов и, вместе с тем, по ходу дела, сообщаются всем исправникам; результатом неосведомленности губернатора получается несогласованность действий. Культурность жандармского состава на местах находится под большим сомнением — был случай, когда один подрядчик (по Костромской губернии) аттестовался опаснейшим революционером на основании того, что когда-то в прошлом он в общественном собрании, заочно, выбранил губернатора. Недопущение трений с местным жандармским управлением — дело, требующее немалых усилий и все же не всегда удающееся; ввиду этого всеми губернаторами было высказано пожелание, чтобы чины корпуса на местах были поставлены в такое положение, которое обеспечивало бы положение начальника губернии, ответственного за все в ней происходящее, от зависимости от личных отношений с начальником губернского жандармского управления. Товарищ министра А. В. Степанов заявил, что все в этом направлении делается, и начальникам губернских жандармских управлений предложено не иметь агентурных секретов от губернаторов.

Далее губернаторами отмечены затруднения, которые испытывались в деле выдачи пайков семьям призванных в войска в связи с тем, что управление воинской повинности не давало никаких по этому поводу руководящих указаний. Кроме того, по единогласному отзыву губернаторов, управление настолько безучастно и даже отрицательно относилось к ходатайствам губернаторов о предоставлении отсрочек призыва военнообязанным чинам местных учреждений министерства внутренних дел, что отношение это вызвало даже недоумение начальника мобилизационного отдела генерального штаба, генерала Аверьянова.

Во взаимоотношениях губернаторов с прочими ведомствами на первое место в совещании было выдвинуто министерство земледелия, которое проведением в жизнь законов последнего времени, связанных с продовольствием и топливом, создает положения совершенно ненормальные, основанные, впрочем, на недостатке самого закона.

Так, те губернаторы, которые не являются уполномоченными председателя особого Совещания по продовольственному делу, — совершенно даже не осведомлены о многих начинаниях местного уполномоченного, который однако по закону (п. 2 ст. 5 Положения) имеет право «входить с представлениями об отмене постановлений местных властей».

Далее в губерниях, как Нижегородская, где уполномоченным председателя Особого Совета состоит лицо из купцов, помощниками его по уездам назначаются представители того же сословия; занятые личными делами, они передоверяют полномочия своим приказчикам, и эти последние разъезжают по местам, отдают какие-то распоряжения и сносятся с администрацией. Наконец, по той же губернии, где особенно ярко проглядывают спекулятивные настроения среди купечества, товарищ министра земледелия Глинка обратился к губернатору с письмом, в котором высказывался за нежелательность привлечения к ответственности за лихвенную наживу. Требование это, как шедшее вразрез с указаниями министерства внутренних дел, губернатором, разумеется, было оставлено без исполнения.

Во многих губерниях отмечено, что состав местных чинов министерства финансов имеет определенную оппозиционную окраску; в уездах — податные инспектора, а в губернском городе — казенные палаты, часто даже с управляющим во главе, носят в себе скрытый протест и держатся левого элемента. Совещанием принято пожелание осведомить об этом министра финансов.

Кроме того, совещание признало настоятельно необходимым войти в сношение со всеми ведомствами о сообщении губернаторам всех издаваемых по этим ведомствам циркуляров, так как, будучи по закону ответственным за ход жизни губернии, губернатор постоянно является неосведомленным об общих начинаниях посторонних ведомств, в результате чего получается полная несогласованность действия.

2. Выборы в Государственную Думу.

Из обмена мнениями в совещании выяснилось, что, в общем, за последнее время настроение в губерниях изменилось не в пользу существующих правых партий, но в случае ярко победоносного исхода войны и быстрого вслед затем проведения выборов в Государственную Думу предстоящего созыва можно надеяться на благоприятные результаты. При этом отмечается большая роль, которую играет при выборах духовенство. Последнее, чувствуя себя внутри своего сословия совершенно бесправным, вынуждено молчать при всех проявлениях произвола своего начальника — архиерея, но никогда не упу-

скает случая вылить свой протест в выборах. Таким образом, в тех губерниях, где архиерей резок в обращении и недоброжелателен, в выборах духовенство никогда за ним не пойдет, и объединения его в желательном смысле добиться чрезвычайно трудно. В этом случае, как способ локализации духовенства, остается выделение его в особую курию, по роду владения, когда это признается по обстоятельствам дела желательным. При епископе же, которого духовенство любит и уважает, все священники при выборах будут в его руках. Примеры последнего — Новгородская и Псковская епархии. Но при всем этом, для деятельного участия духовенства в выборах, необходимо снабжать отдельных наиболее энергичных лиц из его состава разъездными пособиями и вообще оказывать благожелательное содействие их желаниям.

Из прочих курий, по мнению, высказанному в совещании, рабочие всегда дадут левый выборный состав; курия мелких землевладельцев — ненадежна, и воздействие на нее возможно лишь путем ослабления сил — назначения выборов в один, мало удобный день, без всяких послаблений: для опоздавших — двери закрыты. Крупные землевладельцы — вопрос местных настроений и политики. При выборах же крестьянских могут быть принимаемы некоторые меры к улучшению состава путем поверки личности избранного и приговоров, которые, в соответствующих случаях, представляются для отмены в губернскую комиссию. Все эти меры, разумеется, должны применяться на строго законном основании.

По вопросу о выборах недостающих 27 членов Государственной Думы настоящего созыва товарищ министра кн. В. М. Волконский высказался за желательность их произведения, пока об этом не поднят официально вопрос в Думе, так как даже при преобладающем избрании левых на партийное большинство это окажет минимальное влияние; при этом правительство избегнет лишнего пререкания с Государственной Думой, губернаторы же получат опыт ведения выборной кампании. Между тем, присутствующие губернаторы тех губерний, где подлежат избранию члены Государственной Думы, взамен выбывших (Московской, Костромской, Смоленской, Тверской, Тамбовской и Тульской) заявили, что по этим губерниям в данный момент можно ожидать избрания лишь левого элемента.

Из дневника А. А. Половцова.

(1877—1878 гг.)

В III и IV тт. «Красного Архива» уже была напечатана часть дневника бывш. государственного секретаря А. А. Половцова (за 1901—1908 гг.). В настоящем томе публикуются извлечения из того же дневника за более ранний период, именно за эпоху 1877—1878 гг., когда при Александре II была произведена очередная попытка русского военно-феодального империализма к захвату Константинополя и проливов. Дневник А. А. Половцова за эти годы представляет значительный интерес, ярко изображая, с одной стороны, неподготовленность России к войне, бездарность верховного руководства военными операциями на фронте, интриги среди высших чинов действующей армии и т. д., и, с другой стороны, рисуя — на фоне войны — закулисную борьбу министров и придворных групп в столице за власть и влияние, взаимоотношения и бытовой уклад членов Романовской семьи и их сановной челяди. Перед читателем проходит изображенная далеко не в привлекательном свете галлерея ближайших сподвижников «царя-освободителя», во главе с ним самим: его братья Николай и Константин Николаевичи, Победоносцев, Валуев, Милютин, Пален, Гирс, Горчаков, Тимашев, Трепов, Скобелев и т. д. Нашли в дневнике отражение и такие события, как выстрел Веры Засулич в Трепова, суд над ней, тревожное настроение в Петербурге в связи с подъемом революционного движения и др. Все это делает публикуемую часть дневника Половцова ценным материалом для истории последних годов самодержавия Александра II.

Текст дневника воспроизводится здесь по подлиннику, хранящемуся в Особом отделе Древлехранилища Московского Центрального Исторического Архива.

1877 ГОД.

8 апреля. — Сегодня утром в 5 час. государь уехал с огромною свитою в Кишинев, где, как говорят, будет объявлен манифест о войне. Повидимому, все кончено, и одна сила разрешит распрю народных самолюбий, возбужденных правительственными ошибками.

Обедавший у меня на-днях Грейг рассказывал мне, что четыре недели тому назад он пришел к государю испросить соизволение на отправку в армию контрольных чиновников для контролирования

военных издержек. «Pourquoi faites vous cela, mon cher?» [1]), — сказал ему государь, — ты знаешь, что на-днях войска будут распущены, что мне удалось отвратить войну, которой я никогда не желал». — «Моя мысль, — отвечал Грейг, — заключается в том, чтобы сделать хотя бы маленький опыт, который мог бы впоследствии послужить прецедентом». — «C'est bien, — продолжал государь, — mais alors faites la chose tres en petit» [2]).

9 а п р е л я. — В последних нумерах «Голоса» были помещены весьма нелестные отзывы о поповках [3]). В. к. Константин Николаевич вызвал Краевского и стал осыпать его самыми площадными ругательствами. Краевский повернулся и ушел. В последнее заседание Государственного Совета Тимашев подошел к в. к. Константину Николаевичу и стал говорить ему, что для объяснения с журналистами есть главное управление по делам печати. «Вы напрасно это сделали», — сказал Тимашев (очевидно, с высшего разрешения). — «Да, да,— сказал Константин Николаевич, — я погорячился».

10 м а я. — Гуляя по Морской, встречаю Тимашева. Вот его оценка современного положения. Государь не хочет слышать никого кроме подлых угодников вроде кн. Суворова, которого и берет поэтому на Дунай; война — величайшее для России несчастие не только по своей разорительности, но потому, что, начав ее, правительство подчинилось псевдообщественному мнению нескольких москвичей, которые и захотят остаться распорядителями судеб государственных. Путешествие государя осуждается всеми; присутствие его в армии послужит источником интриг, не говоря о расходах, на которые смета составлена в $1^1/_2$ млн., и это в то время, когда последняя нищая несет последнюю тряпку в склад Общества попечения о раненых. Императрица, возбудившая это движение, продолжает пользоваться большим и далеко не благодетельным влиянием; подзадориваемая несколькими женщинами, желающими ей нравиться, она поддерживает воинственное настроение. О речах министра финансов никто не хочет слышать; он говорит, что эта война разорит Россию, а государь отвечает, что финансовый вопрос — н е е г о д е л о. Царь-Освободитель — вот удочка, на которую ловят Александра II и журналисты и всякие либералы. Уезжая, государь назначает под председательством своего единодушно презираемого брата Константина негласный правительственный совет

---

[1]) «Для чего вы это делаете, мой дорогой?»

[2]) «Это хорошо, но только делайте это в очень небольших размерах».

[3]) Так были прозваны военные суда особой конструкции, придуманной ближайшим сотрудником в. к. Константина Николаевича А. А. Поповым; суда эти оказались весьма неудовлетворительными по своим мореходным качествам.

из Тимашева, Урусова, Валуева, но какие его предметы ведомства и пределы власти, это неизвестно самому совету. Все это какая-то крайне опасная и крупная игра в жмурки.

20 и ю н я. — За отсутствием министра двора, министерством управляет граф Э. Т. Баранов, прекрасный человек, родственник и свой человек в доме Адлерберга. Но вот образчик того, какие люди надобны теперь в этих сферах. Гр. Адлерберг, передав министерство Баранову, не предварив его в день своего отъезда, дал всем своим подчиненным циркулярное предписание посылать ему, Адлербергу, в главную квартиру, мимо Баранова, все касающееся денежной части или требующее высочайшего разрешения.

6 а в г у с т а. — Лето прошло для меня в весьма тягостных впечатлениях. С начала июня я переселился в Райти, имение отца моего близ Луги, и там пробыл до кончины матушки 12 июля.

По возвращении в Царское село занялся охотою, — больше ничего не остается делать среди бездействия, на которое правительство осуждает всякого сколько-нибудь мыслящего человека, и под гнетом тех ужасных для русского сердца и народного самолюбия известий, которые получаются с Дуная. С легкомыслием и беспечностью, объясняемыми только посредственностью людей, распоряжающихся судьбами России, мы вмешались в судьбу болгар, скажу более, мы подняли все это дело. Война была бы до известной степени простительна, если бы мы могли начать и кончить ее, как англичане в Абиссинии, но мы с надменностью, обличающею невежество, и в Малой Азии и на Дунае бросились вперед, а потом постыдно попятились, потративши даром и драгоценное время и драгоценную русскую кровь. На-днях приехавший оттуда для мобилизации гвардии граф Воронцов-Дашков, сторонник войны, сообщал мне весьма невеселые вести. О походе на Константинополь не может быть речи; по всей вероятности, мы вернемся из-за Балканов и прозимуем в Болгарии. Перед Рущуком стоят два корпуса неизвестно зачем, так как об осаде до сих пор нет речи. В. к. Николай Николаевич убегает от главной государевой квартиры и потому, несмотря на лежащие на нем обязанности главнокомандующего, несется вперед, как авангардный генерал, тогда как его место было бы в центре. Все великие князья уговаривали государя вернуться в Петербург после перехода через Дунай, но он заупрямился, а его присутствие положительно вредно.

10 а в г у с т а. — Известий нам не сообщают с театра войны. На-днях главнокомандующий в. к. Николай Николаевич телеграфировал России приказание принимать раз навсегда его молчание за доказательство тому, что все идет хорошо. Мудрено иметь доверие к столь глупому человеку. Говорят, после плевненского дела, куда ему

неугодно было показаться, а куда он только послал приказание, чтобы сражение было выиграно, государь de facto принял на себя главное распоряжение, т. е., по всей вероятности, взялся поддерживать мнения начальника штаба Непокойчицкого. Едва ли от такого порядка может быть какая польза. Граф Адлерберг пишет жене своей, что в главной квартире все уверены теперь в том, что не в продолжительном времени уничтожат Османа-пашу. При отъезде из Петербурга самоуверенность была еще больше!

В царскосельском одиночестве видаю часто Ребиндера, назначенного недавно главноуправляющим Царским селом; он человек весьма простой, очень честный, тип времен прошлого царствования, когда сам лишенный образования государь пренебрегал познаниями, а выбирал исключительно людей, которых считал безукоризненно честными. Таким порядком Ребиндер из офицеров Преображенского полка попал в воспитатели старшего сына великой княгини Марии Николаевны. Воспитание удалось с точки зрения образования, но несчастная связь герцога Лейхтенбергского с госпожею Акинфовою погубила все, поссорила Ребиндера с своим питомцем. Ребиндер весьма благородно удалился, и притом не без серьезных для него денежных трудностей. Ему дали место гофмейстера у в. к. Михаила Николаевича; там он пробыл пять лет. Эгоизм в. князя и капризничание великой княгини Ольги Федоровны заставили его без сожаления и без обеспечения удалиться и оттуда. Государь, привыкший видеть Ребиндера с ранней своей молодости, всегда выражал ему особенное благорасположение. В начале своего царствования он сказал ему: «Твое место всегда будет при мне». Ребиндер в тот же день передал эти слова бывшему тогда в силе Ростовцеву, который сказал ему: «Любезный друг, при покойном государе я сказал бы тебе, что твоя карьера обеспечена, а при нынешнем скажу: забудь эти слова, как будто их никогда произнесено не было, и не только никому не говори про них, а и не вспоминай о них». Как бы то ни было, после нескольких лет, проведенных за границею вследствие болезни жены своей, рожденной Кочубей, Ребиндер попал управляющим в Царское село. Принимая его после назначения, государь сказал ему: «Я знаю, что теперь не те средства, что прежде, и не претендую на то, чтобы все Царское село содержалось, как прежде, но прошу тебя, чтобы мои любимые места, по крайней мере, были содержимы хорошо».

Ребиндер, полагаясь на общие отзывы, думал спокойно жить на новом своем месте, но вместо того с первых же пор подвергся докучливым посягательствам. Главная приманка для надоеданий — цветы и фрукты из императорских теплиц. Не только все, обшитое каким-нибудь придворным галуном, стало заявлять требования, но переехавшая на дачу отставная танцовщица Числова, любовница в. к. Николая

Николаевича, потребовала от Ребиндера не только фруктов, но сообщения ей всякого рода военных и придворных новостей, и это в форме письма к человеку, которого никогда не видала. Ребиндер отвечал на подобную дерзость молчанием, но вслед затем получил письмо от в. к. Николая Николаевича, рекомендовавшее ему г-жу Числову, окрещенную в Николаеву, с детьми ее, объявляя, что в этом семействе сосредоточивается все, что он любит, и прося пересылать ему, вел. князю, письма Числовой и наоборот. Ребиндер отвечал на это письмо весьма достойно, говоря о преданности своей императорскому семейству и отклоняя от себя посредничество в любовной переписке.

Вслед за Числовой напала на Ребиндера княжна Долгорукая, прислав ему анонимное письмо с приказанием высылать в квартиру генерал-адъютанта Рылеева ту долю фруктов, которая назначается самому государю в его здесь пребывание. Ребиндер продолжал отсылать лучшие фрукты императрице, — тогда из квартиры генерал-адъютанта Рылеева были возвращены посланные туда фрукты с дерзкою запискою, угрожавшею принести на это жалобу кому следует. Ребиндер, старинный товарищ по полку с Рылеевым, написал ему письмо, прося прекратить подобные записки; в ответ на это письмо он получил от Рылеева телеграмму с высочайшим повелением посылать в его квартиру фрукты, предназначаемые для самого государя. Телеграмма эта с берегов Дуная прошла через руки мельчайших телеграфистов, — вероятно, для ознакомления их с тем, что заботит Александра II после плевненского поражения.

Эти презренные выходки не заслуживали бы никакого внимания, если бы не обличали целого строя нравственных уродств, красующихся на первом плане царской власти. Тут и бесхарактерность и бестактность и тупоумие, все — вещи весьма опасные в представителях власти.

Еще пример бестактности. Княжна Долгорукая имеет трех живых детей, один умер и погребен на царскосельском кладбище; желающие могут встречать императора, молящегося на этой могиле, над которою воздвигают великолепный памятник.

12 августа. — В отсутствие государя Россиею управляет некий верховный тайный совет, составленный, под председательством в. к. Константина Николаевича, из Валуева, Тимашева, Игнатьева (председателя Комитета Министров) и Гейдена. В совет этот вносятся все дела, требующие высочайшего утверждения без собственноручной подписи государя; таких дел еженедельно от 150 до 200. Им составляется общий реестр, который и посылается в главную квартиру. Реестр этот осязательно доказывает бесполезность внесения таких дел на высочайшее усмотрение. Все учреждение этого совета довольно любопытно, — два министра в нем присутствуют, а остальные призываются,

как школьники, для дачи объяснений. Особенно обижен тем, что не попал в этот совет, кн. С. Н. Урусов, председатель департамента законов, но такого бесхарактерного человека можно безнаказанно бить по щекам. Самое существование совета есть тайна; делопроизводителем в нем государственный секретарь Сольский, который решение совета сообщает управляющему отделением собственной канцелярии для объявления в форме высочайших повелений.

16 сентября. — Осень надвигается. Война затягивается. Русские солдаты мрут бесполезно. Банкротство политическое и финансовое приближается, а вместе с ним страх о последствиях столь торжественно заявленной несостоятельности правительства, заявленной в глазах невежественного, не образованного, но очень умного народа. Валуев, которого я встретил на-днях, сказал мне, что после этих военных неудач, правительство, несомненно, захочет сделать что-нибудь для народа, и весьма легко может быть, что государь захочет дать конституцию, а для этого надо иметь в запасе готовый проект конституции; мне показалось из его слов, что он стряпает над чем-нибудь подобным [sic!]. Из его головы может выйти одно бездарное подражание европейским парламентским учреждениям, крайне опасное в применении к России. Я сознаю пользу и даже необходимость обуздать зимнедворцовский произвол, но ограничения произвольничанию желал бы найти в существующих уже силах и, конечно, преимущественно лучших силах России.

Возвращаясь в Царское село, сижу в вагоне с Тимашевым, который читает мне записку, называемую им письмом одного приятеля из Москвы. Смысл записки такой, что во время успехов превозносили правительство, а теперь его ругают после неудач. Дело кажется весьма естественным, но Тимашев выводит из этого псевдописьма заключение, что правительство не должно обращать никакого внимания на общественное мнение. Письмо это не подписано и, по всей вероятности, составлено в черном кабинете. Это же письмо Тимашев читает за столом у императрицы.

Решительно Александру Николаевичу и Плевна не впрок, хотя рассказывают, что во время отступления Скобелева он, как окаменелый, стоял почти под выстрелами и только по настоятельному требованию Скобелева удалился. Чертков пред назначением, вследствие болезни товарищей, дежурил при государе 12 дней сряду; видно, здоровье есть залог повышения.

25 сентября. — Возвращаюсь в Царское село. На Гатчинской станции ко мне подходит незнакомый мне священник, пробует завязать разговор, курит папироски, потягивает херес, распевает оперные арии и любезничает с какою-то сестрою милосердия. Оказы-

вается, что это священник принцессы Евгении Максимилиановны, провожавший санитарный поезд. Сколько лжи около всего этого человеколюбивого движения!

13 октября. — Охота в Вартемягах с герцогом Мекленбургским, Швейницем и Н. Всеволожским. Последний, служа в Конногвардейском полку, состоит теперь ординарцем при в. к. Владимире Александровиче. Приехав из-под Рущука сюда на несколько дней для устройства своих денежных дел, он рассказывает вещи весьма неутешительные относительно положения наших дел на Дунае: в. к. Николай Николаевич глупостью своих распоряжений вселил к себе презрение, близкое к ненависти. Невежество, грубость в обращении с ничтожными по способностям подчиненными, наконец, отсутствие везде, где было что-нибудь важное, отвратили от него и уважение офицеров и любовь солдат. Серьезного обсуждения военных планов нет; все делается более или менее наудачу по влиянию Левицкого и по раболепному послушанию Непокойчицкого.

Слава Скобелева растет ежедневно и уже дошла до того, что, когда он едет по лагерю, то все солдаты выбегают из палаток с криками «ура», что они привыкли делать для одного государя. Скобелев человек умный, решительный, безнравственный, — такой, какими были кесарь или Наполеон, такой, каких пошлая толпа любит обожать; если его не убьют, то он выйдет из войны героем-исполином. О личной его храбрости не может быть спора. В белом своем кителе, на белой лошади он дразнит турок и восхищает своих солдат. Николай Николаевич его ненавидит и в последнее плевненское дело письменно запретил посылать ему подкрепление, а получи он эти подкрепления и удержи редуты, так, может быть, Плевна была бы уже в наших руках.

О том, в каком настроении началась война, дает отчет любопытный рассказ Всеволожского, который был свидетелем следующей сцены. Тотчас после взятия Никополя, в. к. Владимир Александрович поехал к государю; в этот день Всеволожский был дежурным. Они вошли в комнату, где сидел государь, а пред ним стоял Гассан-паша, которого государь допрашивал через переводчика: «Спроси его, знал ли он, где мы перейдем через Дунай?» — Паша: «Когда с кем нибудь поссоришься, то не знаешь, в какую щеку он тебя ударит». — Государь: «Что он думает о мире?» — На какой-то незначительный ответ паши государь прибавил: «Скажи ему, что мир будет такой, как я укажу (sic)». Выведенный из терпения паша на вопрос о войне сказал, что он думает, что государь с сыновьями приехал в Турцию чай пить. Разумеется, переводчик не посмел перевести этого последнего ответа. После разговора с пашей государь спросил Игнатьева, можно ли пашу пригласить к обеду и не велика ли будет честь, но Игнатьев поспешил сказать,

что велика будет честь, и стал рассказывать мнимую генеалогию пленника, а находившийся при этом Мезенцев вполголоса бормотал: «все врет подлец!» В. к. Владимир Александрович чрезвычайно расстроен, хорошо понимая окружающую его неурядицу, но, по свойственному всем им раболепству, не смеет поднять голоса.

22 ноября. — Ход военных событий улучшается, но, тем не менее, конца войны не видно. В сентябре месяце меня вызывала баронесса Раден и предлагала ехать в самые отдаленные от главной квартиры госпитали, чтобы убедиться, что они имеют все, что им нужно, — я согласился под условием ехать от имени императрицы, но не иметь ничего общего с обществом «Красного креста». Должно быть, условие это не понравилось, потому что согласию моему не дано никакого дальнейшего хода.

В заседания главного управления Общества попечения о больных и раненых воинах я перестал ездить по следующему случаю: обсуждались там действия главноуполномоченного Абазы, который был назначен по высочайшему повелению, не хотел знать управления и распоряжался по своему усмотрению; при этом было заявлено, что кн. Черкасский еще больше, чем Абаза, произвольничает и распоряжается не только мимо главного управления, но даже прямо наперекор ему, так, например: хотя ему написано было не давать денег в руки, он продолжал раздавать деньги собственноручно и написал императрице, что будет продолжать это делать, потому что оно делается под глазами [sic!] апробующего то государя императора. Я настаивал на том, чтобы в отношении обоих уполномоченных было поступлено одинаково, но в этом мне отказали, причем, отведя меня в сторону, мне сказал Исаков, что Черкасский пойдет тревожить этим государя, который и без того обременен хлопотами, а мой приятель Победоносцев сказал мне: «Твое предложение непрактично. Разве ты не знаешь, что Черкасский владеет ушами государя?»

24 ноября. — На-днях скончался Александр Николаевич Попов. По отзыву медиков, болезнь, его сразившая, была последствием напряженных умственных занятий. Он служил во II отделении собственной канцелярии, но служба немного давала ему дела; он занимался историею, и последний овладевший им труд была история отечественной войны. Попов был маленький, кругленький, смуглый человечек с острыми глазами, постоянною улыбкою и чрезвычайно любезными манерами, что крайне редко в чиновничьем быту. Он говорил много и хорошо, с большим воодушевлением, без всякой аффектации, без ложного огня или напускного равнодушия. Он долго служил при графе Блудове и рассказывал о нем много анекдотов, из коих вспоминаю здесь один весьма характеристичный. Когда Попов, по поручению

гр. Блудова, приступил к изданию памятников дипломатических сношений России, то написал предисловие, в котором сказал, что тексты эти изданы буквально; граф Блудов требовал настоятельно, чтобы сказано было: более или менее буквально. Это и было сделано Поповым лишь в нескольких экземплярах, предназначенных для самого Блудова. Состоя в нашем Историческом обществе членом совета, Попов дал материалы, относившиеся к переговорам, предшествовавшим Отечественной войне, — донесения Чернышева, Куракина, Сухтелена. Материалы эти окончились на 26 листе, когда болезнь Попова пресекла дальнейшую его деятельность. Том этот должен был выйти в свет 12 декабря, ко дню столетнего юбилея императора Александра I. За отсутствием Гамбургера, трудно было достать что-либо из Государственного архива, и я воспользовался предложением помощника директора Публичной библиотеки А. Ф. Бычкова дополнить том хранящимися в библиотеке бумагами Сперанского. Но и тут встретилось затруднение; самою интересною из этих бумаг был проект конституции, озаглавленный им: «Проект уложения государственных законов». Я готов был напечатать этот проект, но опасался неприятностей для нашего председателя, цесаревича. Судьею этому я взял Победоносцева, состоявшего с ним в постоянной переписке; Победоносцев признал напечатание этой записки немыслимым без страшной со стороны Тимашева истории. Тем вопрос и разрешился. По этому поводу у меня был с Победоносцевым следующий разговор: «Нет сомнения, что существующие порядки продолжаться не могут, настанет внезапно время перемен, а во избежание того, чтобы они были слишком круты и необдуманны, тебе (т.-е. Победоносцеву) следовало приготовить план, который ты и мог бы держать в запасе до того времени, когда при вступлении на престол нынешнему цесаревичу вздумается сделать что-либо для России, которая всегда бывала в барышах от начала всякого царствования». Победоносцев: «Я не придаю никакого значения конституционным или вообще какого бы то ни было рода формам. Надо, чтобы сам государь-то был человек, твердый на добро, разбирающий людей и т. д., а без этого всякие внешние перемены ни к чему не послужат».

Я стал ему доказывать, что одно другому не препятствует, но Победоносцев стоял на своем. Я убедился, что ясной политической мысли или программы у него нет, а что он ограничивается платоническими полурелигиозными пожеланиями нравственного усовершенствования. В прениях Государственного совета он ограничивается в речах критикою, никогда не имея положительного пред глазами идеала, к осуществлению которого бы стремился.

30 ноября. — В Сенате предаем суду петербургского уездного предводителя Безобразова за денежные злоупотребления по дво-

рянской опеке. Прокурор Петербургской судебной палаты Фукс полагал освободить Безобразова от преследования; таковы почти все прокуроры, особливо любимцы [1]) графа Палена.

10 декабря. — В 10 часов приехал по Варшавской железной дороге государь. Государственному совету, Сенату разрешено было приехать на станцию для встречи. Тут же была вся императорская фамилия, кроме императрицы, а также свита государева, да еще депутация от дворянства и от города Петербурга. Все это было вбито в одну комнату, в которую государь вошел и, выслушав оглушительное и, по моему мнению, не совсем уместное «ура», сказал: «Я радуюсь, что вернулся к вам; в последнее время я имел утешение и в Плевне и у детей моих, но нам предстоит еще преодолеть с божиею помощью много трудностей для окончания предпринятого дела». Затем государь сел в сани и уехал.

По улицам были расставлены войска, учебные заведения; дома украшены флагами, народ толпился по дороге. Я нашел, что государь постарел и, в особенности, похудел. Приехавшие с ним, как, например, Мезенцев, Салтыков, радешеньки, что выбрались оттуда. Жизнь в Болгарии была не только полная лишений, но и не всегда безопасная; постоянно получались тревожные известия, и между вторым и третьим плевненскими приступами было основание опасаться нападения турок в самой главной квартире, так что раз ночью вследствие уведомления казачьих разъездов главная квартира снялась с места стоянки. В. к. Николая Николаевича все поголовно и беспощадно ругают.

16 декабря. Пятница. — В общем собрании сената сражение с Маковым по делу о предании суду бобруйского предводителя дворянства Воронцова-Вельяминова за взятки при рекрутском наборе.

18 декабря. — Воскресенье. Заезжаем к Лобанову (на Михайловской площади, дом бывший Виельгорского). Бывши долго сам посланником в Константинополе, он, конечно, крайне интересуется теперешними событиями. При всем его неизменном оптимизме он высказывает убеждение, что, на основании достоверных сведений, правительство наше по этот день не выработало взгляда относительно условий мира.

31 декабря. — Поехав на охоту в Федоровское с Швейницем и не найдя волков вследствие сильной вьюги, сидим вдвоем в избе и рассуждаем о современных событиях. Швейниц замечательно умный и своеобразно сложившийся умом человек.

Вот отрывки из сказанного им: Австрия должна взять Боснию и Герцеговину. Англия по своему политическому влиянию близка

[1]) Зачеркнуто далее карандашом: «тупоумного».

к положению Голландии, еще немного и англичанам останется заниматься тюльпанами. Только что умерший Виктор-Эммануил был человек замечательно проницательный, и смерть его может дать . . . . [1]) большим усложнениям в Италии. В настоящую минуту у нас в Европейской Турции 610 тысяч солдат, а всего вооружено 1 400 000 человек. По окончании войны следует сократить наш военный бюджет на половину, это одно спасенье для финансов. Правительство не может оставаться в теперешнем виде. Говоря о военном министре, Швейниц выразился, что Милютин — большой теоретик и не понимает многих человеческих струнок, не имеющих ничего общего с теориею, а между тем важных в военном деле. Милютин за последние годы все свои соображения основывал на предположении о войне с Пруссиею; сообразно с этим строены новые железные дороги, сообразно с этим переведены на прусскую границу все кавалерийские полки, прежде стоявшие на юге России, где продовольствие их было несравненно дешевле. Когда осенью 1876 г. Швейниц приехал в Ливадию, то пред домом государя встретил Милютина, который спросил Швейница: «quelles nouvelles nous apportez vous?» — «Que vous pouvez largement disposer de la cavalerie que vous avez disposée sur notre frontiere» [2]) отвечал Швейниц.

1878 ГОД.

1 января. — Целый день на охоте в Федоровском с Швейницем. Тщетно гоняемся за рысью, но убиваем лишь время. Вечером у Абазы. Сетования о том, что человек столь ограниченного ума, как Николай Николаевич, распоряжается нашим отличным войском.

В яхт-клубе говорят, что государь сегодня очень озабочен известиями, полученными относительно Австрии, что цесаревич требует присылки к нему в качестве начальника штаба Обручева, а Николай Николаевич не хочет об этом слышать. Инструкции о заключении перемирия посланы Николаю Николаевичу два дня тому назад.

Разговаривая с Швейницем о печальном главнокомандовании в. к. Николая Николаевича, я ему сказал: «Вы должны бы написать своему императору, чтобы он посоветовал нашему сменить своего брата». — «Я уже сделал это», — был ответ Швейница.

4 января. — Государь получил одну телеграмму от султана, а другую от королевы Виктории с просьбою о мире. Обедавший с нами Лобанов находит телеграмму королевы Виктории весьма дурным пред-

[1]) Одно слово не разобрано.

[2]) «Какие новости привезли вы нам? — Что вы широко можете использовать кавалерию, расположенную на нашей границе».

знаменованием; это опять повторение того, что предшествовало Восточной войне. Приехавший после обеда Новиков, наш посол в Вене, разделяет это мнение. Он утверждает, что до сих пор отношения к нам Австрии были примерные и продолжатся до тех пор, пока Андраши будет первым министром, но может настать минута, когда наша политика сделает положение Андраши невыносимым, и тогда он не замедлит сложить с себя звание первого министра, так как, владея значительным состоянием и имея вообще видное и независимое положение, он всегда будет пользоваться большим почетом. Бейст не будет никогда его приемником, потому что его все в Вене ненавидят, а император поддерживает потому только, что сам перевел его из саксонской службы; Бейст не имеет ни гроша, и потому император держит его послом, чтобы не лишить его насущного хлеба. Присутствие Бейста в Лондоне, а Эллиота в Вене, без сомнения, приносит нам много вреда.

Относительно Пруссии Лобанов думает, что мы можем безусловно рассчитывать на ее дружбу, потому что Бисмарк надеется разрешением восточного вопроса без участия Франции навлечь надолго ее нерасположение. Новиков, напротив, полагает, что на дружбу Пруссии не следует рассчитывать вовсе, так что, в случае объявления войны Австриею, по мнению Новикова, весьма вероятно, Пруссия вместе с Австриею пойдет против нас.

6 января. — Приехавший вчера умный Влангали рассказывает много любопытного относительно Франции. Вздыхая о наших делах в Турции, передает рассказ военного агента в Белграде графа Ларош-Шуара, который, придя к Милану, передал ему сообщение французского военного агента в Бухаресте, который, по поручению кн. Горчакова, советовал Милану оставаться в покое, а в ответ на это Милан показал Ларош-Шуару депешу в. к. Николая Николаевича, настаивавшего на скорейшем выступлении в поход.

7 января. Суббота. — Граф Шереметьев, адъютант цесаревича, уезжающий завтра на Дунай, говоря об отношениях цесаревича к Николаю Николаевичу, между прочим, рассказывает, что государь, уезжая из Болгарии, приказал своему гвардейскому конвою перейти к цесаревичу. Тотчас после отъезда государя Николай Николаевич отменил это приказание и велел государеву конвою оставаться при себе.

8 января. Воскресенье. — Являюсь государю благодарить за полученную владимирскую звезду. Что за скопище подобострастных глупцов представляет Зимний дворец! По обыкновению, пред окончанием обедни представляющихся ранжируют в так называемой арабской комнате. Обер-камергер граф Хрептович читает список, покуда государь обходит представляющихся. В прежнее время я слы-

хал при подобных случаях любезности, как, например: «Надеюсь, что буду еще иметь случаи тебя награждать», или расспросы о жене, детях и т. п., но теперь дело кончается сухим поклоном; все за то, что осмелился не звать княжну Долгорукую на свои балы.

11 января. Среда. — Крестины Бориса Владимировича. Государь в драгунском мундире, которого [sic] в. к. Владимир Александрович шеф; полк отличился притом в эту войну. Все эти важные соображения по поводу надетого им мундира государь объясняет сделанному им при этом флигель-адъютантом офицеру этого полка.

Стоя во время крестин в церкви, слышу от Мезенцева, что государь сказал ему в этот день: «Je reçu de meilleurs nouvelles d'Autriche» [1]). Я говорю Мезенцеву: «Самая лучшая новость была бы смена главнокомандующего». — Об этом уже многие пробовали говорить, но ответ всегда один: «Я его назначил, и я ему верю». — Ответ — достойный государя, ставящего свое самолюбие выше блага отечественного, ответ, повторяемый каждым министром о подвластном ему чиновнике.

13 января. Пятница. — В общем собрании Карамзин, опровергая мнение Шамшина, говорит ему непростительные грубости. Пред обедом захожу к Валуеву, которого речь приблизительно такова: положение наше в настоящую минуту крайне серьезно и даже опасно, опасно в особенности потому, каким порядком дела обсуждаются. Государь совещается только с Горчаковым и Милютиным. Еще в прошлом году приглашались к совещаниям кроме меня министры финансов и внутренних дел, но теперь и они в стороне, так что при одряхлевшем Горчакове всем распоряжается один военный министр. Таким образом уничтожен всякий обмен мыслей, и все, что случится, ляжет исключительно на ответственность государя в глазах народа.

Жаль только, что Валуев говорит это лишь с того дня, как его перестали приглашать.

14 января. Суббота. — Приехавший из Тырнова граф Протасов-Бахметев рассказывает дело под Еленою. Он, будучи свиты генерал-майором, был откомандирован состоять при II корпусе. 6 сентября он приехал к в. к. Николаю Николаевичу просить его, чтобы позиция под Еленою была укреплена, так как в Тырново хранились огромные запасы хлеба и пороха, до которых Сулейману, очевидно, было выгодно добраться, не говоря о стратегическом значении этого пункта. Главнокомандующий сознал значение этого пункта и обещал все сделать, прося об одном, чтобы Протасов ничего не говорил государю. Протасов возвратился в Тырново, но прошел сентябрь, октябрь, наступил ноябрь, и однако, несмотря на частые представления, поло-

[1]) «Я получил более хорошие известия из Австрии».

жение войск, стоявших у Елены, не улучшалось. Мирский в это время писал жене своей, показывавшей эти письма, что положение войск преопасное. С 10 ноября стали, можно сказать, домашними средствами устраивать укрепления согласно мысли Протасова и 21 вечером окончили самые важные работы. 22 утром Сулейман напал, и тут продолжался ожесточенный, несчастный бой, в течение коего Протасов, прискакавший из Тырнова, постоянно оставался при Мирском и не может нахвалиться его нравственными и боевыми качествами. По окончании дела Протасов сделал подробный план и привез его с донесением императору. Государь принял его в присутствии Адлерберга и Милютина. Любопытно, что на карте, имевшейся у государя, были ошибочно написаны одно вместо другого названия деревень, так что по телеграфным донесениям государь думал, что турки в тылу русских, когда они стояли перед нами.

Когда вслед за тем Протасов пошел с донесением к Николаю Николаевичу, то главнокомандующий, сидевший в палатке с георгиевскою лентою, как ребенок с игрушкою, встретил его, сжав кулаки и угрожая ими Протасову, причем сказал: «Что ты наврал государю?»— «Ваше императорское высочество,—ответил Протасов, — я 25 лет служу и еще никому не врал, а тем менее государю императору».

Вот какой грубый и глупый человек начальствует над бедным русским войском.

16 января. Воскресенье. — Мир считают почти заключенным. Разговаривая вечером у Абазы о русских финансах, слышу от него следующее: начало нашему финансовому расстройству положила мера, уничтожившая платеж 5% на суммы, внесенные в кредитные установления; в то время платили 5%, а получали 4%; разница эта составляла издержку около 10 млн. Министр финансов Брок хотел избавиться от этой издержки, Чевкин рассчитывал, что вынутые частными лицами из кредитных учреждений деньги оживят промышленность, в. к. Константин Николаевич тоже имел какие-то свои соображения. К их мнению принадлежало еще два члена, а затем весь Государственный Совет был поголовно против, но государь согласился с меньшинством. Капиталы из кредитных учреждений ушли, создались необдуманные предприятия, поглотившие значительную часть этих капиталов, а правительство стало затем делать займы на гораздо более отяготительных условиях, чем те, на которых у него прежде лежали деньги.

24 января. Вторник. — Придя в Сенат, узнаю о том, что какая-то женщина, подавая Трепову просьбу, выстрелила в него из револьвера. Говорят, то месть за жестокое обращение Трепова с лицом, по имени Боголюбовым, который содержался в тюрьме и не снял пред

Треповым шляпы. Узнав, что он уже приговорен к ссылке в Сибирь, Трепов велел его жестоко высечь, что было совершенно произвольно. Женщина эта дождалась окончания политического процесса, опасаясь, вероятно, поступком своим отягчить судьбу обвиненных; вчера объявлен приговор, а сегодня раздался выстрел. По приговору 90 человек оправдано, а 60 вменено в наказание продолжительное содержание в тюрьме; всего один приговор к каторжной работе, и то за убийство, пятеро его пособников присуждены к ссылке в Сибирь на поселение, а около 30 человек решено выслать на жительство в отдаленные губернии.

Только бездарность и желание выслужиться могли раздуть подобное дело до таких нелепых размеров.

6 февраля.— В 2 часа возвращаются с Дуная великие князья: цесаревич, Владимир Александрович и Алексей Александрович.

7 февраля. Вторник. — В 10 часов еду поздороваться с в. к. Владимиром Александровичем. Вот резюме его впечатлений: успехами мы обязаны исключительно русскому народу, все сделал солдат, а никак не наша братья, генералы. В русском народе за эту войну выказалась такая сила, такая мощь, что страшно становится. Я: «А что под этим впечатлением будет после заключения мира?» Великий князь: «И предвидеть невозможно все, что подымется. Только бы теперь, после стольких жертв, не трусили Европы, а твердо стояли на своем. Никто в Европе войны не хочет».

8 февраля. Среда. — Заключение прокурора о прекращении политического процесса какого-то крестьянина. При прочтении доклада, излагающего показания обвиняемого, его переписку, невольно приходишь к мысли, что все устроено так, что человек, вполне добросовестный, приехавший в Петербург с намерением получить в нем образование, должен неизбежно сделаться нигилистом, врагом существующего порядка. Этот вопрос важнее, чем наказание единичных жертв этого порядка.

9 февраля. Четверг. — Встречаю Гамбургера, который радуется, что ему удалось назначить Бека директором Государственного архива. Бек — человек крайне почтенный, добросовестный, образованный, но за все свое управление Горчаков его преследовал как представителя нессельродовского режима; теперь ему дали это место для того, чтобы его место члена совета отдать Фредериксу, который, опасаясь смерти Горчакова, желал бы иметь место более прочное, чем просто секретаря.

О Горчакове Гамбургер говорит, что он бесится за то, что Бисмарк отказался принять участие в конференции, а что вследствие того и ему, Горчакову, не приходится туда ехать.

11 февраля. Суббота. — Охотился на волков в Федоровском вместе с Воронцовым, который рассказывает, что, приведя гвардию на Дунай, под Плевну, принял над нею командование в качестве начальника штаба. Провиант доставлялся войску крайне неисправно и дурного качества. Воронцов не переставал писать и телеграфировать и в. князю Николаю Николаевичу, и Непокойчицкому, и цесаревичу. В один прекрасный день он получил бумагу, извещавшую его, что он назначен командовать кавалериею Рущукского отряда, — командование чисто номинальное, потому что кавалерия эта была растянута на 80 верст, и притом всего в числе менее двух дивизий. «К тому же, — прибавил Воронцов, — надо сказать правду, что я не ужился бы с Гуркою, не позволил бы ему лгать, как это было, например, под Телишем, где он донес, что лейб-егеря атаковали, не имея на то приказания, когда письменное о том приказание сохранилось до сих пор».

Конечно, в этой немилости Воронцова было и то, что в поставке провианта участвовали и любовница великого князя Числова и управляющий Непокойчицкого Грегор, было также и общее нерасположение в. к. Николая Николаевича к цесаревичу, но были еще и другие причины. На Дунае не возлюбил Воронцова сам государь, всегда ему протежировавший. Прежде всего рекогносцировка под . . . ., [1]) не принесшая будто бы особой пользы, а, между тем, положившая около 300 человек, произвела на Александра Николаевича неприятное впечатление, несмотря на то, что в день самого дела он телеграфировал императрице: «L'affaire de Vorontsoff a été brillante» [2]). После Плевны, 30 августа, государь в присутствии Гамбургера сказал: «Это все . . . ., [1]) принесла мне несчастие». Потом были против Воронцова еще два странные повода к неудовольствию, сообщенные мне Мезенцевым. Когда, после второй атаки на Плевну, признано было необходимым вызвать поскорее гвардейский корпус, то Воронцов, которому в качестве начальника штаба поручено было привести гвардейский корпус, прямо из отряда цесаревича устремился в Петербург, а государь по поводу его отъезда сказал Мезенцеву: «А Воронцов даже не потрудился со мной проститься». Во время пребывания в Петербурге Воронцов с полною откровенностью высказал положение дел императрице и цесаревне. Это было также поставлено ему в большую вину.

19 февраля. — Вечером получено известие о подписании мира, о чем и возвещено пушечными выстрелами. У Абазы узнаю, что, по сведениям военного министра Милютина, Бисмарк принял председательствование на конгрессе, имеющемся собраться в Берлине. Я нахожу это обстоятельство крайне благоприятным потому, что таким

[1]) Одно слово не разобрано.
[2]) «Дело Воронцова было блестяще».

путем впавший в детство кн. Горчаков отдается в опеку Бисмарка, который, по интересам непрусским, удержит нас от войны, а по интересам прусским и без того возьмет от нас все, что ему угодно.

1 марта. — На похоронах безответного Николая Борисовича Штиглица выслушиваю от его шурина, Грейга, следующее: «Сегодня утром я представил государю свой конфиденциальный отчет, печатающийся в весьма ограниченном числе экземпляров. В первый год моего вступления в государственный контроль я 26 февраля испросил у государя аудиенцию для представления отчета; государь назначил мне 2 марта. Когда я в этот день взошел в комнату, то государь, как бы несколько встревоженный, сказал мне: «А отчет?» Я ответил, что он у меня в руках. «Нет, ты, пожалуйста, присылай мне его 1 марта, и мой отец и я привыкли находить его в этот день утром на своем столе». Говоря об этом отчете, представленном в нынешнем году, Грейг сказал мне, что он включил в него предположения об устройстве контрольного в среде Сената департамента, как высшего контрольного учреждения, об уменьшении числа контрольных палат. Предположения эти совершенно несогласны с мнением товарища государственного контролера Островского, который находит их противоречащими основным идеям покойного Татаринова.

Выслушивая эти сообщения Грейга, я ему сказал, что если он заботился об успехе своих преобразований, то должен позаботиться о выборе своего преемника, так как, сколько мне известно, его ожидает в скором времени назначение на пост министра финансов. «Да, — отвечал Грейг, — по всему кажется, что это назначение меня ожидает; сам государь выразился на-днях в этом смысле, но именно потому, что оно в высшей степени вероятно, именно потому-то я и думаю, что оно не случится. Впрочем, это назначение для меня не особенно привлекательно, хлопот гораздо больше, чем на месте контролера, а между тем здесь я имею дом, который я устроил для своего семейства, тогда как у министра финансов очень дурная квартира».

Такой возвышенный взгляд русского государственного мужа напомнил мне, как несколько лет тому назад я обедал у австрийского посланника Лангенау, и присутствовавший на обеде гр. Пален громогласно сказал: «Il n'y a qu'une bonne chose dans la position de ministre de la justice, c'est la maison qui est charmante» [1]).

14 марта. — Захожу к в. к. Владимиру Александровичу поблагодарить за то, что пригласил меня на охоту, но я не мог воспользоваться этим приглашением. По его мнению, войны с Англией не бу-

[1]) «Есть только одна хорошая сторона в положении министра юстиции, это — очаровательный дом».

дет; чтобы не пропустить англичан в Черное море, для нас достаточно занять европейский берег Босфора, что мы и можем сделать ежедневно, — таково мнение Тотлебена; с Австриею все улажено; надо было успокоить самолюбие, и это сделал принц Александр Гессенский, а успех припишет себе Игнатьев. В. к. Владимир Александрович жалеет о выборе такого посланца.

16 марта. Четверг. — В 2 часа открытие китайской выставки. Совершенно неожиданно приезжает государь, которого занимают сначала китайский костюм, который он надевал в 1833 г. на костюмированном бале, а потом эмалевый, отделанный в парижскую бронзу, столовый сервиз, принадлежащий в. к. Екатерине Михайловне. Из этого сервиза он приказывает достать часы и рассматривает их, как детскую игрушку; художественная сторона всех этих предметов вполне от него ускользает. Совсем не так смотрит императрица; она внимательно вникает в каждую вещь и, слушая Влангали, а немножко и меня, схватывает вскоре и красоту вещей и смысл, роскошь восточного искусства. Осмотр длится более часу, после чего императрица осматривает технический музей.

Государь, по обыкновению, меня игнорирует, а я доставляю себе удовольствие с усиленною вежливостью провожать его на мороз до коляски, тогда как те, с кем он любезно разговаривал, остаются в стенах здания.

20 марта. Понедельник. — Завтрак у в. к. Владимира Александровича с цесаревичем и цесаревною. Владимир Александрович, по чисто великокняжескому обыкновению, говорит о прошедшем, о своем детстве, которое оставило в нем самое неприятное воспоминание, представляет в комическом виде и распоряжения своих воспитателей и равнодушие своих родителей, жалуется, в особенности, на то, что их дурно кормили («On nous donnait des beefstak tailles dans les chairs de la reine Victoria») [1]), что их кормили мало и что они радехоньки были, когда по праздникам их приглашали к родительскому столу. «J'ai remarque, — заключил он, — que mes frères cadets ont eu la vie beaucoup plus facile et que c'était toujours le cas pour les enfants à mesure que les parents vieillissaient» [2]). Слушавший все это цесаревич от времени до времени прибавлял: «Un degoutant souvenir» [3]), а цесаревна сказала: «Mais aussi quelle drole d'idée davoir pris Gogel pour instituteur» [4]).

---

[1]) «Нам давали бифштексы из мяса королевы Виктории».

[2]) «Я заметил, что моим младшим братьям жилось гораздо легче и что так всегда бывает с детьми по мере того, как родители стареют».

[3]) «Отвратительное воспоминание».

[4]) «Но и что за странная мысль взять Гогеля в воспитатели».

Среда, 22 марта. — В $2^1/_2$ у цесаревича в Аничковом дворце встречаю на лестнице кн. А. Б. Лобанова и графа Уварова, выходящих от вел. князя, с которым говорили об его Московском музее и предполагающейся в Москве выставке по случаю двадцатипятилетия царствования.

Цесаревича нахожу, по обыкновению, крайне любезным. Говорю ему приблизительно следующее: «Я не видал еще вас с вашего приезда и потому прежде всего приветствую ваше высочество по поводу счастливого вашего возвращения. Вам известно, что лесть чужда устам моим; если бы вы в этом отношении могли иметь какое-либо сомнение, то будущность разубедит вас в том, а потому сегодня от чистого сердца я могу сказать, что среди тяжелых минут, переживаемых Россиею, я вижу для нее большое счастие в том уважении, том сочувствии, которым вы себя окружили; Россия не Англия, и для нее было бы величайшее несчастие иметь наследником престола человека, как принц Валлийский. Вы пережили ужасное время». Цесаревич: «Да, а, кажется, придется переживать еще ужаснее. Все заставляет думать, что мы накануне войны с Англиею. Войну эту, конечно, можно было бы избежать, если бы хотя кто-нибудь в Европе действительно хотел достигнуть примирения между Англиею и нами, но вместо того успехи наши увеличили prestige [1]) [sic!] России и ненависть к ней». Я: «Главная беда все-таки, как я уже говорил вам, заключается в том, что у нас нет среди правительства государственного обсуждения серьезных дел; без сомнения, я не говорю о парламентах, а разумею лишь собрание людей независимых, образованных, обменивающих мысли в прениях и представляющих различные стороны обсуждаемого вопроса. И в высших и в низших сферах правительства царствует полный разлад. Всякий режим опирался на какой-нибудь элемент предпочтительно. У нас в России все ослаблено, расстроено, осталась грубая толпа с общиной, с кабаком, на которую, разумеется, нельзя возлагать надежд, как на элемент порядка. В прежнее время все основывалось на помещике, его уничтожили, но, не сожалея более о крепостном праве, нельзя не сожалеть о том, что окончательно уничтожен представитель большего, чем мужик, просвещения. Правительство действует успешно, когда ему в помощь призываются лучшие люди страны, люди наиболее богатые и просвещенные, что в смысле политическом почти то же самое. Как сделать это у нас? То великая задача... ваше высочество! Когда я подумаю о том, какие страшные трудности вас ожидают в будущем, то мне вас жаль от души. Дай вам бог нужные для преодоления этих трудностей нравственные силы, но силы эти должны быть очень, очень велики!»

[1]) «Престиж».

После этого мы поговорили о делах Исторического общества, причем цесаревич назначил днем годичного собрания следующий понедельник.

26 марта. Воскресенье. — Визит Градовскому (А. Д.), профессору государственного права. Живет в весьма скромной квартире 4-го этажа на Васильевском острове. Высокого роста, с умными выразительными глазами, весьма резкими чертами лица; схожусь с ним в той мысли, что одного надо желать — постепенного улучшения, а никак не крупного переворота всегда и во всем. Обсуждаем интересующий нас обоих вопрос административного суда и изменений, необходимых в функциях 1-го департамента Сената. Для меня совпадение наших мнений тем приятнее, что до этих результатов мы дошли различным путем. Он — теориею, а я — практикою.

От Градовского захожу к Трепову, у которого не был еще со дня покушения на его жизнь. Нахожу его почти совершенно здоровым, гуляющим по великолепным комнатам дворца, отданного ему в прошлом году и в котором еще недавно помещались все судебные и губернские учреждения Петербургской губернии. Трепов, по обыкновению, бранит всех: какая это политика, разве можно так вести дела, государь видит только Горчакова, Милютина да Адлерберга, а не знает всего того, что говорят другие. Как же не иметь более обширных совещаний? Все либеральничество, идем освобождать болгар, а дома-то что делается? Царь-освободитель, да, всякие свободы будто бы надавал другим, а свою ни в чем не стеснил, все на наш счет. Каково теперь, в меня выстрелили, да меня же тянут в окружный суд, а ему все равно.

Признаюсь, такого заключения я никак не ожидал.

29 марта. Среда. — Из Аничковского дворца возвращаюсь домой пешком с Жомини, который не перестает говорить, что нельзя вести дела так, как они ведутся. Канцлер совсем выжил из ума. Пред посылкою своей ответной ноты на имя Салисбюри он читал ее государю в присутствии императрицы, которая не одобряла мысль настаивать на конгрессе. Горчаков отстаивал необходимость конгресса, а на другой день утром сказал Жомини, что передумал и что, в самом деле, конгресса не нужно. Жомини, с своей стороны, настаивает на конгрессе; по его мнению, легче уступить собранию дипломатических представителей европейских держав, чем отдельным требованиям того или другого. Сожалеет об упрямстве государя по бессарабскому вопросу, — возвращение этой ничтожной территории Александр II считает делом личной своей чести и упорно отказывается слушать противоположные этому мнения.

31 марта. Пятница. — Отправляюсь слушать дело о покушении на жизнь Трепова. Зала набита публикою, а места за судьями

переполнены высшими чиновниками, начиная с кн. Горчакова. Самая зала бессмысленна потому, что для публики устроен двухэтажный театр, в котором председателю невозможно следить за нарушением порядка, а тем менее предотвращать его. Председательствует Кони, бывший прежде прокурором, потом вице-директором в министерстве юстиции и только что назначенный председателем окружного суда, не привыкший председательствовать; несмотря на свои познания и талантливость, исполняет весьма неудовлетворительно председательские обязанности, требующие прежде всего распорядительности. Есть и желание полиберальничать. Прокурор [1]), тоже какой-то недавно назначенный из судебных следователей, молодой человек, чуть ли не шопотом произносит затверженный урок о том, что мнения всякого свободны, но что никто не вправе присваивать себе прав суда, т.-е. постановлять приговор и приводить его в исполнение. Обвинение это столь же относилось к Засулич, сколько и к Трепову. Адвокат Александров бил на скандал, вел дело не о Засулич, а о Трепове и вызывал рукоплескания публики, размещенной в двух этажах театральной залы, а не судебной комнаты. Заседание это произвело то же впечатление, какое должно было произвести на смотревших со смыслом первое представление «Севильского цирульника» при дворе Людовика XVI.

На-днях открыта двухмиллионная растрата в банке взаимного поземельного кредита. Виновник — кассир Юханцов. Он был женат на дочери гофмаклера Фелейзена и этому был обязан получением места кассира. В банке лежали принадлежащие правительству консолидированные облигации, и вот ими Юханцов распорядился так, что в течение шести или семи лет вел самую распутную и роскошную жизнь на глазах и правления банка и всяких полиций. У него постоянно обедали и ужинали всякие Лейхтенбергские и Ольденбургские принцы. Все украденные деньги он чисто прокутил.

В Совете Министров, бывшем под председательством государя, по поводу засуличского процесса, граф Пален, министр юстиции, внес предложение судить военным судом все преступления, как политические, так и против должностных лиц. Проект этот был встречен сильною оппозициею, и решено судить эти преступления не военным судом, а обыкновенным судом без присяжных, судить уже не в чрезвычайном политическом присутствии, а в судебных палатах, как это было установлено до изменений, сделанных после нечаевского процесса. Не обличает ли такая переменчивость крайнюю шаткость взглядов среди лиц, управляющих Россиею?

---

[1]) Кессель, К. И. См. именной указатель.

15 а п р е л я. — На-днях гр. Шувалов, адъютант в. к. Владимира Александровича, рассказал мне следующее: несколько лет тому назад, проходя по Эмсу, он увидел в окне фотографа группу, изображавшую императора Александра II, окруженного княжною Долгорукою и ее приятельницами гр. Гендриковой и г-жею Шебеко. Шувалов зашел в магазин, спросил все имевшиеся там экземпляры этой группы, купил как их, так и клише, которое и разбил тут же. Приехав вскоре вслед затем в Югенгейм, он заметил, что государь к нему постоянно как бы придирался, чтобы сказать что-нибудь неприятное. Он не обращал на это никакого внимания. Рылеев, отозвав его в сторону, сказал ему: «Государь очень недоволен тем, что вы купили известную группу и уничтожили клише; об этом узнали по тому случаю, что государь хотел заказать еще три экземпляра этой группы». — «Я думаю, — отвечал Шувалов, — что я поступил очень хорошо». — «А государь приказал мне передать вам, что вы не имели права этого делать». — «А я вас прошу ему передать, — возражал Шувалов, — что он, как русский государь, не имел права делать подобный портрет». С тех пор, конечно, отношения Шувалова к государю почти прекратились.

Князь Алексей Лобанов назначен послом в Константинополь. Он уже был там посланником и оставил этот пост в 1863 г. Главною причиною тому была связь с г-жею Буркене, женою французского поверенного в делах. По смерти г-жи Буркене, Лобанов захотел вернуться к служебным занятиям, но лица, окружавшие Горчакова, как Стремоухов, Катакази и т. п., опасаясь Лобанова, поссорили с ним Горчакова. К этому надо прибавить, что Горчаков, дотоле именовавший Лобанова своим преемником, возымел мысль назначить наследником своего министерского престола сына своего, уже в то время заслужившего единодушное презрение. Тогда Лобанов поступил в министерство внутренних дел, принял место орловского губернатора, а потом товарища министра внутренних дел. Занятие это ничуть не отвечало его вкусам, привычкам и способностям. Он — человек весьма умный, очень образованный, легко пишущий, особливо по-французски, несколько равнодушный, т. е. не принимающий вещей к сердцу, склонный ко всякого рода удовольствиям и развлечениям. В министерстве внутренних дел его положение было не совсем приятное, особливо в последнее время, когда большая часть серьезных дел была выделена очень умному, деятельному и трудолюбивому Макову. Назначение Лобанова в Константинополь последовало довольно неожиданным образом. В. к. Николай Николаевич написал государю, что из разговоров с султаном, его министрами и особливо членами дипломатического корпуса он, в. к. Николай Николаевич, убедился, что если этот пре-

зренный лгунишка Игнатьев возвратится в Константинополь, то дела наши там окончательно испортятся. Получив это письмо, государь остановил отправление Игнатьева, уже назначенного послом в Константинополь, и motu proprio [1]) назначил Лобанова. В понедельник 17 апреля за Лобановым приехал курьер, позвавший его к государю. Государь спросил его, примет ли он место посла в Константинополе. «Vous savez, sire, — отвечал Лобанов, — que les volontés de votre Majestè sont sacrées pour moi; si vous croyez que je puisse être de quelque utilité, j'accepterai toute fonction que vous voudrez bien me confier!» [2]). Государь очень благодарил его за этот ответ и, поговорив несколько о делах, ввел Лобанова в соседнюю комнату, где уже дожидались собранные в совет: в. к. цесаревич, Владимир Александрович, Михаил Николаевич, Милютин и Гирс. Стали рассуждать о том, с каким титулом послать Лобанова. Гирс предлагал послать его en mission extraordinaire [3]), но Лобанов возражал, что такого титула не существует ни в каком дипломатическом кодексе и что, приехав в Константинополь, он не желает занять положение ниже других послов. Тогда Гирс предложил ambassadeur en mission extraordinaire [4]). Лобанов согласился на это, и так и был написан проект кредитной [sic!] грамоты, но Горчаков приказал вычеркнуть слова: «en mission extraordinaire», сказав: «Est-ce que vous aurez jamais un ambassadeur meilleur que Lobanoff» [5]).

13 м а я. — Переехав сегодня на дачу, имею более, чем в городе времени для восполнения пробелов этой книжки. За последние дни все более занимали петербургскую публику: поездка гр. Шувалова и отставка гр. Палена, в особенности отставка гр. Палена. В последнее время неспособность его высказалась чересчур блестящим образом. После засуличского процесса гр. Пален внес в Государственный Совет свои предположения на тему: надо подтянуть. Первое представление предлагало раздать в судебные палаты политические процессы, сосредоточенные, по мысли того же гр. Палена, в Сенате. Мотивировано это мнение было тем, что все дела политические в настоящее время решены. Одновременно с этим предложено оскорбления, нанесенные чиновникам во время исправления ими служебных обязанностей, судить таким же порядком, как преступления государственные. Обе меры приняты. Первая есть нечто иное, как возвращение к порядку, существо-

---

[1]) По собственному побуждению.

[2]) «Вы знаете, государь, что воля вашего величества для меня священна: если вы думаете, что я могу быть хоть сколько-нибудь полезен, я приму всякую должность, какую вы благоволите мне поручить».

[3]) С чрезвычайной миссией.

[4]) Посол с чрезвычайной миссией.

[5]) «Разве у вас будет когда-либо посол лучший, чем Лобанов?»

вавшему до нечаевского процесса, вторая крайне опасна и бессмысленна. Чиновник всегда добивался того, чтобы в глазах народа составлять одно целое с верховной властью, но в этом нельзя было ему уступить потому, что подобная уступка была бы посягательством на значение самой верховной власти, которая стоит выше всяких других властей и потому самому в глазах народа представляется охраною от притеснения какого бы то ни было. Тем не менее оба эти проекта, поддерживаемые, конечно, самим государем, прошли. Тогда Пален внес новое представление: министру юстиции по своему усмотрению исключать, кого захочет, из присяжных поверенных. В соединенных департаментах Государственного Совета это представление было встречено единогласною оппозициею. Тимашев и Валуев, по словам гр. Палена, уговорившие его сделать это представление, оба заявили, что они согласились бы с министром юстиции, если бы видели в его представлении гарантии надзора за деятельностью не одних адвокатов, но также председателей и прокуроров; что обыкновенно адвокатским представлениям отводится широкое поле потому, что председатель позволяет все говорить, а прокурор не умеет ничего возражать, как это и было на засуличском деле. Гораздо сильнее этого возражали, конечно, Победоносцев, Оболенский, Грот. В результате, представление гр. Палена отвергнуто единогласно. Говорят, что, когда он пришел доложить об этом государю, то государь спросил его: неужели и кн. Урусов против, и, получив утвердительный ответ, разрешил Палену взять назад свое представление. Одновременно с этим гр. Пален заявил государю, что, пробыв министром десять лет, чувствует, что при усложнении обстоятельств задача делается ему не по силам, особливо вследствие недоверия своих сотоварищей, т.-е. других министров. Отставка его была принята государем, и, разумеется, теперь только и речи, что о преемниках Палена. Больше других называют кн. А. Ливена и Клушина. О Ливене, который теперь занимает место товарища министра государственных имуществ, говорят, что он человек умный, очень образованный, умеющий говорить и весьма консервативного [sic!] образа мыслей. Все это совершенно справедливо, и я для характеристики его имею прибавить лишь одну сцену, которой был очевидцем. То было лет пять тому назад. Был бал в концертном зале Зимнего дворца. Я стоял возле Ливена в арабской комнате. Государь вышел из малахитовой гостиной и подал руку Ливену, за несколько дней пред тем пожалованному, кажется, в статс-секретари. Ливен, когда государь протянул ему руку, поцеловал эту руку, искусно избрав то место, где не было ни перчатки, ни мундира. Поцелуй раздался на всю комнату. Помню, что я обернулся к кому-то возле меня стоявшему и сказал: «Видно, не мы присоединили Хиву, а Хива нас». Клушин, с которым я имел нескончаемые

истории в Сенате, не глупый, но совершенно сумасбродный, если не сумасшедший старик, деспот, капризный и притом не имеющий понятия о судебном деле. Из Сената он попал на Кавказ, а тотчас вслед затем в Государственный Совет за то, что, по желанию фельдмаршала князя Барятинского, занялся устройством дел его брата, Анатолия, безгранично и неутомимо расходующего все деньги, какие попадут ему под руку — как свои, так и чужие. Еще кандидатами на пост министра юстиции называют государственного секретаря Сольского, впрочем теперь, как говорят, он считается слишком либеральным и слабым, потому что обстоятельства требуют министра, способного «подтянуть». Сольский человек не глупый, не лишенный образования, но преследующий в занятиях государственными делами собственное повышение предпочтительно пред другими целями. Вследствие этого он отменно уклончив, боясь, прежде всего, задеть чье-либо самолюбие. Такие люди всего более у места в списках чиновных особ. Другой кандидат Набоков, бывший статс-секретарь царства Польского, человек крайне посредственный и даже бездарный, не злой, никому не дающий права в чем-либо ему завидовать. Побудительною причиною к назначению Набокова легко могло бы быть то, что по званию статс-секретаря он имел превосходный казенный дом; с закрытием статс-секретариата Набоков лишился казенной квартиры, и семейство его проводит зиму в деревне по Варшавской железной дороге. У министра юстиции дворец, принадлежавший когда-то Миниху; это весьма привлекательная приправа к министерским обязанностям, а с точки зрения государя водворение Набокова снова в казенной квартире могло бы представляться лишь справедливым возмездием. Наконец, называют еще Победоносцева. Он, несомненно, человек умный, в высшей степени образованный и специально ученый по гражданскому праву, безукоризненный, трудолюбивый и при всем том едва ли был бы хорошим министром юстиции. Прежде всего, он всей душой принадлежит к правоведскому товариществу со всеми его слабыми сторонами, для него товарищ по училищу нечто вроде духовного брата, которому во всех случаях жизни, не исключая и служебного повышения, должно быть отдано бесспорное предпочтение пред другими. Сверх того Победоносцев — заклятый клерикал. Внешняя сторона религии составляет для него поприще особенно привлекательной и неугомонной деятельности, а попы, их занятия, их слабости и недостатки — предмет отменной его симпатии. Это направление у нас в России не менее вредно, чем в других государствах. Настроение ума Победоносцева чисто критическое, он никогда ничего не создал и не создаст, но очень хорошо разберет все по косточкам, — совсем не то требуется от министра. Впрочем, его кандидатура если и могла быть серьезною, то должна была покач-

нуться в последние дни вследствие вот чего: Победоносцев принял председательствование в комитете о снаряжении крейсеров на случай войны с Англией и в этом качестве послал в «Правительственный вестник» воззвание к русскому народу, написав редактору этой газеты, что, по приказанию цесаревича, воззвание это должно быть напечатано в первом, имеющемся выйти в свет номере. Так и было сделано, и воинственная прокламация появилась в том же номере, где объявлено было о приезде гр. Шувалова с мирными от английского правительства предложениями. Государь тотчас запросил Тимашева о том, как воззвание попало в «Правительственный вестник». Тимашев в ответ послал государю подлинное письмо Победоносцева, на котором государь написал: «Очень сожалею. Я уже сделал цесаревичу за это выговор».

25 м а я. — Лондонские переговоры приводят к конгрессу, но до сих пор не решено, кто поедет на конгресс из Петербурга. Кн. Горчаков за последнее время окончательно впал в детство и не помнит того, что говорил за полчаса. Его физическое расслабление дало основательный повод надеяться, что он не поедет. В намерении окончательно убедить его в этом государь поехал к нему из Царского села в Петербург, но дряхлый канцлер объявил, что он чувствует себя совершенно бодрым и намерен ехать в Берлин. Государь не решился достигнуть цели своего визита и, приехав оттуда к фельдмаршалу кн. Барятинскому, сказал ему на вопрос о том, кто едет на конгресс: кажется, что Горчаков. Фельдмаршал Барятинский за последнее время занимается, как говорят, изучением состояния в настоящую минуту наших боевых сил. Как говорят, по ближайшем рассмотрении дела, Барятинский объявил государю, что, по его мнению, Россия решительно не в состоянии вести войну. Достоверно вполне то, что кн. Барятинский, пригласив помогать ему Обручева, составил план военных действий на случай войны с Австрией и надеялся быть назначенным главнокомандующим, но при обсуждении всего этого Барятинский особенно настаивал на том, что положение главнокомандующего должно быть изменено, и он должен быть поставлен в независимость от военного министра. По внушению Милютина или почему другому, но государь, приехав к Барятинскому, настоятельно заявил, что считает здоровье Барятинского препятствием к тому, чтобы командовать армиею. Раздосадованный Барятинский завтра уезжает к себе в Скерневицы.

Указ об увольнении гр. Палена окончательно подписан. В последний доклад свой у государя, когда, порешив вопрос о своей отставке, гр. Пален стал говорить об обязанности своей указать на преемника и настаивал на том, что никто не соединяет требуемых условий в той степени, как Ковалевский, то государь, по свойственной ему привычке, все время молчал и ни слова не возразил.

Затем сказал, что не решил своего выбора между двумя кандидатами, кн. Ливеном и Набоковым, а когда Пален стал прощаться, то государь сказал ему, что увидит его еще вместе с его преемником.

Прочитал я секретный отчет Грейга, где в особенности много говорится о злоупотреблениях во время войны. Грейг с крайней откровенностью и смелостью говорит о воровстве при поставке провианта, фуража, вообще интендантства, а также лазаретной части. Все это написано очень ловко, потому что, разбивая впрах все управление, он не находит довольно комплиментов для самого государя. При всей этой ловкости отчет среди петербургских административных нравов есть положительно блестящее исключение.

3 июня. Суббота. — Уезжаю за границу с младшим моим сыном, который едет лечиться в Бурбуль, и старшим, которого доктор Се отправляет в Люшон.

30 октября. Понедельник. — Возвращаемся целым семейством в Петербург. В самый вечер приезда отправляюсь к Вяземским и Шереметевым сообщить о грустном состоянии здоровья старика князя П. А. Вяземского, виденного мною в Баден-Бадене.

Петербург в каком-то чрезвычайно грустном настроении. По городу рассылаются печатные прокламации и угрозы. Все жалуются, все недовольны; в Турции до сих пор умиротворение не завершено, новый министр финансов Грейг вносит проекты новых налогов, проекты, необдуманные и лишенные общего основания финансового взгляда; каждый министр жалуется на других и все вместе на государя, который в настоящее время находится всецело под влиянием Милютина, человека бесспорно умного, но сделавшегося, в свою очередь, самодержавным, раздражительным, не терпящим противоречия и игнорирующего экономическую, материальную сторону народной жизни. Общественный, умственный, художественный уровень псевдостоличной петербургской жизни, под влиянием разных сил и, прежде всего, зимнедворцовской посредственности, постоянно понижается. Грустные истории слышатся со всех сторон, прибавьте к этому серое небо, густосырой воздух, грязь повсюду, и сделается понятным впечатление человека, приезжающего с международного торжества Парижской выставки.

Вскоре после приезда я написал цесаревичу и получил от него приглашение приехать в Царское село. Здесь сначала заехал к в. к. Владимиру Александровичу, который, по обыкновению, наговорил любезных фраз, которые надо поскорее позабыть. У цесаревича, напротив, обращение самое простое, но внушающее полное доверие. Рассказываю ему, как провел лето, сообщаю, что, согласно его желанию, я купил для него несколько старинного серебра, что видел в Париже Боголюбова, что был в maison Lafite у Верещагина и что

весьма советую купить у него все то, что он напишет о последней войне. Разговаривал об Орлове, с которым цесаревич очень дружен, передал ему, что Орлов был у меня перед моим отъездом и, между прочим, разговаривая о делах, передал мне, что на-днях Ваддингтон сказал ему: «Votre langage et celui de votre gouvernement sont parfaitement corrects, mais la conduite de vos agants en Turquie est en complete contradiction avec ce langage» [1]).

К этому надо прибавить, что Игнатьев, находившийся в то время в Париже, не переставал говорить, что он дал государю список лиц, коих надо назначить в Турцию и Болгарию, что лица эти назначены и неминуемо приведут к уничтожению Берлинского трактата и возобновлению Сан-Стефанского.

Все это, — заключил я, — приводит меня к тем мыслям, кои я имел случай излагать пред вашим высочеством, мысли о том, как прискорбно отсутствие единства в нашем правительстве, единства, которому крайне споспешествовало бы расширение совещательных форм. Впечатление о недостатке этом особенно усиливается, когда приезжаешь из страны, которая, подобно Франции, уничтожила все то, что мы привыкли почитать неприкосновенным, где, так сказать, нет правительства, где политические партии производят постоянный раздор между правителями и где, несмотря на то, существует полная безопасность, где народное богатство постоянно умножается, где все идет, ежедневно совершенствуется, а то ли находишь дома? Я приведу слова виденного мною в Париже П. А. Шувалова, который на вопрос мой, какое он вынес впечатление из Петербурга, сказал мне: «Каждый министр ругает других и говорит, что далее так не может продолжаться». Это отсутствие единства в управлении ужасно грустно.

22 н о я б р я. — Возвращается из Ливадии государь. Как говорят, Милютин теперь полновластен. Успехи русского войска на Балканах укоренили его влияние. Бездарным Гирсом государь также очень доволен.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [2]).

Абаза, Александр Аггеевич (1821—1895), председатель деп. экономии Госуд. Совета, в 1880—1881 гг. министр финансов.

Абаза, Николай Саввич (1873—1901), главноуполномоченный «Красного креста» и заведующий санитарной частью дунайской армии.

Абдул-Гамид (1842—1918), турецкий султан (низложен в 1909 г.).

---

[1]) «Язык ваш и вашего правительства вполне корректен, но поведение ваших агентов в Турции в полном противоречии с этим языком».

[2]) Указатель имен составлен Н. П. Чулковым.

Адлерберг, Александр Владимирович, гр. (1818—1888), министр двора.

Акинфиева, Надежда Сергеевна, рожд. Анненкова (1839—1891), во втором браке морганатическая жена герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского с титулом графини Богарнэ.

Александр Александрович, наследник престола (1845—1894), сын Александра II, впоследствии император Александр III.

Александр II (1818—1881), император.

Александр, принц Гессенский (1823—1888), брат императрицы Марии Александровны.

Александров, Петр Акимович (1836—1893), присяжный поверенный, защитник В. И. Засулич.

Алексей Александрович, великий князь (1850—1908), сын Александра II.

Андраши, Юлий, гр. (1823—1890), венгерский государственный деятель, австро-венгерский министр иностранных дел в 1869—1879 гг.

Баранов, Эдуард Трофимович, гр. (1811—1884), генерал-адъютант, член Госуд. совета.

Барятинский, Александр Иванович, кн. (1815—1879), генерал-фельдмаршал, б. наместник на Кавказе.

Барятинский, Анатолий Иванович, кн. (1821—1881), генерал-адъютант.

Безобразов, Михаил Александрович (1815—187...), петербургский уездный предводитель дворянства (1872—1875).

Бейст, гр. Фридрих-Фердинанд (1809—1886), саксонский и австрийский государственный деятель, австрийский посол в Лондоне, б. министр иностранных дел, канцлер и министр-президент (1866—1871), потом посланник в Париже (1878—1882).

Бек, Александр Христианович (1810—1878), непременный член совета министерства иностранных дел, с 7 февраля 1878 г. директор Госуд. архива и С.-Петербургского главного архива министерства иностранных дел.

Бисмарк, Отто, кн. (1815—1895), канцлер Германской империи.

Блудов, Дмитрий Николаевич, гр. (1785—1864), председатель Государственного Совета.

Боголюбов, Алексей Петрович (1824—1896), художник-маринист.

Боголюбов, Архип Петрович, см. Емельянов А. С.

Борис Владимирович, великий князь (р. 1878 г.), внук Александра II.

Брок, Петр Федорович (1806—1875), министр финансов в 1853—1858 гг. и председатель департамента экономии Госуд. Совета в 1862—1864 гг.

Буркене, французский поверенный в делах в Константинополе в начале 1860 гг.

Бычков, Афанасий Федорович (1818—1899), помощник директора (впоследствии директор) Публичной библиотеки.

Ваддингтон, Вильям-Генри (1826—1894), французский министр иностранных дел с 14 декабря 1877 г.

Валуев, Петр Александрович, гр. (1814—1890), министр госуд. имуществ, потом председатель Комитета Министров.

Верещагин, Василий Васильевич (1842—1904), художник.

Виельгорский, Михаил Юрьевич, гр. (1787—1856), придворный сановник, композитор и музыкальный деятель, дом которого был средоточием артистической жизни в Петербурге.

Виктория (1819—1901), королева Англии.

Виктор-Эммануил II (1820—1878), первый король объединенной Италии.

Владимир Александрович, великий князь (1847—1909), сын Александра II.

Влангали, Александр Георгиевич (1824—1898), посланник в Пекине, впоследствии товарищ министра иностранных дел и посол в Риме.

Воронцов-Вельяминов, Аркадий Павлович (1821—1906), бобруйский уездный предводитель дворянства.

Воронцов-Дашков, Иларион Иванович, гр. (1837—1916), командующий кавалерией Рущукского отряда, состоявшего под командой наследника, будущего имп. Александра III, впоследствии его министр двора.

Всеволожский, Никита Никитич (—1896), офицер л.-гв. Конного полка.

Вяземский, Петр Андреевич, кн. (1792—1878), поэт, председатель Русского исторического общества.

Гамбургер, Андрей Федорович (1821—1899), статс-секретарь, член совета министерства иностранных дел, помощник председателя Русского исторического общества, впоследствии посланник в Берне.

Гейден, Федор Логгинович, гр. (1821—1900), начальник главного штаба.

Гендрикова, Ольга Игнатьевна, гр. (—1904), рожд. Шебеко, сестра жены брата княжны Е. М. Долгоруковой (Юрьевской), жена обер-церемониймейстера гр. С. А. Гендрикова.

Гирс, Николай Егорович (1820—1895), товарищ министра (потом министр) иностранных дел.

Гогель, Григорий Федорович (1808—1881), в 1849—1859 гг. состоявший при старших сыновьях Александра II Николае, Александре и Владимире, генерал-адъютант, потом управляющий Царским селом.

Горчаков, Александр Михайлович, светл. кн. (1798—1883), государственный канцлер, министр иностранных дел.

Горчаков, Михаил Александрович, светл. кн. (1839—1897), сын канцлера, дипломат.

Градовский, Александр Дмитриевич (1841—1889), профессор Петербургского университета, юрист и публицист.

Грегер, один из поставщиков провианта для действующей армии в 1877—1878 гг.

Грейг, Самуил Алексеевич (1827—1887), государственный контролер, с 1878 г. министр финансов.

Грот, Константин Карлович (1815—1902), член Госуд. Совета.

Гурко, Иосиф Владимирович (1828—1901), ген., команд. передовым отрядом войск на Балканах, впоследствии варшавский генерал-губернатор и генерал-фельдмаршал.

Долгорукова, Екатерина Михайловна, княжна (1847—1922), фрейлина, с 1880 г. морганатическая жена Александра II с титулом светлейшей княгини Юрьевской.

Екатерина Михайловна, великая княгиня (1827—1894), двоюродная сестра Александра II, жена Георга, герцога Мекленбург-Стрелицкого.

Емельянов, Алексей Степанович, землеволец, арестованный под фамилией Архипа Петровича Боголюбова за участие в демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г. и подвергнутый в доме предварительного заключения телесному наказанию по распоряжению градоначальника Трепова, что вызвало покушение на жизнь последнего В. И. Засулич; сошел с ума в каторжной тюрьме и умер в Казанской психиатрической больнице после 1885 года.

Жомини, Александр Генрихович, барон (1817—1888), старший советник министерства иностранных дел, ближайший сотрудник Горчакова.

Засулич, Вера Ивановна (1849—1919), стреляла в петербургского градоначальника Трепова 12 января 1878 г. (см. Емельянов А. С.).

Игнатьев, Николай Павлович (1832—1908), бывший посланник в Константинополе, заключил с Турцией Сан-Стефанский мирный договор 19 февраля 1878 г., и министр внутренних дел при Александре III.

Игнатьев, Павел Николаевич (1797—1879), председатель Комитета Министров.

Исаков, Николай Васильевич (1821—1891), главный начальник военно-учебных заведений.

Карамзин, Владимир Николаевич (1819—1879), сенатор, сын историка.

Катакази, Константин Гаврилович (1830—1890), чиновник особых поручений при А. М. Горчакове и один из его ближайших сотрудников в 1860 гг., в 1869—1872 гг. посланник в Вашингтоне.

Кессель, Константин Иванович (1843—), товарищ прокурора Петербургского окружного суда, обвинявший В. И. Засулич, в 1916 г. член Петербургской судебной палаты.

Клушин, Павел Николаевич (1814—1886), сенатор, член Госуд. Совета.

Ковалевский, Михаил Евграфович (1829—1884), сенатор, при Александре III участник сенаторских ревизий и член Госуд. Совета.

Кони, Анатолий Федорович (1844—1927), председатель Петербургского окружного суда, впоследствии сенатор и член Госуд. Совета, известный судебный деятель, оратор и писатель.

Константин Николаевич, великий князь (1827—1892), генерал-адмирал, председатель Госуд. Совета, брат Александра II.

Краевский, Андрей Александрович (1810—1889), издатель газеты умеренно-либерального направления «Голос».

Куракин, Александр Борисович, кн. (1752—1818), посол в Париже в 1808—1812 гг.

Лангенау, барон, австрийский посол в Петербурге с 1871 г.

Ларош-Шуар, граф, французский военный агент в Белграде. См. Рошшуар.

Левицкий, Казимир Васильевич (1835—1890), помощник начальника штаба действующей армии на Балканском полуострове.

Ливен, Андрей Александрович, светл. кн. (1839—1913), товарищ (потом министр) госуд. имуществ (уволен за расхищение башкирских земель), при Николае II главноуправляющий учреждениями имп. Марии.

Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович, кн. (1824—1896), товарищ министра внутренних дел, бывший посланник в Константинополе (1859—1863), с 1878 г. снова там же посол, при Николае II министр иностранных дел.

Маков, Лев Саввич (1830—1883), товарищ (потом министр) внутренних дел.

Мария Александровна, императрица (1824—1880), жена Александра II.

Мария Николаевна, великая княгиня (1819—1876), сестра Александра II, жена в первом браке герцога Максимилиана Лейхтенбергского и во втором — графа Г. А. Строганова.

Мария Федоровна (1847—1928), цесаревна, потом императрица, жена Александра III.

Мезенцев, Николай Владимирович (1827—1878), шеф жандармов.

Мекленбургский, герцог — или Фридрих-Франц (1851—1897), наследный принц (впоследствии великий герцог) Мекленбург-Шверинский, приезжавший в Россию в 1877 г., или Георгий Георгиевич (1859—1909), герцог Мекленбург-Стрелицкий, сын вел. кн. Екатерины Михайловны.

Милан Обренович (1854—1901), князь (потом король) сербский.

Милютин, Дмитрий Алексеевич, гр. (1816—1912), военный министр, впоследствии генерал-фельдмаршал.

Мирский, см. Святополк-Мирский.

Михаил Николаевич, великий князь (1832—1909), наместник на Кавказе, брат Александра II.

Набоков, Дмитрий Николаевич (1826—1904), член Госуд. Совета, с мая 1878 г. министр юстиции.

Непокойчицкий, Артур Адамович (1813—1881), начальник штаба действ. армии на Балканском полуострове.

Николай Максимилианович (1843—1890), герцог Лейхтенбергский, князь Романовский, сын вел. кн. Марии Николаевны.

Николай Николаевич Старший, великий князь (1831—1891), главноком. действ. армией на Балканском полуострове, брат Александра II.

Новиков, Евгений Петрович (1826—1903), посол в Вене, историк.

Оболенский, Дмитрий Александрович, кн. (1822—1881), член Госуд. Совета.

Обручев, Николай Николаевич (1830—1904), профессор военной статистики в академии ген. штаба; при Александре III начальник главного штаба.

Ольга Федоровна, великая княгиня (1839—1891), жена вел. кн. Михаила Николаевича.

Орлов, Николай Алексеевич, кн. (1827—1885), посол в Париже.

Осман-Нури-Гази-паша (1837—1900), турецкий генерал, прославившийся искусной и упорной защитой Плевны, сдался после неудачной попытки прорыва.

Островский, Михаил Николаевич (1827—1901), товарищ госуд. контролера; при Александре III министр госуд. имуществ.

Пален, Константин Иванович, гр. (1830—1912), министр юстиции.

Победоносцев, Константин Петрович (1827—1907), член Госуд. Совета; с 1880 г. обер-прокурор синода.

Попов, Александр Николаевич (1821—1877), историк, член совета Русского исторического общества.

Протасов-Бахметьев, Николай Алексеевич, гр. (1833—1907), генерал свиты, при Николае II главноуправляющий учреждениями имп. Марии.

Раден, Эдита Федоровна, бар. (1825—1885), бывшая фрейлина вел. кн. Елены Павловны, организатор в 1877—1878 гг. санитарных отрядов для помощи раненым.

Ребиндер, Елена Васильевна (1824—1899), рожд. Кочубей, жена К. Г. Ребиндер.

Ребиндер, Константин Григорьевич (—1886), ген.-лейт., потом ген.-адъютант.

Ростовцев, Яков Иванович (1803—1860), начальник главного штаба по военно-учебным заведениям, председатель редакционных комиссий для выработки положения о крестьянах.

Рошшуар-де, граф, французский дипломатический агент и генеральный консул в Белграде [1]).

Рылеев, Александр Михайлович (1830—1907), ген.-адъютант, наиболее близкий к Александру II в последние годы его жизни.

Салисбюри, маркиз Роберт-Артур (1830—1903), лидер английской консервативной партии, неоднократно бывший премьером, в 1878 г. секретарь по иностранным делам.

---

[1]) А. А. Половцов ошибочно называет его военным агентом Ларош-Шуар.

Салтыков, Александр Михайлович (1828—1903), генерал свиты, потом генерал-адъютант.

Святополк-Мирский, Николай Иванович, кн. (1833—1878), ген.-адъютант, командовавший пех. дивизией в войну 1877—1878 гг., впоследствии член Государственного совета.

Скобелев, Михаил Дмитриевич (1834—1882), наиболее популярный из генералов действующей армии в 1877—1878 гг., участник неудачного штурма Плевны 31 августа.

Сольский, Дмитрий Мартынович (—1910), госуд. секретарь; при Николае II председатель Госуд. Совета.

Сперанский, Михаил Михайлович, гр. (1772—1839), автор проектов преобразования России в начале царствования Александра I.

Стремоухов, Петр Николаевич (1823—1885), директор азиатского департамента в 1864—1875 гг.

Суворов, Александр Аркадьевич, светл. кн. (1804—1882), ген.-адъютант, генерал-инспектор пехоты.

Сулейман-паша (1838—1883), турецкий генерал, в войну 1877—1878 гг. командовавший сначала отдельными армиями (в Боснии и Герцеговине, затем южной и с 14 сентября восточной), с 29 октября до 23 декабря главнокомандующий всеми войсками в Европейской Турции.

Сухтелен, Петр Корнильевич, гр. (1751—1836), инженер-генерал, посол в Швеции с 1809 г.

Татаринов, Валериан Алексеевич (1816—1871), госуд. контролер, проведший отчетную и ревизионную реформы.

Тимашев, Александр Егорович (1818—1893), министр внутренних дел (1868—1877).

Тотлебен, Эдуард Иванович, гр. (1818—1884), военн. инженер, прославившийся под Севастополем в 1854—1855 гг., руководитель осадных работ под Плевной, главнокомандующий действующей армией в Европейской Турции с февраля 1878 г.

Трепов, Федор Федорович (1803—1890), петербургский градоначальник.

Уваров, Алексей Сергеевич, гр. (1824—1884), председатель Московского археологического общества и учредитель Московского исторического музея.

Урусов, Сергей Николаевич, кн. (1816—1883), член Госуд. совета, главноуправляющий II отделением собств. е. и. в. канцелярии, председатель деп. законов Госуд. Совета.

Фелейзен, Карл Карлович, гоф-маклер.

Фредерикс, Владимир Александрович, бар. (1837—1892), чиновник особых поручений при А. М. Горчакове, которого сопровождал в 1877 г. в Бухарест, в 1878 г. непременный член совета министерства иностранных дел, впоследствии посланник в Штутгарте.

Фукс, Эдуард Яковлевич (1834—1909), прокурор Петербургской судебной палаты, впоследствии сенатор.

Хребтович, Михаил Иринеевич, гр. (1809—1892), обер-камергер.

Чевкин, Константин Владимирович (1802—1875), главноуправляющий путями сообщения (1855—1862) и председатель деп. экономии Госуд. Совета с 1863 г.

Черкасский, Владимир Александрович, кн. (1824—1878), уполномоченный «Красного креста» за Дунаем.

Чернышев, Александр Иванович (1785—1857), в 1810—1811 гг. агент-осведомитель Александра I при Наполеоне, впоследствии военный министр.

Чертков, Михаил Иванович (1829—1905), генерал-адъютант; при Николае II варшавский генерал-губернатор.

Числова (Николаева), Екатерина Гавриловна (1845—1889), балерина петербургских императорских театров, фаворитка вел. кн. Николая Николаевича Старшего.

Шамшин, Павел Иванович (1830—), товарищ министра финансов, впоследствии сенатор.

Швейниц, Лотарь (1822—1901), прусский генерал и дипломат, германский посол в Петербурге в 1876—1893 гг.

Шебеко, Мария Ивановна, рожд. Гончарова (1834—), жена ген. Николая Игнатьевича Шебеко, на сестре которого был женат брат кн. Долгоруковой-Юрьевской.

Шереметьев Сергей Дмитриевич, гр. (1844—1918), адъютант наследника, впоследствии член Госуд. Совета.

Штиглиц, Николай Борисович (1809—1878), член статистического совета министерства внутренних дел.

Шувалов, Павел Петрович, гр. (1847—1902), адъютант вел. кн. Владимира Александровича.,

Шувалов, Петр Андреевич, гр. (1827—1889), бывший шеф жандармов, посол в Лондоне.

Эллиот, сэр Генри (1817—), английский дипломат, туркофил, посланник в Вене в 1877—1883 гг.

Юрьевский, Борис, внебрачный сын Александра II, род. 11 февраля, ум. 30 марта 1876 г.

Юханцев, Константин Николаевич, камер-юнкер, чиновник для особых поручений министерства финансов, кассир Общества взаимного поземельного кредита, за растрату был сослан в Сибирь.

Из записной книжки архивиста.

«Социалист», орган юго-западной группы партии «Народной воли».

После выхода в феврале 1882 г. 8—9 номера «Народной воли», а вслед затем и приложения к нему с отчетом о процессе шестнадцати, московская типография Г. Ф. Чернявской и Д. И. Суровцева, в которой в 1881—1882 гг. печаталась «Народная воля», была оставлена. Вопрос об организации новой типографии для печатания десятого номера был тотчас же поставлен на очередь, и В. Н. Фигнер, последний оставшийся в то время на свободе член Исполнительного Комитета, предложила Сергею Дегаеву стать хозяином типографии в Одессе. Когда в декабре 1882 г. Дегаев, а с ним и принадлежности одесской типографии были арестованы, В. Н. Фигнер принялась за организацию другой типографии в Харькове, где она жила. Но и здесь, через несколько месяцев после ареста В. Н. Фигнер, в июне 1883 г., эта типография, с хозяевами А. Осинской (сестрою Валериана Осинского) и Ф. В. Крыловым, была арестована еще до начала каких-либо работ в ней.

В эти же месяцы 1883 г., когда центр партии совершенно исчез, петербургская народовольческая группа, к которой вновь переходит теперь руководящая роль, организует типографию, в которой можно было бы напечатать если не «Народную волю», то хотя бы «Листок Народной воли». История этой типографии теперь хорошо известна по рассказу ее главного деятеля, М. П. Шебалина. После выпуска, осенью 1883 г., двух номеров «Листка Народной воли», типография была ликвидирована, но опыт, приобретенный М. П. Шебалиным, казалось полезным использовать для организации другой типографии, где печатался бы на этот раз уже долгожданный десятый номер «Народной воли». Так возникла мысль об организации в Киеве (сперва думали о Москве) новой народовольческой типографии.

Однако в продолжение тех двух-трех месяцев, в течение которых М. П. Шебалин, выбравшись из Петербурга, побывал в Москве и устраивался в Киеве, петербургским народовольцам удалось организовать на Лиговке типографию (с хозяйкою С. Сладковою), где и появилась надежда отпечатать тот же десятый номер. Киевская типография, уже готовая к действию, оказывалась, следовательно, для этой цели ненужной, и в начале февраля 1884 г. П. Ф. Якубович сообщил об этом М. П. Шебалину. С согласия П. Ф. Якубовича, игравшего тогда руководящую роль среди петербургских народовольцев, «мы, — пишет М. П. Шебалин, — решили использовать налаживавшуюся уже нашу

типографию для печатания местного листка под названием «Социалист».

В заголовке «Социалиста», объявление о выходе которого ниже печатается, мы видим его обозначение как органа народовольческой «юго-западной группы». Несомненно, что киевская организация «Народной воли» была одной из самых крупных. Киев все время имел в нашем революционном движении 70—80 гг. крупнейшее значение. Достаточно вспомнить киевскую коммуну, так прославленную обвинительным актом по делу 193-х, южных бунтарей и чигиринское дело, первый Исполнительный Комитет — все это известнейшие этапы в общем развитии революционного движения 70-х гг. Народовольческий же период в Киеве характерен уже тем, что здесь образуется один из центров рабочей пропаганды. Один из виднейших ее деятелей, А. Н. Бах (теперь — академик) в своих воспоминаниях говорит о двух киевских подгруппах, занятых «специально с рабочими» (всего было четыре подгруппы); другой свидетель, Ст. Росси, в своих детальных показаниях говорит, что в Киеве у народовольцев была «почти» сотня рабочих. В. Н. Фигнер в своем «Запечатленном труде», говоря о киевской организации, пишет, что она «вела пропаганду среди рабочих, среди молодежи и общества» и что «она имела свой обширный район деятельности в ближайших губернских городах и как по численности, так и по качественному составу занимала второе место после московской». В только что цитированных показаниях своих Ст. Росси, сообщая о времени, на год позднейшем, говорит о тех же широких связях: «кроме Конотопа (где рабочие «в своей среде ведут самостоятельную пропаганду») связи поддерживались с Бахмачем, Гомелем и еще несколькими городами, хотя крайне неправильные». Итак, мы видим, что и в самом Киеве местные народовольцы стояли прочною ногою и что они имели также связи с рядом городов, для которых Киев является центром. М. П. Шебалин, приехавший в январе 1884 г. в Киев, нашел, что «хотя аресты и страшно опустошили народовольческие ряды, но все же кое-что сохранилось в виде отдельных группок или даже нитей связей». Несомненно, что именно то значение, которое Киев, в действительности, имел в самом недавнем прошлом и которое он потенциально, как партийный центр, продолжал сохранять и при своем разгроме, позволило народовольцам попытаться поставить в Киеве орган, который был бы органом широкого областного масштаба, органом «юго-западным».

Однако издание этого органа должно было натолкнуться на трудность совершенно другого порядка. Только что был убит Судейкин (16 декабря 1883 г.) и только что стало известно, что признанный глава организации того времени, С. П. Дегаев, являлся его ближайшим информатором и помощником в деле разгрома народовольческих организаций. В «Народной воле» за 1881—1883 гг. назрел по причинам объективного свойства кризис — и программный, и организационный, и тактический. Теперь, когда разглашение тайны деятельности Дегаева взволновало всю организацию, столкновение старого партийного руководства с новыми течениями приняло резкий характер сначала взаимных обвинений, а потом и прямого раскола. За киевскую организацию возгорелась борьба, и как глава петербургской группы старой организации—К. Степурин, так и глава оппозиционной — П. Ф. Якубович,— оба пытались привлечь на свою сторону новую издательскую группу. Якубович лично приезжал в начале 1884 г. в Киев, и, очевидно, Киев должен был стать в ближайшем времени одною из первых провин-

циальных опор новой политической группировки.

В «Объявлении» об издании «Социалиста» эта новая политическая позиция нашла себе довольно отчетливое выражение. Если «Молодая партия Народной воли», не желая прекратить политическую и террористическую борьбу с абсолютизмом, выдвигала на первый план однако не ее, а именно деятельность среди народа и, в первую очередь, деятельность среди рабочих, то эту тенденцию, отражавшую в себе сближение петербургских народовольческих кружков с нарождавшимися петербургскими социал-демократами (о чем говорят в своих воспоминаниях и показаниях деятели того времени), находим в «Объявлении». Достаточно взять первый и самый ответственный отдел нового органа — «руководящие статьи». Очень характерно уже то, что, определяя общую задачу «Социалиста», редакция заявляет, что она определяется «настоящим моментом развития социалистической мысли вообще», и здесь же далее говорит, что «Социалист» «ставит своею конечною целью утверждение, распространение и окончательное торжество начал революционного социализма». И то, что на первом месте здесь социалистическая декларация, и то, что здесь идет речь о «конечных целях» социализма — все это моменты, которые диссонируют с традиционными народовольческими представлениями, где все отдавалось политической борьбе и где успех этой политической борьбы так часто связывался с одновременным же социалистическим переворотом. В дальнейшей части отдела мы находим и задачу «изменения политического строя России». Но эта задача теперь толкуется в ином значении: социалистической «конечной цели» политический переворот противопоставляется как «временная ближайшая задача». Конечно, террор здесь фигурирует, как фигурирует он в это время и у группы «Освобождение труда». Что на построение этой программы в целом вообще могла повлиять позиция группы «Освобождение труда», на это есть и прямое указание. П. Ф. Якубович, ближайший вдохновитель этого литературного предприятия, был знаком с брошюрой Плеханова и, повидимому, считал ее близкою к своим взглядам.

Только что указанная тенденция проходит и через другие отделы «Социалиста». Возьмем, напр., программу хроники. Речь идет в ней о выдающихся арестах, и опять же прежде всего об арестах «в среде рабочих», а затем уже — среди военных и интеллигенции; речь идет в ней, далее, о «фактах проявления народного оппозиционного и революционного движения» — и опять-таки, прежде всего о «стачках», а затем уже о «бунтах» (надо, впрочем, отметить, что этот термин в то время очень часто прилагается и к разного рода волнениям среди рабочих) и «аграрном терроре».

Не менее характерно для всей позиции предполагаемого органа и другое. В своем заключительном абзаце «Объявление» содержит обращение о содействии изданию «Социалиста». И здесь очень любопытен факт обращения к лицам, «не владеющим литературной формой». Кто эти лица? Они не названы прямо, но вряд ли можно сомневаться в том, какие группы населения включают лиц, доставляющих «фактически достоверный материал, которому уже сама редакция постарается придать необходимую литературную форму». Конечно, здесь имеются в виду те же рабочие и тот же «народ», которому «Социалист» решает служить прежде всего и главным образом.

Редактором нового органа должен был явиться автор этого объявления — Макар Николаевич Васильев. Имя это редко появлялось на страницах революционной историографии, и лишь недавно, в связи с его смертью (ум. в

1928 г)., появился обстоятельный некролог И. И. Попова, в котором деятельность М. Н. Васильева представлена с известной фактической полнотой. Именно, перейдя в 1881 г. из медико-хирургической академии, где он в 1878 г. участвовал в студенческих беспорядках, в университет, Васильев здесь познакомился, как сообщает И. И. Попов, с М. П. Шебалиным, П. Ф. Якубовичем и другими и оказывал народовольцам «разные услуги». Из обвинительного акта по делу 14-ти мы узнаем, что в апреле 1882 г. Васильев был уволен из университета за невзнос платы, а в августе 1883 г. уехал в Киев и здесь поступил вновь в университет. Будучи арестован 4 марта 1884 г., Васильев признал свое авторство по отношению к «Объявлению» и объяснил, по словам обвинительного же акта, что написал его «после изложения содержания и сущности этого объявления тем лицом, которое пригласило его, Васильева, к участию в издании газеты». Приговорен Васильев был Киевским военно-окружным судом к ссылке на поселение, которое отбывал в Тунке, Иркутской губ.

Сохранились два корректурных оттиска «Объявления». Один — в деле департамента полиции, 4 делопроизв., 1884 г., № 293 (Архив Революции и Внешней Политики) и другой — в деле министерства юстиции, 1884 г., № 10811. Начало и несколько формальных деталей в конце приписано в обоих экземплярах от руки; ниже они напечатаны курсивом. Многочисленные корректурные ошибки исправлены нами без каких-либо оговорок.

С. Валк.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ ПАРТИИ «НАРОДНОЙ ВОЛИ».

В непродолжительном времени, а именно не позже апреля этого года, появится в печать новое периодическое издание

СОЦИАЛИСТ,

орган юго-западной группы социально-революционной партии «Народной воли».

Газета «Социалист» будет выходить два раза в месяц, около . . . и . . . числа в объеме еженедельных русских легальных изданий, т. е. тетрадями в (16) *) печатных страниц.

Каждый номер газеты «Социалист» будет состоять из следующих отделов:

1) Руководящие статьи.

Газета «Социалист» объявляет себя одним из органов социально-революционной партии «Народной воли», — этим самым выясняются и цели, преследуемые редакцией, и программа будущего издания. Цели эти определяются настоящим моментом развития социалистической мысли вообще. Программа эта определяется теми задачами, которые ставит русским социалистам история России в настоящей борьбе с наличными врагами русского народа. Газета «Социалист», наравне со всеми другими органами социально-революционной партии, ставит своею конечною целью утверждение, распространение и окончательное торжество начал революционного социализма. Это последнее должно проявиться в экономическом перевороте, который сделает все источники богатства (т. е. землю и другие **) производства) достоянием рабочего класса. Такая общая всем социалистам цель может быть достигнута лишь путем организации городского и сельского рабочего класса в общественную силу и низвержением существующего порядка помощью этой силы.

*) Цифра имеется только в оттиске департамента полиции.

**) Здесь пропущено, очевидно: «средства».

Все члены русской социально-революционной партии «Народной воли» путем продолжительного опыта пришли к непоколебимому убеждению, что перед подданными Российской империи вышеизложенная общая задача социалистической партии, в настоящий момент политической жизни России и в силу данных ею условий, поставлена в форму необходимости предварительного изменения политического строя России для возможности дальнейшего развития всякой прогрессивной партии, в том числе и партии социалистической. Поэтому в программу партии «Народной воли», наряду с чисто социалистическими целями, составляющими ее сущность, входит временная ближайшая задача: подготовить и ускорить изменение политического строя в России. Стесненная в своей мирной пропаганде и в своей подготовительной организации, партия «Народной воли» вынуждена была помимо этих обычных в борьбе средств прибегнуть к средству чрезвычайному — к террору. Мы не считаем нужным распространяться о том, что беспримерный в истории цивилизованного мира варварский гнет русского правительства над всяким свободным проявлением мысли и деятельности подданных, десятки казненных позорною казнью лучших борцов за свободу народа, целые тысячи мучимых и замученных невинных жертв в тюрьмах, казематах и каторге, — что все это дает полное нравственное оправдание террористическим фактам партии в ее недавнем прошлом. Что же касается ближайшего будущего, то мы ограничимся общеизвестным и общепризнанным положением: до тех пор, пока не изменятся причины, не будут изменяться и следствия. Нет надобности доказывать, что только созданные самим же правительством необычайные стеснения свободы мысли, слова и деятельности поставили террор на степень наиудобнейшего средства социально-революционной борьбы и пропаганды. Излишне было бы упоминать здесь о том, что примирение и соглашение террористической деятельности партии с принципами справедливости и гуманности будут составлять предмет непрестанной заботы как всей партии вообще, так и нашей группы в отдельности: никто из добросовестных и беспристрастных, хотя бы и самых порочных, судей не решится обвинить в отсутствии гуманного чувства людей, жертвующих для идей своей свободой, счастьем и самою жизнью.

Газета «Социалист» приложит все свое старание к тому, чтобы быть всегда органом борьбы словом, идущим нераздельно от борьбы и рядом с нею; она постарается быть непосредственным отражением событий и непосредственным возбудителем к деятельности: как орган, стоящий в непосредственных сношениях с действующей партией, она будет, по преимуществу, преследовать ближайшие цели настоящей минуты и руководить членов партии местной группы в их настоящей борьбе. Но, помимо выполнения этой непосредственной задачи, газета «Социалист», по мере сил и возможности, в своих руководящих статьях постарается время от времени сгруппировать события и уяснить их, показывая их связь как между собою, так и с ходом событий нашей эпохи или с общими началами социализма, она постарается освещать современность как целое, с точки зрения русского социализма.

Всем вышеизложенным будут определяться содержание и характер руководящих статей предпринимаемого издания. Сказанное в известной степени относится и к остальным отделам газеты.

2) По поводу внутренних вопросов.

Этот отдел газеты «Социалист» будет служить не только целям партии «На-

родной воли», но и вообще [будет] органом свободного слова. Условиями жизни русского государства выдвинута масса нужд, безотлагательных в своем удовлетворении, масса вопросов, требующих немедленного разрешения. Удовлетворение этих нужд и решение этих вопросов производит правительство, не выслушивая ни мнений русского образованного общества, ни голоса народа, и руководствуясь одним произволом шайки пройдох, окружающих трон монарха и закрывающихся фикцией его самодержавия. Подобные мероприятия сплошь и рядом, под видом государственных и народных интересов, преследуют самые своекорыстные цели небольшой кучки узурпаторов; иногда они предпринимаются для отвода глаз простодушных подданных, попросту [1]) проявление феноменального невежества лиц, стоящих у кормила правления. Для всех искренно интересующихся судьбами родины желательно было бы своевременно подвергнуть все подобные мероприятия надлежащему беспристрастному обсуждению и разумной оценке со стороны лиц, более или менее компетентных в сфере, затрагиваемой данным вопросом. Редакция даст место на страницах своей газеты всем таким работам, если только они не будут противоречить основным принципам социально-революционной партии.

3) Неопубликованные документы.

Здесь будут печататься все добытые редакцией документы из конфиденциальной переписки различных правительственных лиц и учреждений, скрываемые правительством данные различных ревизионных и следственных комиссий, неопубликованные докладные записки высших правительственных лиц, петиции и прошения различных земских учреждений, крестьянских обществ и т. п.

4) Хроника. Предмет ее составят сообщения о важнейших событиях и фактах социально-революционной борьбы в России; выдающиеся аресты в среде рабочих, войска, интеллигенции, краткий отчет о политических судебных процессах; факты проявления народного оппозиционного и революционного движения: стачки, бунты, аграрный террор и т. п.; опубликование и разоблачение темных и преднамеренно скрытых сторон правительственной деятельности и административных безобразий и вообще все сообщения о совершившихся в жизни государства фактах, которые, по условиям цензуры, не могут быть опубликованы в прессе легальной.

5) Внутренние корреспонденции.

Редакция заручилась уже сотрудничеством нескольких корреспондентов как в различных пунктах юго-западного края, так и в крупнейших центрах России: Москве, Петербурге, Харькове, Одессе и Ростове. Чрез посредство этих корреспонденций редакция постарается дать верную картину современной политической, социальной и экономической жизни как различных местностей России вообще, так и юго-западного края в особенности; она позаботится о том, чтобы иметь всегда от непосредственных очевидцев немедленные и точные сообщения о всех важнейших проявлениях местного народного и общественного социально-революционного движения и проследить ход и направление народного сознания и мысли в сектантстве, деревенских толках и слухах, в антиеврейских беспорядках и т. п.

Как орган свободного слова, газета «Социалист» и в этом отделе даст место всем тем заявлениям, сообщениям и разоблачениям, которые не могут [быть] опубликованы в легальной прессе. Редакция приложит с своей стороны все усилия к тому, чтобы вопль униженных и обиженных был

[1]) Здесь, очевидно, пропуск.

во-время услышан всеми; в этих случаях редакция будет с благодарностью принимать все присылаемые ей сообщения, не наводя предварительных справок о политической благонадежности своих случайных корреспондентов, заботясь лишь об одной фактической достоверности.

6) Заграничные корреспонденции.

Пользуясь связями с русской социально-революционной эмиграцией, редакция позаботится о том, чтобы чрез посредство членов этой эмиграции иметь сообщения о всех важнейших явлениях и моментах социально-революционного движения в различных государствах Европы и Америки, насколько это движение обще и находится в связи с развитием социально-революционных движений в России.

7) Извле[че]ния из заграничной прессы.

Все, что может интересовать русских людей какой бы то ни было прогрессивной партии и что покрывается на цензорских таможнях мраком черной типографской краски, будет по возможности полностью или в извлечении приводиться на страницах газеты «Социалист». Для этой цели редакция воспользуется услугами той же эмиграции, поручив дело просмотра и компилирования заграничной прессы нескольким эмигрантам в Лондоне, Париже, Женеве, Вене и Берлине.

8) Обзор социально-революционной литературы.

В этом отделе будут даваться краткие рефераты о всех выдающихся новейших социально-революционных сочинениях, вышедших на русском и иностранных языках.

9) Фельетон будет состоять из научных статей о социализме, приобретенных редакцией в ее распоряжение, из беллетристических и сатирических очерков и ежемесячного фельетонного обозрения.

Наше время, полное потрясающих душу драматических моментов, конечно, не имеет недостатка в сюжетах для произведений всевозможных видов художественной литературы; но те условия, в которые поставлена у нас всякая нелегальная типография, вынуждают редакцию ограничиться удовлетворением одних лишь безотлагательных потребностей минуты. Поэтому относительно произведений изящной словесности редакция вынуждена будет ограничиться лишь небольшими очерками, набросками, картинами, которые объемом своим не превышают обыкновенного газетного фельетона и могут быть целиком напечатаны в одном номере. Таким образом, редакция, вопреки собственному желанию, должна будет подвергать иногда литературные произведения совершенно не литературной, а, так сказать, объемной критике. — Издатели газеты «Социалист» надеются, однако, что в недалеком будущем явится возможность более обширные произведения выпускать отдельными книгами, брошюрами и в виде приложений к газете.

10) Отчеты и объявления.

Редакция приняла на себя обязанность вести и опубликовывать строгую отчетность всем суммам, поступающим в распоряжение как местной группы партии «Народной воли», так и самой редакции. На последней странице каждого номера газеты «Социалист» будет помещен список всех денежных взносов, с указанием псевдонимов тех лиц, которые произвели взносы свыше 5 рублей, более же мелкие поступления будут обозначаться общим итогом.

Излагая со всеми подробностями содержание предпринимаемого издания, редакция имела в виду не столько будущих читателей, сколько тех лиц, которые пожелали бы оказать поддержку редакции своим сотрудничеством,

которые пожелали бы [1]), по условиям обязательной и необходимой конспирации, не могут войти в непосредственные объяснения с редакцией. Все поступившие в редакцию статьи подвергаются, в случае надобности, сокращениям и изменениям. Авторы, желающие во что бы то ни стало сохранить полную неприкосновенность своих произведений, приглашаются заранее предупредить об этом редакцию. Лица, не владеющие литературной формой, могут оказать редакции весьма существенную поддержку доставлением фактически достоверного материала, которому уже сама редакция постарается придать необходимую литературную форму. Всех желающих сотрудничать в предполагаемой газете редакция просит постоянно иметь в виду вышепомянутые тяжелые условия нелегального издания и потому как можно больше заботиться о сжатости изложения...

Подписной цены, а также и цены отдельного номера никакой не означается, так как редакцией и издателями газеты «Социалист» принято за правило: номер газеты принадлежит тому, кто его читает, и — до тех пор, пока читает. Желающие же оказать материальную поддержку предполагаемому изданию, в интересах ли партии или в интересах свободы слова, приглашаются к посильным денежным взносам, для сбора которых, одновременно с этим объявлением, выпускаются особые подписные листки.

Редакция.

19 февраля 1884 г. Г. Киев.

Типография газеты «Социалист».

Прокламация С. Г. Нечаева к студентам.

В 1869 г., уехав из России за границу, С. Г. Нечаев написал (возможно, при участии М. А. Бакунина) [2]) прокламацию «Студентам университета академии и технологического института». Прокламация эта, получившая большое распространение, хорошо известна. Она была опубликована в официальном отчете о процессе нечаевцев [3]) и с того времени неоднократно перепечатывалась в различных изданиях. Помимо этой прокламации Нечаевым была написана другая прокламация к русским студентам, не получившая такого широкого распространения, как первая. Она не только до сих пор не перепечатывалась, но в литературе о Нечаеве о ней не попадается даже упоминаний. Написана она была Нечаевым после второго его бегства из России, — повидимому, вскоре по приезде за границу. Поэтому мы полагаем, что не ошибемся, если отнесем составление Нечаевым этой прокламации на январь 1870 г.

Для характеристики Нечаева и его политических взглядов эта прокламация и, в частности, то, что Нечаев говорит в ней о «рабочей среде» на Западе, представляет несомненный интерес.

Прокламация Нечаева перепечатывается нами с подлинника, находящегося в сборнике произведений русской подпольной печати 1860—1870 гг., хранящемся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве.

Б. Козьмин.

Русским студентам.

Товарищи,

Еще раз судьба сохранила меня.

Среди разгрома кровавой реакции последних дней в числе немногих уцелел и я.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) См. книгу Ю. М. Стеклова «М. А. Бакунин», т. III, стр. 446—447.

[3]) См. «Правительственный вестник» 1871 г., № 163.

Разъяренные правительственные тигры не успели захватить меня. Бешенство их довело до безумия, до нелепостей: они бросились искать меня по Европе.

Но я вне их рук. Видно, суждено мне пережить это подлое правительство!

Молодежь еще раз принесла в жертву лучших людей из своей среды.

Мы говорим, что это — последняя жертва!

Еще ряд наших братьев лег костьми!

Мы говорим — это последний ряд!

Вслушайтесь в стоны умирающих под пытками узников и прочувствуйте наши ошибки. Ошибаться нам больше нельзя!

Чаша страданий Русской земли переполнилась.

Много товарищей отдали мы, чтоб дойти до понимания нашего положения, нашего неизбежного назначения и насущной деятельности.

Теперь мы дошли до этого понимания!

Пусть же каждый наш шаг с этой поры будет отмечен строгой обдуманностью и неуклонной последовательностью. Прочь споры, пустые слова, словопрения! За дело, за черное дело! Тщеславия не терпит оно.

Пусть всякая страсть, всякое чувство сдавится в груди и даст простор лишь одному чувству, одной страсти — составления коллективной силы.

В ряды товарищи, в шеренги!

Плотной, невидимой сетью мы обхватим страдалицу Русскую землю; проникнем мы всюду и всюду посеем мы доброе семя.

Товарищи, верьте в себя! В нас будущность Руси! Довольно нас гибло за дело народа! Нам приходит пора победить!

Западная учащаяся молодежь не понимает и не поймет наших стремлений.

Она отжила свои красные дни и сошла со сцены. Роль ее в жизни народа покончена.

Последняя вспышка юношеского жара во имя святой цели была уже давно.

С той поры университет поставлял лишь филистеров науки да лакеев правительства.

Но на Западе есть новые, свежие люди, которым принадлежит будущее. Это — рабочая среда, не разделяемая ни границами государств, ни племенными различиями. Вот кто поймет нас! Потому что наше дело — дело народа,— их дело!

Крепче еще, еще плотнее сомкните свои ряды. Суровее и строже к себе!

Храните свято наши заветные начала.

Следуйте слову первого революционного агитатора — Христа: «Не мечите бисера перед свиньями!» Не пробуйте больше будить словом истины этот доживающий свой век дряхлый мир.

Гибель его неизбежна! Будем содействовать ей.

Охваченные единственной мыслью достижения во что бы то ни стало наших святых целей, двинемся быстро и дружно вперед.

Ровней, спокойней!

Нам надо покончить, что начали борцы прошлого.

Бросим последний прощальный взгляд на них, на наших друзей, еще вчера об руку шедших бесстрашно вперед, полных надежды и сил, а теперь задыхающихся под истязаниями палачей Александра II.

Их суровые лица спокойны. Они знают, что дело не умрет вместе с ними.

Уверенность их глубока!

А чувство ненависти к существующему порядку и жажда мести за них, за народ должны быть в нас глубже еще.

Им суждено было пасть. Нам суждено низложить!

Итак, пусть же весь ум, энергия, воля и страсть в каждом из нас направлены будут теперь к созиданию силы.

Будем же глухи и немы ко всему, что не дело, ко всему, что не мы, не народ.

Во имя погибших, вперед кто уцелел!

Ваш Нечаев.

До свиданья, до радостной встречи в родимой страдалице Русской земле!

Лондон. 1870 г.

Ишутинцы в тюрьме и ссылке.

Основной фонд каракозовского дела составляют обширное производство следственной комиссии и дело верховного уголовного суда, находящиеся в настоящее время в Архиве Октябрьской Революции. Но, кроме того, много документов имеется в архивах департамента полиции и III отделения (Архив Революции и Внешней Политики). Ниже мы печатаем из них некоторые документы, касающиеся трех главных обвиняемых — Каракозова, Ишутина и Худякова.

Первый печатаемый документ — это начальная часть обращения Каракозова к царю [1]). Обращение это довольно велико по размеру, но интерес представляет лишь его начало: в дальнейшем Каракозов говорит о вещах, теперь общеизвестных — о своей болезни, «Константиновской партии» и пр. Та часть, которую мы печатаем целиком, была в пересказе и выдержках дана А. А. Шиловым в его книге «Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года» (П., 1920, стр. 36—38), но этот важный документ, говорящий о преданности Каракозова делу революции, должен быть известен полностью. Мнение, что это обращение писано п о с л е приговора, ошибочно. Черновики прошений Каракозова, писанные после приговора, находятся в другом месте и теперь опубликованы [2]). Настоящее обращение писано гораздо раньше. Об этом с несомненностью говорит то обстоятельство, что после печатаемой начальной части Каракозов с подробностями сообщает царю о своем происхождении, родителях, родственниках, месте обучения и пр. Все это ко времени вынесения приговора было вполне известно, и не было смысла говорить об этом. Обращение писано тогда, когда личность Каракозова только что была раскрыта, т. е. еще в апреле. Если же Каракозов говорит о нескольких часах, которые ему, может быть, осталось жить, то ведь он не знал, сколько времени продлится процедура следствия и суда, и мог думать, что с ним покончат чрезвычайно скоро.

«Ваше имп[ераторское] вел[ичество] [1]).

Преступление, совершенное мною, так велико, что я не смею думать [2] о помиловании. Преступление понятно, государь, потому, что оно вытекало прямо из моих убеждений о несовершенстве настоящего порядка вещей и стремления к тому, чтобы сделать счастливым то огромное большинство людей, жизнь которых проходит в постоянных тяжелых трудах, почти без всякого вознаграждения за эти тяжелые труды, в постоянном невежестве, болезнях и всевозможных ли-

[1]) Архив деп. полиции, 1866, № 163, т. I, л. 78—79.

[2]) Покушение Каракозова. Стенографический отчет. Том I. М., 1928. Стр. 284—287.

[1]) Орфография в этом документе, как и в следующих, современная. Соблюдены лишь некоторые особенности правописания.

[2]) Далее зачеркнуто: «чтобы оно была прощено».

шениях, страданиях, физических и моральных, преступлениях, грабежах, воровстве и проч., имеющих основанием бедность и вследствие этого грубость и неразвитость нравственного смысла в народе. Те реформы, государь, которыми вы думали улучшить положение этого бедного народа, доказывают, что вы, государь, как человек обладаете добрым сердцем, но они доказывают также и то, что как монарх не имеете ни сил, ни возможности устранить то бедственное положение рабочего класса, которое было, есть и будет до тех пор, пока не [1]) падет совершенно ныне существующий экономический порядок и установятся прочные поземельные отношения, основанные на ровном разделе земель между рабочими сословиями и равномерном вознаграждении за труд. Я это говорю, государь, не из желания доказать справедливость моих положений, — это был бы лишний труд, потому что справедливость их уже доказана наукой, и не у нас только в России, но и [у] других образованных народов. И поверьте, государь, что скоро, скоро пр дет время, когда никакие в мире законы, ни государи не будут в состоянии удержать порывы народного гнева, злобы вследствие накипевших у него в груди бед и горя, вследствие сознания несправедливости такого порядка вещей, при котором у рабочего человека отнимается заработанный им лишний кусок хлеба, который идет в пользу [2]) лиц, не принимавших никакого участия в труде для увеличения народного богатства, благосостояния. Где бы, государь, ни вспыхнуло первое рабочее движение, — в Англии, Франции или Германии или, наконец, у нас в России, — оно, как пламя, охватит всю Европу пожаром. Верьте также, государь, время от времени будут являться личности, если не у нас в России, то в других государствах Европы, — чему мы и видим недавние примеры в истории, — которые будут жертвовать своею жизнью для того, чтобы показать народу, что его дело правое и что были и будут люди, которых вся жизнь до конца принадлежит народу. Относительно себя я могу сказать только, государь, что если бы у меня было бы сто жизней, а не одна и если бы народ потребовал, чтобы я все сто жизней принес в жертву народному благу, клянусь, государь, всем, что только есть святого, что я ни минуты не поколебался бы принесть такую жертву. (Вот все, государь, что у меня наболело в груди, все я высказал вам.) Что касается моего положения общественного, я, государь, также объясню вам вполне чистосердечно, откровенно, как следует человеку, которому остается жить, может быть, несколько часов и который желает провести это время в спокойной и бесстрастной беседе с священником и молитве»...

В том же деле имеется своеобразный документ, связанный с пребыванием в крепости Н. А. Ишутина. Это — лист с его размышлениями по поводу возможной смертной казни, о своей судьбе, беседа с самим собою — или, порою, с собственным «Мефистофелем».

Вверху листа имеется надпись неизвестной рукой: «Черновая Ишутина, взятая в камере его, с которой списана копия в мае месяце для прочтения графу Муравьеву». Дальнейшее написано рукой Ишутина — очень мелко, сжато и иногда весьма неразборчиво.

«Неужели придется умирать! умирать! Зачем, почему? Я хочу жить! Эх, брат Николай Андреевич! Горя ты, верно, мало видал... мало видал, чорт возьми! Да кто больше меня-то его видел, кто больше меня испытал прелесть жизни? Нет, я хочу жить для блага отчизны, — родина, ро-

[1]) Далее зачеркнуто: «уничто».
[2]) Далее зачеркнуто: «тех».

дина, так-то ты благодаришь! Скучно как, боже мой, и сосед мой, должно быть, в мрачном расположении духа: стучал ему, хоть бы откликнулся, все чувствуешь, что около тебя человек и думает про тебя, — ругает что ли или сокрушается, — все едино, все-таки понимает. Не сокрушайся, друг любезный! Что попустому-то сокрушаться! Ну, взвесют [1]), и то благо. Хоть почтенной поблике [1]) веселый даровой пейзажик покажем. Хоть бы скорее показать что ли. Я представляю себе картину. Все это кругом тебя генералы, стража с барабаном, народ толпится кругом, а ты идешь, как на званый пир, гордо смотришь кругом и около, ждешь, что-то будет! Вот тебя подводят к позорному столбу, ломают шпагу... Ах, чорт возьми, у меня шпаги-то нет! Ах, зачем же почетным гражданам не дают шпаги! Господи, чем же счастливее дворяне со шпагой, что же надо мною будут ломать? Вот штука-то, в 1-й раз пожалел, что я не дворянин. Ну, да что-нибудь выдумают подходящее, уж так не оставят, что-нибудь да выдумают, ведь имеет [1]) право умирать только простые люди, а как же я, почетный гражданин, не умираю [?] [2]). Нет, только разжалуют [1]) с подобающею моему роду честию. Ну, говорят, ныне цивилизация процветает, так палач не будет аплеухами [1]) кормить. Великое дело это цивилизация. Все били, били по ланитам, да вдруг и так стали вешать. А почему? А потому все цивилизация. Итак, да здравствует цивилизация, многие лета ей! Ура! да здравствует вешание без аплеух, плод цивилизации! Удивительный у меня характер. Все смеялся да смеялся, вот и досмеялся. А ведь, право, много этим терял в прошлой жизни, бывало, страшная [?] грусть, а ты смеешься, и говорят: какой хитрый, бесчувственный. А ведь, в самом деле, чего не смеяться, ведь в каждой драме столько комизма, что, ей-богу, нельзя и не смеяться. Видишь все это гладко [?]. И оскорбленная невинность, и слезы, и раскаяние, и все это так, как следует. А проанализируй-ка хорошенько и увидишь суета сует. Раскаивается потому, что трусит, слезы, потому что нервы, а оскорбленная невинность или поросенок в мешке [1]). Да, верно! поросенок в мешке. Ежели я буду каким-либо образом жив, верно, уж буду смеяться надо всем драматичным. Принято все воспоминать, — воспомним. Где-то ты, царица души моей, что-то ты делаешь?! Поди, сидишь себе, переводы переводишь и не вздумаешь, не погадаешь по мне. Да ведь ты ненавидишь меня. А за что? Бог весть! Эх, дорогая ты моя, души моей искушение! Не все то делается, что говорится, и не все то говорится, что делается. Был я искренен, любил тебя нежно, мой поцелуй, хотя и робкий, жгет [1]) мои уста до сих пор, и что бы то ни было, как бы ни было, а все-таки я для тебя был когда-то дорогим человеком [2]) и, может, сладостным воспоминанием до завтрешнего [1]) дня, а, может быть, и навсегда. Последнее мое слово будет твое имя. И я, как рыцарь: последний мой вздох будет вздох по тебе, мое искушение, мое древо зла. Вкусил я от плода запрещенного и что же — только мучил тебя и себя. Благо, что ты скоро отвернулась от меня, а то замучил бы тебя. Прощай, мой демон-искуситель.

Постой, брат, ты в драматизм вдаешься! Нельзя — исключительный случай такой пришел. То-то, брат: сейчас и исключение. Признайся, слаб есть. Грешен, слаб был и слаб теперь. А все-таки смеяться следует над драмой всякого рода. А не проанализи-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Написано неразборчиво.

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Последнее слово написано над зачеркнутым: «воспоминанием».

ровать ли ты [1]) свою драму? Стой! стой! Молчи, пожалуйста, от излишества [?] потехи — я умру со стыда. Самая печальная комедия, какая только может быть в глупом создании, именуемого [1]) царем природы. То-то же. — Ну, друг нежный, неизменный, прости меня — не сделал я тебе ничего хорошего, как принято делать брату, да ведь я и сам о себе ничего не заботился, жил, как пташка божия, нынче здесь, завтра там; помышлял я все о благе людей, помышлял я, как бы мир осчастливить, а об тебе-то и позабыл... Что-то теперь будешь делать? Эх, сестра, сестра [2]), кинь ты эту жизнь скучною [1]), тебе что она дает? Я хоть жил-то надеждами, думал — ... Эх ты горе-богатырь, думал ты! Сестра, сестра, прости меня, друг ты мой родимый. Как-то ты, поди, рыдаешь, как-то, я думаю, поникла [3]) своею головешкой. Ну, да простися с жизнью, жизнь тебе не даст ничего, не проклинай меня, тебя позабывшего, не суди ты меня, я уже осужден беспощадным судом. — Что, опять расчувствовался? — говорит мой Мифистофель [1]). Ну, шалишь, брат, тут не поймаешь, там, брат, имел право, а тут другое дело, тут ты дурак. Эх! сколь ты глуп, не понимаешь. Замолк мой бес. Сердце! сердце! Что ты так стучишь? Боже мой, что со мною делается... Горло мое сдавлено ровно клещами. Я весь не свой. Воспоминания нахлынули, и какие воспоминания. Я видел его в цепях, моего друга, милейшего друга [4]), я рыдал... как рыдают черти, да и теперь рыдаю, бросаю... Однако бывают скверные минуты. Вот хоть бы вчерась всю ночь протосковал. Все это воспоминания наделали. Вздор, не буду вспоминать. Обращусь лучше к милой действительности. Приятно живется здесь. Право, приятно. Поутру хлеб белый с чаем, обед беру из гостиницы, три блюда. Три блюда! Потом опять чай. Квартира по-московски рублей... [1]). Ко всему этому вежливость, доходящая до нежности, почтенных судиев и подсудиев [1]). Боже мой, я на воле частенько голодал, частенько жил в грязной квартире, и подлая хозяйка постоянно грубым манером требовала денег, а тут даром, да с нежностью. Прав... [2]) что все наверстывается [?]. «Ха!» — Что мой Мифистофель? О, злая насмешка судьбы! А меня откармливают, как теленка на убой. Ну, да все едино, ведь не бросать же прекрасного [2])... смело свищу. Опять вчерась большое начальство удивилось, как я сплю сном невинности, рот разинули, вероятно [3])... обстоятельством. По временам на меня дрожь нападает. Уж, боже храни, не трушу ли я? Зачем же, я герой. Нет, не трушу! Я это докажу. Эх, Суворов, Суворов, вспомянешь тебя, как бы ты был жив, рассудил бы ты нас живо [3])... что сидишь-сидишь, отписываешься-отписываешься, а все толку нет, хоть бы вдели скорее, а еще все люди военные, все генералы, — решительно, я теряю уважение к военным... ведь самая величайшая доблесть военных это быстрота и решительность. Человечество мельчает, видимо мельчает. Даже в своих представительных видах [?] мельчает».

О дальнейшей печальной судьбе Ишутина в ссылке говорят документы, находящиеся в архиве III отделения [4]).

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) У Ишутина была только одна сестра, Екатерина Андреевна.

[3]) Написано над зачеркнутым словом, которое не поддается прочтению.

[4]) Весьма возможно, что здесь имеется в виду Каракозов.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Далее неразобранное слово.

[3]) Далее вырван кусочек бумаги.

[4]) Дело III отдел., I эксп., 1866, № 239, «О государственном преступнике Николае Ишутине», л. 41—42.

22 ноября 1877 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления секретно доносит в III отделение:

«Государственный преступник Ишутин, содержавшийся на Карийских промыслах, в последнее время стал страдать мрачным умопомешательством, вследствие чего был отправлен в больницу, и, по освидетельствовании комиссиею из врачей, таковая нашла его действительно одержимым упомянутым недугом. Ныне полковник Купенков, командированный на означенные промысла, сообщил мне, что, если Ишутин и страдает мрачным умопомешательством, тем не менее он иногда, в известные периоды, рассуждает совершенно здраво, в доказательство чего препроводил ко мне письмо Ишутина к государственному преступнику Юрасову, каковое письмо в копии при сем представляю».

Вот это письмо:

«Дмитрий Алексеевич!

Мне очень приятно получить известие, что вы живете вольно и можете чаять скорого возвращения на родину. Я ручаюсь за ваше здоровье и полную гармонию ваших душевных сил, ибо бывший искус, положенный ли на нас судьбою или бурной, недозрелой нашей фантазией, не мог не иметь благодатного влияния и значения на ваше будущее. Что же касается меня, то условное положение и отношение к различным вопросам, находящимся вне моего маленького земного существования и созерцания, не давали мне душевного мира, но и не больше, — а дальше я надеюсь, что даже ныне действующий закон и правительство выведут меня из крайних затруднений, амнистируя обычно. Вы же лично мне поможете поистине в лихой беде, пришлете денег, и, я думаю, вы это сделаете без потерь для себя, ибо я слышал, что вы достали себе маленький капитальчик и делали обороты. Будьте так любезны, напишите, где вы, чем заняты и как живете. Николаев, впрочем, хоть [1]) писать подробно об своем житье-бытье. Петр Гаврилович Успенский вам шлет поклон. Адрес: в Забайкальскую область, в среднюю Кару, заведывающему нерчинскими ссыльно-каторжными, с передачею Н. Ишутину.

Душевно любящий вас Николай Ишутин. Поклонитесь всем».

Из тех архивных документов, которые касаются третьего важного подсудимого по каракозовскому процессу, И. А. Худякова, следует особо выделить сообщение о нем какого-то подосланного к нему шпиона Трохимовича. Об этом документе кратко упоминает в своей книге А. А. Шилов. Кто такой Трохимович, мы не знаем. Повидимому, он встречался с Худяковым прежде: «я встретил в нем противу прежнего большую перемену», пишет он. Неизвестно, насколько точно переданы им его разговоры с Худяковым, и не дал ли он воли своей фантазии. Те мнения Худякова о необходимости истребления всей династии при революции, которые были сообщены Трохимовичем по начальству, без сомнения, сыграли немалую роль в дальнейшем беспощадно-жестоком отношении к нему правительства: уже когда он был совершенно душевно-больным, его все не хотели отпускать из Верхоянска, опасаясь, что это симуляция с целью побега.

Донесение Трохимовича было препровождено генерал-губернатором Восточной Сибири Корсаковым начальнику III отделения гр. Шувалову при следующем отношении:

«Милостивый государь
граф Петр Андреевич.

Долгом считаю препроводить к вашему сиятельству полученные мною

[1]) Так в подлиннике. Надо, очевидно: «хотел».

от якутского губернатора д. с. советника Лохвицкого совершенно секретные сведения о преступнике Худякове.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности

Михаил Корсаков.

18 октября 1868. Иркутск» [1])

Вот это сообщение Трохимовича:

«Прибыв в Верхоянск в начале марта текущего года, я, чтобы не возбудить в Худякове ни малейшего сомнения, почти ни разу в течение этого месяца не начинал с ним разговор о предметах, интересовавших меня, а занимался другим возложенным на меня поручением. В Худякове я встретил противу прежнего большую перемену; он сделался очень печален, постоянно ищет уединения, так что даже довольно трудно было вызвать его на продолжительные разговоры. Прежняя надежда на скорое осуществление задуманных планов далеко в нем ослабла, хотя нельзя сказать, чтобы вовсе угасла. Сведений о ходе в настоящее время политических событий, со дня пребывания в Верхоянске, имеет очень мало, так как в городе получаются только «Биржевые ведомости» и «Северная почта», но он, считая эти газеты правительственными органами, почти в них не заглядывает.

При разговоре о покушении, бывшем 25 мая в Париже, Худяков сказал, что государь очень счастлив, избежав два раза от направленных на него выстрелов, но что все-таки это не спасет его, и он революционерами обречен на смерть. На мои возражения, что неужели при предположенном ими европейском перевороте нельзя обойтись без цареубийств, так как всякое убийство само по себе преступление, не оправдывающееся никакими целями, Худяков сказал, что это в данном случае извинительно и необходимо. Государи и их фамилии не так легко откажутся от своей власти и, пока будут живы, всегда найдут приверженцев и будут стараться возвратить себе власть, и это поведет к беспрерывным кровопролитиям, то в отвращение подобных покушений лучше пожертвовать жизнию нескольких царственных особ. Березовский, как уверяет Худяков, действовал не лично от себя, а в целях Парижского революционного комитета. Эти комитеты во всех европейских государствах очень сильны; в России же, по мнению Худякова, которое он высказывает с большою уверенностью, как подавленные в самом начале, в настоящее время не существуют, да и составление их не только бесполезно, но даже вредно. Ни один комитет, собственно в России, не может долго существовать и рано или поздно будет открыт, а это поведет только к бесполезным жертвам. Доказательством тому представил случайное открытие заговорщиков 4 апреля. По его мнению, всякий, кто только имеет возможность и чувствует себя способным действовать, как он выражается, на пользу человечества, должен действовать отдельно, потому что, если попадется, то, по крайней мере, не увлекет [1]) за собою другого. Худяков уверял, что в настоящее время в России так и делается. На мои возражения, что в таком деле, как введение всеобщей революции, необходимы руководители, Худяков ответил: «Придет время, и руководители найдутся». Одним из главных будут Гарибальди с сыном. Уже решено, что со смертию нынешнего папы кончится светская власть их, и затем по всей Италии будет учреждена Римская республика. После этого Гарибальди перенесет свое оружие во Францию, которой не привыкать быть республикой, и здесь она будет учреждена без малейшего затруднения;

[1]) Дело III отделения, I эксп., 1866, № 100, ч. 145, л. 43.

[1]) Так в подлиннике.

затем в Германию, где большая половина владетельных герцогов добровольно сложит с себя короны, и так далее по всей Европе. Началом революции в России послужит учреждение Польской республики, которая, как уверяет Худяков, недолго будет существовать. По его мнению, поляки такой беспокойный народ, что им действительно необходимо монархическое правление; сами собой они не могут управляться, и с этой республикой будет много хлопот [1])...

На мои вопросы, есть ли деятели в Сибири, Худяков ответил, что на Сибирь, как на одну из дальних провинций России, не было обращено особенного вимания, тем более, что главный элемент народонаселения — инородцы, которым все равно, какое бы ни было правление. Присланных на поселение гражданских и политических преступников нельзя считать надежными защитниками престола. Притом же само правительство позаботилось о проведении в Сибирь революционных идей. Выселение в таком громадном количестве поляков в Сибирь с его стороны большая ошибка, которою мы, — говорит Худяков, — современем воспользуемся. Русский народ хотя и имеет некоторое предубеждение и даже ненависть к Польше вообще, но отдельные личности политических преступников возбуждают в нем сострадание, которым они хорошо пользуются для уничтожения сказанного предубеждения. Как понесшие наказание, они свободно высказывают свои идеи, а идеи свободы очень заманчивы и легко прививаются. Желание мое узнать, скрылся ли кто при открытии заговорщиков 4 апреля, не увенчалось успехом. Впрочем, Худяков уверяет, что главные все открыты; остались неоткрытыми лица, не принимавшие большого участия ни в чем, так называемые либералы. Узнать фамилии этих лиц не было никакой возможности, Худяков в разговорах ограничивался словами: «некто», «один господин» и т. п. К этому же нужным считаю присовокупить, что Худяков постоянно утверждает, что он весьма тяжел на знакомства и прежде знакомился только с лицами одних с ним убеждений.

А. Трохимович [1])

[1]) Опускаем далее некоторые собственные соображения Трохимовича по польскому вопросу.

В том же деле имеется в копии письмо Худякова, говорящее о тяжелых условиях его жизни в Верхоянске. До сих пор из него были известны только заключительные строки. Все письмо написано относительно сдержанно, с проявлениями свойственной Худякову иронии, но в конце прорывается настоящий крик отчаяния.

«Верхоянск. 1869 г., 2 ноября.

Милая маменька! Хотелось бы мне написать вам много, очень много... Но обстоятельства столь странны, что надо отложить это до будущего более удобного случая.

Дороги теперь здесь установились, и мы ждем вестей из Якутска. Но скоро ли дождемся, это покрыто неизвестностью. В настоящее время город наш сонлив как нельзя более; почти нет никаких увеселений; даже что-то и в карты перестали играть; дня почти нету; только и новостей, если кто увидит что-нибудь диковинное во сне.

Северных сияний нынешней осенью почти не было; постоянно стоит пасмурная погода и сравнительно довольно тепло; мороз еще не превышал 30°.

Многие якуты стреляют белок стрелами. Охотник так дорожит стрелою, что каждый раз, когда она вонзится в вершину дерева, чтобы достать ее,

[1]) Дело III отделения, I эксп., 1866, № 100, ч. 145, лл. 44—54.

он срубает и сваливает самую лесину; иной охотник в сутки срубает до 10—20 дерев.

Что касается меня, то я почти нигде не бываю (за исключением крайней нужды), стало быть, сижу дома и стареюсь понемногу.

Я получил из Якутии золотые часы, но, к сожалению, столь попорченные, что нужно было снова их отправить в починку; часы, впрочем, хорошей конструкции.

Население ждет новых судов, которые, по слухам, должны быть скоро и в Якутской области и, естественно, будут составлять самое крупное вопиюще-необходимое нововведение.

Хорошего у нас мало. Желаю вам здоровья, кланяюсь Лене [1]) и желаю ей счастья. Всем родственникам большой поклон.

Ваш Иван Худяков.

Если вас спросят: кто самый несчастный человек на свете? — отвечайте: тот, кто поставлен в бесконечно-бессрочное бездействие и гниет заживо не от отсутствия сил и способностей, а от отсутствия возможности употребить их в дело. Разглядев положение, в которое поставил меня приговор верховного суда, невольно вспоминаю слова поэта:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?..

С подлинным верно. Полковник (п о д п и с ь)».

Заключительный акт драмы И. А. Худякова, его психическое расстройство, нашел отражение в ряде документов архива. Из них мы берем один акт освидетельствования, произведенного над Худяковым в Якутске, куда он был привезен из Верхоянска:

«5 декабря 1874 г. был составлен акт освидетельствования Худякова, на предмет определения его умственных способностей, в присутствии Якутского областного управления.

Вопросы.	Ответы.
Как вас зовут?	Иван Александрович Худяков, родился в Кургане, Тобольской губ.
Сколько вам лет?	33-й год. 5 декабря 1842 года по русскому счету, а по французскому 15 декабря. Начинается вычисление летосчислений еврейского, магометанского и проч., говорит разные нелепости.
Женаты вы или нет?	Не дает соответственного ответа; начинает речь с Петра Великого и говорит ужасную чепуху.
Давно ли вы в Якутске?	В первый раз был в 1867 году.
А после давно ли?	С 29 августа, а по французскому счету — 5 сентября.
Где вы учились?	Прежде всего учился у отца в Кургане, потом в Ишиме; в колыбели даже я понимал в грамоте, имел познание всех наук и проч. — говорит неудержимо до тех пор, пока не остановят или не предложат другого вопроса.

---

[1]) Жена, Леонила Александровна.

Кто у вас родные?	Татьяна Александровна Худякова [1]). Я родственник его величества и их высочеств и пр. — говорит о монетной системе, переходит о зверях и проч.
Чем занимаетесь теперь?	Желаю заниматься государственными делами во всемирном порядке.
Где вы живете?	Спросите у Решетникова (смотрителя больницы).
Чем занимались раньше?	Литературой и наукой. Много говорит о Варенцове [2]) и о проч.
Кто такой Варенцов?	Профессор народной словесности, который встретил меня в 1866 году два раза на Невском проспекте, и проч.
По какому поводу вы приехали в Якутск?	Я желаю ехать в Петербург, видеть Государственный Совет и государя императора. Далее говорит о 4-м апреля, о всемирном порядке, всемирной вере и проч.
На повторенный вопрос: по какому поводу вы здесь?	По желанию государя императора. Говорит о Михайлове, Делянове и проч.
Какое ваше теперь желание?	Желаю заниматься государственными делами на всемирном порядке, гласном. Говорит о гласности, истории и прочее.
Где вы теперь находитесь?	Во всемирном государстве. В Женеве я записался Худяков, а меня Шудяков записали; начинается длинная речь о родословии.
Хорошо ли вы видите?	Я вижу сквозь веки и имею резервную память по желанию всех лиц.
Куда вы теперь хотите ехать?	В Петербург.

После означенных вопросов ему предложено было удалиться из присутствия, он не хотел, сильно разгорячился, придя в сильное раздражение, начал кричать, махать руками, всех обозвал преступниками и приглашал именем жены всех к порядку. Во время свидетельства на все предлагаемые вопросы отвечал, не открывая глаз, не качая и не гладя головы. На каждый вопрос следовал неудержимый поток слов, оканчивающийся только предложением нового вопроса. Говорит чрезвычайно быстро, переходя от одного предмета к другому, без всякой логической связи, сбиваясь большею частью на всемирную конституцию, высказывал желание ехать в Петербург и за границу, для личных объяснений с Государственным Советом и вообще с царственными особами» [3]).

М. Клевенский.

---

[1]) Так, действительно, звали мать Худякова.

[2]) Профессор, у которого Худяков учился в Казани.

[3]) Дело III отделения, I эксп., 1866, № 100, л. 45, лл. 86, 87 и об. Опускаем заключительную часть акта, не представляющую интереса.

Новые материалы о дуэли и смерти А. С. Пушкина.

(Из переписки А. Я. Булгакова и кн. П. А. Вяземского.)

Публикуемые ниже письма А. Я. Булгакова и кн. П. А. Вяземского о преддуэльной истории и смерти Пушкина существенно дополняют известные нам до сих пор серии писем этих деятельных осведомителей об обстоятельствах, сопровождавших трагическую кончину великого поэта. Роль кн. П. А. Вяземского, как одного из главных создателей получившей широчайшее распространение и «канонизированной» легенды о дуэли и смерти Пушкина, становится теперь все яснее и яснее. Тем ценнее весьма интимное, не предназначавшееся для широкого распространения, признание его в публикуемом письме к О. А. Долгоруковой (от 7 апреля 1837 г.), что первой причиной катастрофы были «бестактность и неумение вести себя» жены поэта.

Не менее активную, но несколько иную роль в деле распространения легенды играл присяжный вестовщик новостей, перлюстратор писем не только по должности московского почт-директора, но и по призванию, Александр Яковлевич Булгаков. Не будучи ближайшим свидетелем перипетий преддуэльной истории, он, — ранее других осведомленный о ней А. И. Тургеневым и кн. П. А. Вяземским, — чрезвычайно энергично работал в качестве «передаточной» инстанции. В этом отношении замечательно публикуемое письмо Булгакова к кн. П. А. Вяземскому от 11 февраля, где он пишет о купцах, почтамтских чиновниках и их женах, просящих позволения списать письмо Вяземского к нему о дуэли и смерти Пушкина. Сам Булгаков, до омерзения раболепствовавший перед Николаем и членами его семейства, считавший верхом счастья для себя интимную близость своих дочерей к царю, о чем имел удовольствие, в качестве перлюстратора, прочесть в письме Пушкина к жене, этот третируемый настоящими барами «Сашка Булгаков», принадлежал к стану врагов Пушкина, только из-за дружеских чувств к Вяземскому считавший нужным несколько отмежевываться от них *).

Для него во всей трагической истории Пушкина самое замечательное и умилительное — «милости» Николая. О них он захлебываясь и рассказывает и пишет. «Артист самодержавия», Николай знал, что делал, когда «осыпал милостями» вдову и детей поэта. На этих «Булгаковых» он и рассчитывал, делая этот «жест великодушия», истинную цену которого мы теперь хорошо понимаем. Письма А. Я. Булгакова к кн. П. А. Вяземскому от 25 и 26 февраля интересны сообщениями об отце и вдове поэта.

М. Цявловский.

Подлинники сообщаемых ниже, частью в полном виде, частью в извлечениях, девяти писем за 1837 г. Александра Яковлевича Булгакова и кн. П. А. Вяземского, находятся в настоящее время в Центрархиве, в VI отделе Древлехранилища.

Как известно, часть переписки А. Я. Булгакова с кн. П. А. Вяземским, равно, как и часть писем Булгакова к дочери его кн. О. А. Долгоруковой,

---

*) См. статью М. К. Светловой: «К кому было написано письмо кн. П. А. Вяземского 9 февраля 1837 года о кончине А. С. Пушкина» — в печатающемся втором выпуске «Московского Пушкиниста», убедительно доказавшей, что известное письмо было адресовано не А. Я. Булгакову, а Д. В. Давыдову. Этой незаслуженной «чести» А. Я. Булгаков теперь справедливо лишен.

были опубликованы в разное время П. И. Бартеневым *) и Ф. И. Булгаковым **). Настоящие письма однако опубликованы не были. Между тем, увеличивая собою список писем, написанных по поводу дуэли и смерти А. С. Пушкина, они приобретают особый интерес ввиду того, что авторы их не предназначали их к публичному оглашению и распространению. Характер писем совершенно интимный.

Письма А. Я. Булгакова и кн. П. А. Вяземского к кн. О. А. Долгоруковой обнаружены при разборке поступившего в Центрархив (тогда Главархив) в 1919 году, вместе с архивом Колычевых-Соллогуб, фонда Александры Александровны Львовой, ур. кн. Долгоруковой, родной внучки А. Я. Булгакова. Письма Булгакова к О. А. Долгоруковой печатаются в извлечениях. Начало первого письма относится ко 2 февраля 1837 г., публикуемая часть написана Булгаковым на следующий день, 3 февр., по получении им известия от А. И. Тургенева о кончине Пушкина (см.: «La poste de Pétersbourg vient d'arriver et m'a apporté une grande et horrible nouvelle»... и далее: «Tels sont les détails que Tourgueneff me transmit...»). Второе письмо датировано 10 февраля, третье не датировано совсем. Сопоставляя его с последующими письмами Булгакова к дочери, можно думать, что оно было написано им 11—12 февраля.

Письма, вместе с другими письмами Булгакова к О. А. Долгоруковой, переплетены в одну общую тетрадь, типа дневников, в красивом, темно-зеленом, кожаном переплете, на корешке которого оттиснуто золотыми буквами: «Lettres de Papa. 1836—1837». Почерк Булгакова очень неровен и крайне неразборчив при чтении.

Письма Булгакова к П. А. Вяземскому входят в состав Остафьевского архива кн. Вяземских. Здесь в отделе переписки, в картоне, по описи № 2, под № 41, имеется пакет, носящий заглавие: «Письма А. Я. Булгакова кн. П. А. Вяземскому. 1834—1837 гг.», заключающий в себе публикуемые письма. Первое из них, от 6 февраля, написано Булгаковым еще до получения им известного письма кн. П. А. Вяземского от 5 февраля 1837 г. о последних днях А. С. Пушкина. Письмо от 11 февраля является ответом на это письмо (ср.: письмо Вяземского от 5 февраля, где он передает слова Пушкина Д'Аршиаку: «Il y a deux espèces de cocus...» и письмо Булгакова от 11 февраля: «мне жаль, что тут размышление Пушкина о разрядах cocu...»), а письма от 25 и 26 февраля были вызваны посещениями Булгакова, в первые дни по кончине А. С. Пушкина, отца Пушкина—Сергея Львовича, и присылкою последнему Жуковским через посредство Булгакова письма от 15 февраля.

В том же отделе переписки, в картоне № 3, в пакете № 81, на лицевой стороне которого значится: «Письма кн. П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову. 1835—1839 гг.», хранится в Остафьевском архиве письмо П. А. Вяземского к Булгакову от 29 марта 1837 г. По содержанию оно тесно связано с письмами его к О. А. Долгоруковой от 7—19 апреля. Собственно, оба письма — ответ на просьбу, обращенную к кн. Вяземскому О. А. Долгоруковой, жившей тогда в Баден-Бадене, сообщить ей «les détails sur ce déplorable évènement». Сделав предварительно запрос Булгакову, по-

*) «Русский архив» 1879 г., кн. 4, 5 и 6. «Из писем П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову». 1818—1838 гг.

Там же. 1906 г., кн. 1 и 3—11. «Письма А. Я. Булгакова к его дочери кн. О. А. Долгоруковой». 1831—1836 гг.

**) «Исторический вестник» 1886 г., кн. 5. «Калейдоскоп московской жизни. 1818, 1819 и 1820 гг. Из писем А. Я. Булгакова кн. П. А. Вяземскому».

слал ли тот О. А., «хоть в извлечении», его письмо к нему от 5 февраля, Вяземский затем написал ей сам.

К сожалению, состояние, в каком находился фонд А. А. Львовой при начале разборки, отсутствие каких-либо отметок на письме, не дают возможности установить, где находится стихотворение Пушкина, о котором упоминает Вяземский в своем письме к О. А. Долгоруковой и которое, по-видимому, в списке было приложено к письму.

Все девять писем написаны на простой, без водяных знаков, желтоватой бумаге обычного почтового формата,— за исключением одного письма Булгакова, писанного на большом листе,— и прекрасно сохранились.

Письма печатаются по новой орфографии, но с соблюдением всех стилистических особенностей подлинника. Пунктуация большею частью исправлена.

Текст писем подготовила к печати и снабдила примечаниями М. К. Светлова.

Письмо А. Я. Булгакова кн. О. А. Долгоруковой от 2 февраля 1837 г. *).

Москва, 3 февраля ст. ст. 1837 г.

Вчера я до того дописался, что чуть не заснул, милая моя Ольга **), так как царапал я перед сном; было 2 часа утра.

Только что пришла петербургская почта, принесшая мне большую и страшную новость: поэт Пушкин дрался на дуэли, на расстоянии 5 шагов, с Дантесом Геккерном и получил рану в живот, от которой скончался 29 после продолжительных страданий. Это ужасная и очень запутанная история. Я предполагаю, что ты в курсе всего этого дела: романа, действительного или предполагаемого, Дантеса с женою Пушкина, ревности поэта, так называемого примирения, после которого Дантес женился на одной из сестер Пушкиной, в доказательство, что именно туда были устремлены его ухаживания. Кажется, что цель была получить возможность видеть беспрестанно ту, которую он любил, не смущая этим никого ввиду их близкого родства. Но Пушкин не дался в обман: он отказал Геккернам от дома со дня их свадьбы. Голова его разгорячилась — он был раздражен анонимными письмами; наконец, он сделался настоящим Отелло. Он написал письмо, полное оскорблений Геккерну-отцу, называя его и его сына бесчестными людьми, и прибавил: «Я надеюсь сегодня вечером на балу у графини Разумовской [1]) дать вам блестящее доказательство моего презрения. Если завтра рано утром вы не явитесь в такой-то час и в таком-то месте дать мне удовлетворение с пистолетом в руке, я вам обоим публично наплюю в физиономию».

Пушкин явился на бал один, без жены, очень веселый; в кармане у него имелся благоприятный ответ и принятие вызова на следующий день. Геккери на бал не явился. Пушкин танцовал, шутил с Тургеневым, которого он пригласил на другой день прийти к нему послушать чтение и назначил ему час, когда сам он должен был быть уже лицом к лицу со своим противником. Пушкин настолько боялся, чтобы дуэль не огласилась и чтобы ей не помешали, что отправился на Комендантскую дачу совершенно один, решив взять в свидетели первого, кто ему попадется под руку. Он встретил на улице Данзаса (брата нашего Бориса [2]) и увез его с собою,— Данзасу невозможно было отказаться.

*) Письмо печатается в извлечении,— действительная дата публикуемой части письма — 3 февраля (по ст. ст.).

**) Вся дальнейшая часть письма, публикуемая здесь, — на французском языке.

Геккери, выстрелив первый, всадил ему пулю в живот. Пушкин упал. Геккери подбежал, чтобы помочь ему, но Пушкин сказал: «Мы здесь не для этого, займите ваше место!» Он велел себя поднять, навел пистолет, выстрелил и причинил бы точно такую же рану Геккерну, если бы последний не держал руки перед собою. Пуля вошла в живот Геккерна уже ослабленная, так как сначала она раздробила ему руку. Так как он также зашатался, Пушкин сказал Данзасу: «Я думал, что его смерть доставила бы мне удовольствие... и я почти огорчен!». Но вышло не так! Дантес будет жить, а Пушкин мертв. Ты можешь себе представить отчаяние его жены и всю сцену, подробно описанную мне Тургеневым. Он, Вяземский, Жуковский и Вьельгорский [3]) не покидали умирающего, который сохранял сознание в то время, как у него холодели уже руки и ноги. Он не хотел, чтобы жена его видела его страдания, пожимал ей руки, обнимал ее и отсылал. Он много раз повторял ей, что она невиновата в его смерти, что это было несчастье, независящее от нее. Он мог говорить это ей в утешение, но думал ли он это сам? Это женщинам, по моему мнению, хороший урок!

Я не нахожу смерть Пушкина более поучительною, чем его жизнь. Он был вольнодумец и умирая, он повторял беспрестанно: «Будет ли этому конец?» Но вот лучший эпизод во всей этой истории, который я берегу на закуску: ты знаешь все, что Пушкин писал и говорил против правительства, его злые сатиры и т. п. Как только государь узнал о его положении, он послал к нему Арндта. Вечером Арндт снова приехал к умирающему с запискою, написанною карандашом рукою государя, которую Арндт должен был возвратить обратно е. и. в. Государь писал ему, приблизительно, следующее: «Прошу тебя, если нам не суждено более свидеться и если ты хочешь получить мое прощение и благословение, примириться с богом и умереть христианином, о детях и жене не беспокойся. С этого момента я беру их на свое попечение». Пушкин мог сам прочесть эти строки; они тронули это ожесточенное сердце, он немедленно приказал позвать к себе священника, прочел еще раз записку государя и сказал Жуковскому и Вяземскому: «Зачем я должен умереть, я бы посвятил ему (т. е. государю) жизнь мою!» *).

К нему никого не пускали, но Елизавета [Михайловна] Хитрово [4]) преодолела все препятствия: она приехала заплаканная, растрепанная и рыдая бросилась в отчаянии на колени перед умирающим поэтом.

Как велик всегда наш ангел-государь! Он усладил последние минуты умирающего, который с трудом написал ему, прося его о помиловании Данзаса. Кажется, что просьба его уважена, так как приказано арестовать только Геккерна и, думают, что он будет разжалован. Таковы подробности, сообщенные мне Тургеневым, находившимся все время у изголовья постели Пушкина. В Петербурге нет других речей, как только об этом, и я осаждаюсь множеством людей, приходящих ко мне за сведениями по поводу события.

Несчастный отец ни о чем не подозревает. Третьего дня я встретил его идущего пешком; мы побеседовали с минутку, и мне было так тяжело видеть этого несчастного спокойным и не подозревающим несчастья, его ожидавшего.

Вот тебе длинное письмо, которое совсем не весело, но ты, моя дорогая, будешь рассудительна и не примешь близко к сердцу смерть человека, искавшего ее со дня своего рождения.

---

*) Эта фраза Пушкина в подлиннике по-русски.

Письмо А. Я. Булгакова кн. О. А. Долгоруковой от 10 февраля 1837 г. *).

Москва, 10 февраля 1837 г.

Трагическая кончина Пушкина все время занимает всех. В Петербурге — две партии, вполне определенные и крайне противоположные: одна — в пользу убитого противника, другая — в пользу того, кто пережил. Большинство, конечно, за первого: прежде всего, его участь более трогательна — он оставил вдову и детей; Россия гордилась его талантом и, притом, он был русский! Я откровенно скажу тебе, моя дорогая, что я не держу стороны ни одного из них, и, несмотря на мою дружбу с Вяземским, Жуковским, Вьельгорским и Тургеневым, я им это написал. Во всем этом прекрасна роль одного государя: как христианин, он приблизил атеиста к богу, как государь, он осыпал дарами вдову и сирот; как человек, он простил все вины и за неблагодарность отплатил благодеяниями. Кто не знал прегрешений Пушкина против его верховной власти! Я хочу верить, что годы умерили бы этот пылкий и дикий характер, что Пушкин, подобно Карамзину, посвятил бы свой огромный талант полезному творчеству, я говорю также, что Пушкин унес с собою более, чем оставил своим современникам, но что, впрочем, все это к лучшему, как я писал Вяземскому: «проживи Пушкин еще 60 лет, он не мог бы быть полезен своей семье так, как он был полезен ей своею смертью, благодаря щедротам нашего ангела-государя». Не находишь ли ты, что это в трагическом роде, то же, что у Бартеневой [5]) в комическом? Тот и другая устроили благополучие своей семьи своею смертью, но, признаюсь, средство было сильно; лучше было бы жить и привести к тому же результату. Но, говорил ли я тебе, что сделал государь для покойного поэта? 5 000 рублей пенсии вдове, по 1 500 руб. каждому из детей [6]) до их совершеннолетия, что, в общем, составляет 11 000 руб. Два его сына приняты в пажи на казенный счет. Так как Пушкин оставил только 300 руб., государь послал 10 000 рублей на похороны; имение его выкуплено из ломбарда, все долги заплачены, а они достигают 80 000 рублей. Кроме того на средства кабинета будет выпущено превосходное издание его произведений, и прибыль поступит в пользу семьи. Не великолепно ли? Поставь рядом заслуги Пушкина, и все-таки благотворительность — прекрасная добродетель всегда, все равно, к кому бы она ни относилась.

Тургенев поехал сопровождать тело Пушкина в его псковское имение. Назначена военная комиссия для суда над обоими противниками и другими участниками дуэли, но Пушкин уже перед судом бога; неизвестно, какова будет судьба Дантеса. Нужно думать, что Константин Данзас, бывший свидетелем Пушкина, не понесет слишком тяжелого наказания, так как умирая Пушкин написал государю, прося его не только о собственном помиловании, но и о помиловании Данзаса, кроме того. Последний был захвачен Пушкиным случайно на улице, за четверть часа до того, как Пушкин упал раненым. Человечность и честь предписывали Данзасу не отказывать Пушкину, так как, отправься Пушкин один, он мог бы быть убит без соблюдения каких бы то ни было правил дуэли.

Вот почти все, что я могу прибавить к первым подробностям, сообщенным мною тебе в моем последнем письме. Это страшная история, покрытая мраком, который рассеет одно лишь время.

*) Перевод с французского.

Письмо А. Я. Булгакова кн. О. А. Долгоруковой от 11(12?) февраля 1837 г. *).

Я был у графини Васильевой [7]) с целью поблагодарить ее за заботы г-жи Р. [8]) к тебе. Я застал ее за обедом; потом был у Трубецкого [9]), которому передал мою и Надину [10]) почты, но получишь ты их значительно позже этого письма. Я только что получил очень длинное, на 8 страницах, письмо от Вяземского; он мне описал последние 30 часов жизни Пушкина. Заметны те огромные усилия, которые он делает, чтобы реабилитировать своего друга в моем сознании. Это делает ему честь, но я всегда отличу Пушкина от Вяземского.

Хочешь ли знать последние стихи нашего великого поэта? Вот они: на последнем балу, где он находился со своею женою, мысли его были заняты дуэлью. Он был озабочен, даже грустен и с неудовольствием созерцал толпу обожателей, преследовавших его жену, во главе которых фигурировал ненавистный Дантес. Жена его, заметив это, приблизилась к нему и сказала: «Что ты так задумчив, мой поэт?» **) Муж на это тотчас же ответил следующими стихами:

«Для твоего поэта
Настал уже поэт,
Люблю, люблю, тебя моя комета,
Но не люблю твой хвост» 11).

Письмо А. Я. Булгакова кн. П. А. Вяземскому от 6 февраля 1837 г.

Только два слова скажу вам, т.-е. тебе, Вяземский, ибо Тургенева полагаю в дороге. Вот к нему посылка и письмо от Нефедьевой [12]); должно быть, портреты его. Комиссии его выполню все. Как-то твое здоровье борется с душевною занозою? И, брат! Поверь, что все к лучшему! Пушкин, проживши 50 лет еще, не принес бы семейству своему той пользы, которая доставила оной смерть его [sic!], а жаль! жаль! Мог, должен был пожить для славы письмен наших. Обнимаю тебя душевно.

А. Б.

6 февраля 1837.

Письмо А. Я. Булгакова кн. П. А. Вяземскому от 11 февраля 1837 г.

Москва, 11 февраля 1837.

Ты желал гласности большой письму твоему, и желание твое сбывается с возрастающею всякий день прогрессиею. Мне нет отбоя от требований. Я не говорю уже о Сонцове [13]), Ив. Ив. Дмитриеве [14]), княгине Четвертинской [15]), Денисе Давыдове [16]), Корсакове [17]), Нащокине [18]), коим даны копии, но теперь успевать списывать нет уже возможности, ибо люди, даже мне почти незнакомые, пишут преучтивые записки, прося позволения приехать прочесть письмо твое. Что удивительно? Это то, что не один образованный круг оказывает участие сие, но купцы, мелкий народ. Например, мои почтамтские. Когда им было читать Пушкина и им ли его хорошо понимать, работая с утра до вечера всякий день и не имея иное в голове, как цифирь и имена городов? Ну, нет! Р. пришел ко мне доложить, что многие жены наших чиновников просят позволения списать письмо для себя. «Позволите ли?» — «Быть так!» Письмо твое, действительно, имеет великую цену, я и сам за большую огласку, оно приобретает вес еще больший, будучи писано свидетелем, очевидцем, другом покойника и человеком, веры достойным, который был тут не один подвержен справедливым опровержениям *). Я скажу тебе откровенно, что никому в мысль не приходит изъяв-

*) Перевод с французского.—Письмо печатается в извлечении.

**) Эта фраза в подлиннике по-русски.

*) Так в подлиннике.

лять *) малейшее сомнение в показаниях твоих. Я тебе сделаю свое замечание одно только: мне жаль, что тут размышление Пушкина о разрядах «cocu» [19]), оно очень основательно, конечно, и было бы хорошо, ежели бы письмо оставалось в некотором кругу нашем, но пущенное ко всемирному сведению, я нахожу тут что-то как бы неловкого для Нат. Ник., особенно, уже слово-то одно «cocu» как-то неблагородно, неприятно слуху; ежели бы вместо «cocu» говорили «jasmin», не так бы боялись первого слова.

Вчера был я все в грустном доме. Вообрази, что сделалось у Пашковых: сын Ольги Алексеевны [20]) Ваня, прекрасный, кроткий, ласковый мальчик, был болен, начиналась горячка, которую разорвали [sic!], он выходил уже из комнаты, ему давали какое-то легонькое лекарство. Надобно было фаталитету, чтобы немец-гувернер, обожающий мальчика, ухаживавший за ним во всю болезнь, как нежный отец, и живущий лет 6 в доме, надобно было, чтобы он вместо микстуры дал выпить больному какой-то состав для отравы клопов. Испуганная мать первая хватилась, послала за доктором, дали противоядие, мальчика вырвало, но кровью одной, силы его были уже истощены от горячки, и несчастный этот отрок 12 лет умер через три часа, но, кажется, без страданий. Положение бедного немца таково, что мать сама его уже утешает, забывая жестокое свое горе. Егора Ив. [21]) нет, он в Симбирске, куда поскакал брат его Николай [22]) с печальною вестью. Экие бывают беды на сем свете! Меня так это перевернуло, что я не мог долго в себя прийти. Прощай, любезнейший мой! Я не хотел послать тебе письмо Муромцева [23]), не сказав тебе двух слов, как я ни занят сегодня. Обнимаю.

*) Первоначально было написано: «показывать», но затем зачеркнуто и сверху надписано: «изъявлять».

Письмо А. Я. Булгакова кн. П. А. Вяземскому от 25 февраля 1837 г.

25 февраля 1837.
Москва.

Оба вы молчите: ты загоревался, а Тургенев запировался; желаю, чтобы твое уединение, а его блины не имели дурных для вас последствий. Вчера сидел я у Сергея Львовича; у него не только глаза, но даже щеки покраснели от беспрестанных горючих слез. Спрашивал я его о невестке, он отвечал: «Я слышал, что она проехала [24]) здесь в пятницу, но ее не видал». Это, видимо, его печалило, а потому и сказал я ему: «Я понимаю, сколь мучительно было бы для нее и для вас первое свидание, она хотела вас поберечь и на себя не надеялась». — «Я сам это так толковать хочу», прервал Сергей Львович, «но зачем детей ко мне не прислала на минуту? У меня одна нога в гробу, я могу умереть, не видевши, не благословив детей моего несчастного Александра!» Он говорил это, заливаясь слезами. «Я не знаю, — прибавил Сергей Львович, — какие должны быть впредь отношения мои к невестке, мне так было бы приятно иметь в ней истинную дочь». Долго описывал свое несчастное положение, не зная ничего о дочери, которая в Варшаве, говоря об отдаленности другого сына, и прибавил: «Слава богу еще, что он в Тифлисе, а не в Петербурге, а то, может быть, пришлось бы мне оплакивать двух сыновей, вместо одного», разумея, что младший сын захотел бы отомстить смерть брата своего. Сергея Львовича захватывают частые удушья, и он сделался очень глух; вспоминал, что мы жили некогда на одном дворе в Немецкой слободе, мы в нашем, а они в доме Нероновой (который ныне мой), что покойник Александр Сергеевич родился почти при мне и пр. С. Л. подарил мне портрет сына, сделанный, кажется, после его смерти, и fac-simile его подписи, нехорошо литографированный,

но довольно похожий. Много говорил Сергей Львович о тебе и дружбе твоей к Александру Сергеевичу. Он глубоко тронут попечениями твоим и Жуковского о покойном. Маленькое письмо от тебя очень бы его утешило. Он все твердит: «A-t-il pensé á moi (son fils) en mourant? Wiasemsky doit le savoir. Est-ce vrai, que mon fils m'a écrit pendant son agonie? Tu m'a dit que Tourgueneff l'avait écrit á quelqu'un». — «Mais, lui dis-je, «si la chose avait été ainsi, vous eussiez reçu cette lettre depuis longtemps». — «Ne l'aurait-on pas cachetée avec les papiers de mon fils?» — «Je l'ignore». — «Est-ce vrai, qu'un colonel de gendarmerie (je crois. . . *) a été adjoint á Joukofsky pour revoir les papiers de mon fils?» — «Je l'ignore, mais je doute de cela, car alors la commission eut été donnée dès le premier moment au c-te Benkendorf de cacheter les papiers du défunt, mais comme s. m. i. en chargea Joukofsky, je suppose que c'est par lui seul que les intentions de l'empereur soient remplies» **). Вот главные черты разговора нашего, я не стану повторять всех вздорных здешних слухов, ибо они не имеют ни основания, ни даже вероятия.

Пушкиных (сиятельных) [25]) я не видел давно, но вот записка вчерашняя графини, по которой увидишь, что ей лучше, слава богу. Ужо постараюсь к ней заехать. Смотри за Тургеневым, как бы он не объелся, а потом не заспался бы в Петербурге до самого светлого воскресения. Нового ничего у нас не слыхать. Прощай. Везу своего Пашку [26]) под Новинское, где, говорят, устроены вовсю горы, комедия etc. А твой Пашка [27]) что поделывает? А что моя фаворитка, контрабас Наденька [28]). У княгини целую ручки, а тебя, понеже мы не англичане, обнимаю.

Забыл я еще сказать тебе, что Сергей Львович чрезмерно желает, чтобы библиотека покойного его сына была свято сохранена для детей его. Я сказал, что не токмо библиотека, но и все, вероятно, имущество будет сбережено. Желал он знать, есть ли опека? Кто опекуны?

Только хочу печатать, является почта и письмецо твое, от 20-го; приложенное отправляю сию минуту Боратынскому [29]); имею пару слов также от воплощенного всемирного путешественника [30]), но сегодня некогда уже писать. Имею пару слов от Жуковского и, отделавшись с почтою, сам повезу письмо его [31]) к Сергею Львовичу.

*) Не разобрано.

**) «...он все твердит: «Думал ли он (его сын) умирая обо мне? Вяземский это должен знать. Правда ли, что во время своей агонии мой сын написал мне? Ты мне сказал, что Тургенев писал об этом кому-то»... — «Но, — сказал я ему, — если это действительно было бы так, вы давно бы уже получили это письмо». — «Не опечатали ли его вместе с бумагами моего сына»? — «Я не знаю». — «А правда, что жандармский полковник (я думаю...) был приставлен к Жуковскому для просмотра бумаг моего сына?» — «Не знаю, но сомневаюсь в этом, так как тогда поручение опечатать бумаги покойного с первого же момента было бы дано графу Бенкендорфу, а так как государь поручил это Жуковскому, то полагаю, что он один и должен был выполнить волю государя».

Письмо А. Я. Булгакова кн. П. А. Вяземскому от 26 февраля 1837 г.

26 февраля 1837.
Москва.

Скажи (on apprend á hurler avec les loups et á écrire dans ce genre avec Tourgueneff *), скажи Жуковскому,

*) «Учат с волками жить, по волчьи выть и в том же духе переписываться с Тургеневым».

что вчера, получа письмо его, я отвез немедленно сам то, которое было на имя Сергея Львовича. Старик читал оное, держа себя обеими руками за голову, облокотившись на стол и рыдая, как ребенок; сестра [32]) хотела, было, отнять у него письмо, но он сказал, заливаясь слезами: «Ah, ne m'ôtez pas la seule consolation qui me reste... cela me fait de bien... cela me soulage!» *). Он выпил воды и продолжал чтение. Я нашел его с гораздо спокойнейшим расположением духа, вот почему: я писал тебе, что он был чрезмерно огорчен тем, что Наталья Николаевна не была у него в проезд ее через Москву и даже не послала наведаться об нем. На другой день отъезда ее явился к Сергею Львовичу брат ее Гончаров [33]) со следующею комиссиею: «Сестрица приказала вам сказать, что ей прискорбно было ехать через Москву и вас не видать, но она должна была повиноваться предписаниям своего доктора; он требовал, чтобы она оставила Петербург, жила спокойно в уединении и избегала все, что может произвести малейшее в ней волнение; в противном случае, не ручается за последствия; сестра чрезмерно изнурена, она приказала вам сказать, что она просит у вас позволения летом приехать в Москву именно для того, чтобы прожить с вами две недели, с тем, чтобы никто, кроме вас, не знал, что она здесь; она привезет вам всех своих детей. Сестра не смеет себя ласкать этою надеждою, но ежели вы будете в силах, то великою было бы для нее отрадою, ежели бы вы приехали к ней в деревню хотя на самое короткое время». Старика поручение это очень тронуло. Наталья Николаевна умно поступила и заставила всех (признаюсь и меня) переменить мнение на ее счет. Молва о ее проезде разнеслась, все узнали, что она не видала Сергея Львовича, и ее немилосердно ругали, особливо женщины. Таковы всегда человеки! Снисходительны к тем, кои в счастьи, а строго взыскивают с тех, кои и без того горем убиты.

Pour continuer á la Tourgueneff. Скажи ему, Тургеневу самому, что пакет его к Аржевитинову [34]) отправил со всеми копиями, как он хотел, что писульку его от 22 я получил. Я понимаю, что неожиданный и странный эпизод кн. Шаховской [35]) на бале у прусского министра [36]) должен был поразить всех; недоставало Тургеневу стать на колени и сделать даже какую-нибудь декларацию, но кому? Эм. Пушкина здесь, Свербеева [37]) также, Зубова [38]) также. Как он это живет в Петербурге без пассии? Хоть бы мад. Récaumier [39]) выписал на масленицу. Сию минуту графиня Эм. прислала письмо к сестре [40]). Ну, махни ко мне в почтальоны и отдай письмо и посмотри, счастливец злобный, какая ожидает тебя награда: прочти на письме упоительные три слова: п о д а т е л ю *дано* б у д е т. Я одного только боюсь, чтобы Тургенев не выкрал письма у тебя и не побежал бы к красавице. Ce sera la scène des grands marronniers du «Mariage de Figaro», surtout si l'Aurore sera attaquée au crépuscule *).

Вот тебе, наконец, письмо от моей Баденской курноски [41]). Ты у меня еще в долгу, обещал сообщить письма некоторые, кажется, писанные Пушкиным Геккерну, т. е. старой змее. Здесь никто не сомневается, что анонимные письма им сочинены, и это уже лестно, что подозревают его в том.

Сейчас Сонцов прислал мне Жуковского письмо к Сергею Львовичу на прочтение, говорит, что... но вот тебе

*) «Не лишайте меня единственного утешения, которое у меня остается... Для меня это хорошо ...это меня облегчает».

*) «Это будет сцена больших каштанов из «Свадьбы Фигаро», особенно если Аврора будет атакована в сумерки».

и записка его. Прощай. Обнимаю вас всех троих. Возьми на подбавку Вьельгорского, то будет всех четверых.

Письмо кн. П. А. Вяземского А. Я. Булгакову от 29 марта 1837 г.

29 марта [1837] *).

Я получил сегодня милое письмо от милой Ольги прекрасной. Оно от 26-14 марта и порадовало меня известием, que la santé et l'humeur vont mieux **). Она просит у меня подробностей об истории Пушкина. Послал ли ты ей, хоть в извлеченьи, мое письмо к тебе? А не то я пошлю от себя. Только отвечай поскорее.

Мои глаза не велят писать. Прости. Обнимаю.

29 марта.

Письмо кн. П. А. Вяземского кн. О. А. Долгоруковой от 7 апреля 1837 г. ***).

С.-Петербург. 7-19 апреля. 1837.

Я только что узнал, дорогая княгиня, что м-me Толстая [42]) уезжает завтра в Баден-Баден, и спешу поблагодарить вас за ваше милое письмо от 26-14 марта. С чувством приятного и грустного удовлетворения вижу я, что смерть Пушкина пробудила в вас живую и глубокую симпатию. Спасибо вам! Вы спрашиваете меня о подробностях этого прискорбного события; очень хотел бы я вам сообщить, но предмет щекотлив. Чтобы объяснить поведение Пушкина, нужно бросить суровые обвинения против других лиц, замешанных в этой истории. Эти обвинения не могут быть обоснованы положительными фактами: моральное убеждение в виновности двух актеров этой драмы, только что покинувших Россию, глубоко и сильно, но юридические доказательства отсутствуют. Роль дяди, отца или, — я не знаю, как назвать его, — особенно двусмысленна. Одним словом, бедный Пушкин был, прежде всего, жертвою (будь сказано между нами) бестактности своей жены и ее неумения вести себя, жертвою своего положения в обществе, которое, льстя его тщеславию, временами раздражало его, — жертвою своего пламенного и вспыльчивого характера, недоброжелательства салонов и, в особенности, жертвою жестокой судьбы, которая привязалась к нему, как к своей добыче, и направляла всю эту несчастную историю. Достоверно лишь то, что меньше всего виноват был сам Пушкин. Я думаю, что вы неправы, сожалея о судьбе сестры м-me Пушкиной. Она получила только то, что хотела, так как никто в семье не думал об этом браке, и не было никакого самопожертвования ни с той ни с другой стороны. Интересно, какова будет ее судьба теперь. Во всяком случае, единственная благородная, великодушная и навсегда интересная жертва — Пушкин.

Вот копия моего письма вашему отцу. Вы найдете там отчет о последних днях нашего несчастного друга. Впрочем, вы сможете узнать все подробности события, как только его высочество великий князь Михаил будет с вами. Я знаю, что у него есть официальное донесение и довольно полное.

Вот также стихи [43]) Пушкина, найденные в его бумагах со многими другими. Они очень трогательны и, может быть, они последние, вылившиеся из-под его пера.

Я все болен. Если вы запрещаете мне говорить с вами о ваших глазах, позвольте мне, по крайней мере, побеседовать с вами о моих. В результате 3-х гриппов, перенесенных мною, один за другим, у меня осталась нерв-

*) Верхняя дата «29 марта [1837]» Вяземскому не принадлежит.

**) «что здоровье и расположение духа улучшаются».

***) Перевод с французского.

ная слабость глаз, которая мешает мне заниматься, и я с трудом пишу вам. С трудом и вы меня прочтете, так как мой почерк должен быть более, чем когда-либо неразборчив. Я хотел бы этою весною поехать на какие-нибудь воды, но получить разрешение переплыть море так же трудно, как его выпить, и я еще не знаю, на что решусь. Помолитесь за меня, который молился за вас. Начинается весна, и кончается великий пост, пролетевший, благодаря потоку раутов и концертов, с невероятною быстротою. Княгиня Трубецкая [44]) еще не успела простыть от пляски на масленице и уже готовится плясать на светлое воскресенье *). Эта женщина на глазах молодеет и, если так будет продолжаться, то скоро придется крестить ее снова, так как она превратится в новорожденную. Соберите об об этом сведения у м-ме Толстой.

Что скажете вы о московских свадьбах, об этих ветхозаветных романах Неелова и м-ме Киселевой [45]), кн. Грузинской и Александра Толстого? [46]) Надеюсь выслать вам при этой оказии запас провианта. Знаю, что там вы сможете иметь не менее прекрасные папиросы, но —

«И дым отечества нам сладок
и приятен!»

и потом, волею — неволею, вы подумаете обо мне!

Прощайте, дорогая и милая княгиня! Мое почтение вашим. От всего сердца целую ваши ручки.

Если представится к тому случай, соблаговолите повергнуться к стопам е. и. в. и сообщить ему, что на этих днях я готовлюсь стать дедушкою, что, мимоходом, заставит его вступить в ту же категорию, так как он удостоил быть посаженым отцом Марии [47]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Разумовская, Мария Григорьевна, графиня (1772—1856), урожд. кн. Вяземская.

[2]) Данзас, Борис Карлович (1799—1868), брат товарища Пушкина по лицею и его секунданта Константина Карловича Данзаса, впоследствии сенатор, первоприсутствующий угол. касс. департамента.

[3]) Вьельгорский, Михаил Юрьевич, гр., (1787—1856), композитор, приятель Пушкина и кн. В. Ф. Одоевского.

[4]) Хитрово, Елизавета Михайловна (1783—1839), ур. кн. Голенищева-Кутузова, по первому браку бар. Тизенгаузен.

[5]) Бартенева, Феодосия Ивановна (1790—1835), ур. Бутурлина, жена Арсения Ивановича Бартенева (1780—1861). После ее смерти ее дочери были взяты ко двору.

*) Эта фраза в подлиннике по-русски.

[6]) Пушкин, Александр Александрович (6-VI 1833—19-VII 1914), старший сын поэта, генерал-от-кавалерии, почетный опекун Московского опекунского совета.

Пушкин, Григорий Александрович (14-V 1835 5-VIII 1905), младший сын поэта, почетный мировой судья по Опочецкому уезду Псковской губ.

Пушкина, Мария Александровна (1832—1919), в замужестве Гартунг. Жена г.-м. Л. Н. Гартунг.

Пушкина, Наталья Александровна (1836—1913), по второму браку графиня Меренберг. В первом браке замужем за полковником флигель-адъютантом Михаилом Леонтьевичем Дубельтом (1822—1900); во втором — за Николаем, принцем Нассаусским (1832—1905).

[7]) Васильева, Мария Ивановна, графиня (1785—1870), урожд. Кутайсова, жена Владимира Федоровича Васильева (1782—1859).

[8]) Рахманова, Анна Владимировна (1809—1862), дочь графа Владимира Федоровича и Марии Ивановны Васильевых, жена штаб-ротм. Николая Федоровича Рахманова.

[9]) Трубецкой, Николай Иванович, князь (1796—1873), приятель князя П. А. Вяземского.

[10]) Пашкова, Надежда Сергеевна (1811—1880), ур. кн. Долгорукова, жена Сергея Ивановича Пашкова, belle-soeur кн. О. А. Долгоруковой.

[11]) Известные стихи, долгое время приписывавшиеся А. С. Пушкину. Впервые напечатаны Н. Н. Гербелем в «Русском архиве», 1876 г., кн. III, в следующей редакции:

«Для твоего поэта
Настал великий пост,
Не ожидай, чтоб в эти лета
Я был так прост:
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвост».

[12]) Нефедьева, Александра Ильинична (1782 — 1857), родственница по матери, ур. Качаловой, А. И. Тургенева.

[13]) Сонцов, Матвей Михайлович, дядя А. С. Пушкина, женатый на родной тетке его Елизавете Львовне.

[14]) Дмитриев, Иван Иванович (1760—1837), известный баснописец.

[15]) Четвертинская, Надежда Федоровна, кн. (1791—1883), ур. Гагарина, жена кн. Бориса Антоновича Святополк-Четвертинского, сестра кн. Веры Федоровны Вяземской, жены поэта.

[16]) Давыдов, Денис Васильевич (1784—1839), поэт, партизан 1812 года.

[17]) Корсаков — Григорий Александрович Римский-Корсаков (ум. 1852 г.), сын Александра Яковлевича и Марии Ивановны (ур. Наумовой) Римских-Корсаковых.

[18]) Нащокин, Павел Воинович (1800—1854), друг А. С. Пушкина.

[19]) Замечание Булгакова относится к известному месту в письме П. А. Вяземского к Булгакову от 5-II: «Il a deux espèces de cocus, говорил он (Пушкин) Д'Аршиаку, секунданту Геккерна за час до поединка: ceux qui le sont de fait savent à quoi s'en tenir; le cas de ceux qui le sont par la grace du publicest plus embarassant et c'est le mien». («Есть два рода рогоносцев: настоящие знают, как им быть; но положение тех, которые — рогоносцы по милости публики, затруднительнее, и таково мое». «(Русский архив», 1878, кн. 6, стр. 246)).

[20]) Пашкова, Ольга Алексеевна (1802—1842), ур. Панчулидзева.

[21]) Пашков, Егор Иванович (1795—1860), муж Ольги Алексеевны, генерал-майор.

[22]) Пашков, Николай Иванович (1800—1873), композитор и певец.

[23]) Муромцев, Матвей Матвеевич (1790—1875). Выйдя в отставку полковником, поступил в гражданское ведомство и последовательно занимал должности: владимирского, тамбовского вице-губернатора, рязанского губ. предводителя дворянства, саратовского вице-губернатора и таврического гражданского губернатора. Семейство Муромцевых было очень дружно с Карамзиными и Вяземскими.

[24]) В имение Гончаровых «Полотняный завод» Калужской губернии.

[25]) Мусин-Пушкин, Владимир Алексеевич, граф (1798—1854) и жена его Эмилия Карловна, ур. Шернвалль (1810—1846).

[26]) Булгаков, Павел Александрович (1825—1873), сын Александра Яковлевича Булгакова, консул в Любеке.

[27]) Вяземский, Павел Петрович, кн. (1820—1886), сын поэта; впоследствии попечитель Казанского учебного округа и начальник главного управления по делам печати.

[28]) Вяземская, Надежда Петровна, дочь кн. П. А. Вяземского (1822—1840).

[29]) Боратынский, Евгений Абрамович (1800—1844), известный поэт.

[30]) Тургенев, Александр Иванович, (1785—1846 г.).

[31]) Известное письмо Жуковского от 15-II 1837 г. к Сергею Львовичу Пушкину о кончине А. С. Пушкина.

[32]) Сонцова, Елизавета Львовна.

[33]) Сергей или Иван Николаевичи Гончаровы, так как старший брат Наталии Николаевны, Дмитрий Николаевич Гончаров, должен был сопровождать ее в Калужскую губернию (см. письмо П. А. Вяземского к Б. Я. Булгакову от 5 февраля: «Наталия Николаевна ожидает брата старшего из Калужской губернии и поедет с ним и с семейством своим тотчас в Калужскую губернию». «Русский архив», 1870, кн. 6, стр. 246).

[34]) Аржевитинов, Иван Семенович (ум. 1842 г.), майор, родственник по отцу А. И. Тургенева.

[35]) Шаховская, Анна Семеновна (ум. 1843 г.), ур. Жегулина, жена кн. Петра Федоровича Шаховского (ум. 1841 г.).

[36]) Барон Либерман — прусский посланник при русском дворе. — В своей записной (неопубликованной) книге «Современные происшествия и воспоминания мои» Булгаков так рассказывает об этом событии: «На бале у прусского министра было неожиданное странное происшествие, которое расстроило на весь вечер общую веселость. Государь разговаривал с англ. послом лордом Дургамом, как вдруг почувствовал, что его кто-то берет за колена; обернувшись он изумился, увидя у ног своих женщину, которая твердила: «Государь, возврати сыновей моих из Сибири, они не умерли!» «Что вы делаете, сударыня»? сказал государь. — «Место ли здесь просить меня об этом? Кто вы? Встаньте, ради бога!» Оказалось, что дама сия была княгиня Шаховская, урожденная Жегулина, лишившаяся вдруг ума. Она подлинно имела двух сыновей, но они давно померли. К ней подошла падчерица ее, бывшая некогда замужем за гр. Шуваловым, потом за гр. Полье, а ныне супруга неаполитанского в Петербурге посланника князя Бутера, которая заставила ее встать. Больную посадили в карету и увезли домой. Хотя все объяснилось, но, не менее того, происшествие сие произвело на всех и на самого государя неприятное впечатление и подало повод к разным глупым толкам. Многие тут же стали рассказывать, что мать бросилась к ногам государя просить о детях, замешанных в заговоре 14 декабря».

[37]) Свербеева, Екатерина Александровна, ур. кн. Щербатова, жена Дмитрия Николаевича Свербеева, автора известных «Записок».

[38]) Зубова, Александра Александровна, урожд. Эйлер (1808—1870), жена Алексея Николаевича Зубова.

[39]) Mad. Récaumier (1777—1849) салон, которой 'de l'Abbayeau-Bois привлекал много выдающихся людей ее времени.

[40]) Шернвалль, Аврора Карловна (1813—1902), в первом браке за Павлом Николаевичем Демидовым, во втором за Андреем Николаевичем Карамзиным (1814—1854 г.), старшим сыном историка.

[41]) Долгорукова, Ольга Александровна, кн. (1814—1865), дочь А. Я. Булгакова, жившая в это время в Баден-Бадене. Она же «Ольга прекрасная» в письме кн. П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову от 29 марта.

[42]) M-me Толстая. Кого именно из Толстых называют здесь кн. Вяземской, определить точно не представляется возможным.

[43]) Письмо найдено без приложения. Никаких собственноручных стихотворений А. С. Пушкина в фонде А. А. Львовой и в бумагах ее матери кн. О. А. Долгоруковой также не обнаружено. Возможно, что это был список, сделанный рукою кн. П. А. Вяземского, стихотворения Пушкина «19-е октября», напечатанного впервые под заглавием: «Лицейская годовщина» в «Современнике» 1837 г., т. V, в отделе: «Три последние стихотворения Пушкина».

[44]) Трубецкая, вероятно, Софья Андреевна, кн. (1796—1848), урожд. Вейсе,

жена ген.-ад. кн. Василия Сергеевича Трубецкого (1776—1841).

[45]) Неелов, Сергей Алексеевич (1778—1852) и Киселева, Александра Дмитриевна (1790—1858).

[46]) Толстой, Александр Петрович, граф (1801—1873) и Грузинская, Анна Георгиевна, кн. (1798—1889). Толстой, А. П., ген.-лейт., обер-прокурор синода, член Госуд. Совета.

[47]) Валуева, Мария Петровна (1813—1848), дочь кн. П. А. Вяземского, жена Петра Александровича Валуева (1815—1899), впоследствии министра и графа.

Ответственная редакция: В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. *А. Попов* 3— 33
Апрельские дни 1917 года в Петрограде. С предисловием *В. Рагметова* 34— 82
Колчак и Финляндия. С предисловием *Н. Нелидова* . . . . . 83—144
Совещание губернаторов в 1916 г. . . . . 145—169
Из дневника А. А. Половцова (1877—1878 гг.). . . . . 170—203

Из записной книжки архивиста

«Социалист», орган юго-западной группы партии «Народной воли». Сообщил *С. Валк* . . . . . 204—211
Прокламация С. Г. Нечаева к студентам. Сообщил *Б. Козьмин* . . 211—213
Ишутинцы в тюрьме и ссылке. Сообщил *М. Клевенский* . . . . . 213—221
Новые материалы о дуэли и смерти А. С. Пушкина. С предисловием *М. Цявловского* . . . . . 222—235